

Ордена Трудового Красного Знамени
Военное издательство
Министерства обороны СССР
Москва — 1976

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Пропал без вести...» Эти слова — тяжкий и, казалось бы, безнадежный приговор, произнесенный войной над миллионами людей. Таковы были бесконечно трудные условия нашей смертельной борьбы с германским фашизмом, особенно в первые ее годы. Множество бойцов безвестно погибли на бесчисленных промежуточных рубежах обороны, в окружении, в отрядах, оставшихся в тылу врага, в яростных партизанских схватках, в антифашистском подполье на оккупированной территории, в страшных гитлеровских лагерях смерти, в застенках гестапо. Они погибли, зная, что, быть может, никто и никогда не узнает об их боевых делах, погибли, отдав свою жизнь «не ради славы — ради жизни на земле». С великой простотой истинных героев они уходили в небытие.

Прошло много лет. И оказалось, что память истории прочнее и богаче, чем мы предполагали. словно в своеобразном «подсознании» она хранила многое из того, что мы считали безвозвратно утерянным. Выяснилось, что сотни и тысячи людей, которые числились пропавшими без вести, на самом деле погибли героической смертью в борьбе с врагом. Они совершили удивительные подвиги, достойные того, чтобы навсегда занести их в летопись боевой славы народа. Они проявили при этом великолепные качества человека и воина и, ожив в памяти людской, будут служить высоким примером для нашей молодежи, для будущих поколений советских граждан.

За последние годы многие наши журналисты, писатели и просто любители-следопыты занялись поисками неизвестных героев Великой Отечественной войны, выяснением их судеб, обстоятельств гибели. Благодаря этим добровольным исследователям история нашей борьбы с гитлеризмом обогатилась новыми волнующими фактами и героическими именами. И все более величественным встает перед нами подвиг народа в этой смертельной борьбе.

Московский литератор и журналист Георгий Фролов — один из добровольных следопытов — историков войны. Его энергия, настойчивость, горячая душевная заинтересованность в судьбе человека дали нам возможность узнать о славной героине

войны — соратнице бессмертной Зои — сибирячке Вере Волошиной. Боевая история нашего комсомола пополнилась еще одним подвигом, еще одним именем. Неизвестная нам доселе партизанская соратница Зои оказалась ее родной сестрой по судьбе. С тем же мужеством боролась она с врагом, с тем же бесстрашием приняла смерть от рук гитлеровских палачей. И это еще раз подчеркивает массовый героизм молодежи военных лет.

Но так богата история Великой Отечественной войны, что литературный поиск в этой области, как правило, вызывает своего рода цепную реакцию — исследуя биографию неизвестного героя, автор встречает рядом с ним других увлекающих его людей, другие неизвестные и поражающие воображение подвиги. Так случилось и с Георгием Фроловым: рядом со светлым чистым образом Веры сначала смутно, а потом все яснее и яснее стала возникать и проявляться фигура ее друга Юрия Двужильного. В поле зрения автора оказался еще один до того неизвестный, но глубоко достойный народной памяти и славы молодой воин — Герой Советского Союза Юрий Двужильный. Так родилась эта книга.

«Вера Волошина» и «Юрий Двужильный» — первые произведения Георгия Фролова. В них, как и во всякой первой книге, есть свои удачи и неудачи. Но судьба Веры Волошиной и ее товарища не оставят молодого читателя равнодушным, заставят его задуматься над своей судьбой, характером, над будущей жизнью. И он обязательно почувствует себя благодарным автору за настойчивый поиск, результатом которого явилась эта книга.

Присоединяюсь к этой благодарности и хочу пожелать моему молодому товарищу по перу новых благородных поисков, новых книг, полных чистой, безыскусственной и суровой правды героических будней Великой Отечественной войны.

Лауреат Ленинской премии С. С. СМИРНОВ

ОТ АВТОРА

Утром 22 июня сорок первого года три студентки, подружки по общежитию, купили в подарок Вере Волошиной белое свадебное платье. Трудно сказать, чего здесь было больше: девичьего озорства или твердой уверенности в том, что подарок этот скоро пригодится.

Но всего лишь на несколько минут надела его Вера: там, в магазине, чтобы примерить. Потому что не свадебное платье и легкие туфельки, а тяжелые солдатские сапоги и телогрейка стали ее нарядом...

В тот же день снова стал в ряды воинов и Юрий Двужильный, близкий друг и одноклассник Веры, с кем связывало ее первое светлое чувство. Юрий учился в Ленинграде, Вера — в Москве, и каждый год они вместе уезжали в родной город на студенческие каникулы. Собирались и в этот раз...

Вера погибла под Москвой в сорок первом году, а Юрий — в Белоруссии в сорок четвертом. Когда их не стало, им было немногим больше двадцати, и для нас они навсегда останутся молодыми...

О том, как удалось узнать о судьбе Веры Волошиной, долгие годы считавшейся пропавшей без вести, и о Юрии Двужильном, похороненном в безымянной братской могиле под Могилевом, рассказывается в этой книге.

Знаю, что после минувшей войны у нас осталось много безымянных братских могил. И мне очень хочется, чтобы этот рассказ о поиске, продолжавшемся несколько лет, и раздумья, порой горестные и тревожные, не дававшие мне покоя все это время, нашли отклик в сердцах читателей.

Поверьте, я буду по-настоящему счастлив, если эта книга умножит ряды добровольных искателей — следопытов нашей истории и это движение, получив широкую поддержку, приведет к тому, что мы не ради красного словца, как это бывает нередко, а с полным основанием сможем сказать: «Никто не забыт и ничто не забыто!»

НАЧАЛО ПОИСКОВ

Об одном прошу тех, кто переживает это

время: не забудьте!.. Терпеливо

собирайте свидетельства о тех,

кто пал за себя и за вас.

Придет день, когда настоящее

станет прошедшим, когда будут говорить о
великом времени и безымянных героях,
творивших историю.

Юлиус Фучик

Откровенно говоря, первые страницы этой повести были для меня самыми трудными: я долго размышлял над тем, как начать повесть о Вере Волошиной. Хотелось начать ее необычно. В конце концов я решил, что самой лучшей формой повествования будет простой и правдивый рассказ о том, как в результате поисков, продолжавшихся несколько лет, мне удалось узнать о жизни, боевых делах и героической гибели разведчицы Веры Волошиной.

Вот как это было.

15 февраля 1957 года в «Комсомольской правде» я прочитал небольшую заметку кемеровского корреспондента Валентина Калачинского «Она сражалась рядом с Зоей». Автор рассказывал в ней о том, что в ноябре 1941 года вместе с Зоей Космодемьянской в тылу немецко-фашистских войск сражалась девушка из сибирского города Кемерово, студентка Московского института советской торговли Вера Волошина. Здесь же, в газете, была помещена ее фотография.

Что-то удивительно знакомое, близкое было во всем облике этой отважной девушки, в ее задумчивых, немного грустных глазах. Где же раньше я мог видеть ее?

И мне невольно вспомнились первые дни войны, неожиданно ворвавшейся в мое детство как что-то непонятное, нелепое, страшное...

По пыльной дороге бесконечным потоком шли и ехали на восток беженцы. Скрипели колеса, ржали лошади, плакали дети. Дорожная пыль, словно желтый туман, с утра и до позднего вечера висела в воздухе, и сквозь нее зловеще светилось багровое солнце, медленно склонявшееся к закату.

Над дорогой, почти касаясь деревьев, часто проносились самолеты с черными крестами на крыльях. Люди бросались в стороны, стараясь укрыться в придорожных, пропыленных насквозь кустах и канавах. А когда самолеты исчезали, на дороге снова начиналось движение...

По ночам на западе колыхалось зарево пожаров, орудийные раскаты с каждым днем доносились все ближе и ближе. И вот они перекинулись через нашу небольшую деревушку, затерявшуюся среди лесов и болот Белоруссии, и теперь уже гремят на востоке, все дальше и дальше. Скоро гул орудий затих совсем, и только одно

стеклышко в нашем окне, выходившем на восток, еще долго по ночам дребезжало мелкой, еле приметной дрожью...

Вспомнилось холодное, дождливое утро, когда я впервые увидел партизан. Они вышли на опушку леса, где я пас деревенское стадо. Ко мне подошла девушка. Как сейчас, вижу тревогу в ее глазах, светлые волосы, выбившиеся из-под солдатской шапки, прожженные в нескольких местах полы шинели, разбитые сапоги, перевязанные кусками полевого кабеля...

— Мальчик, у вас в деревне есть немцы? -спросила она тихим, немного охрипшим голосом.

Мне особенно запомнились глаза девушки. Наверное, совсем недавно они были голубыми, но теперь их безмятежная голубизна потемнела, как и это тревожное небо осени. А руки, покрасневшие на ветру, еще непривычно, но с каким-то отчаянным упрямством сжимали цевье старой трехлинейки, видать послужившей не одному поколению русских солдат...

И хотя после этой короткой встречи прошло немало лет, мне и сейчас кажется, что я узнал бы эту девушку, ее глаза среди тысяч других глаз...

Теперь-то я знаю, что Вера Волошина никогда не бывала в Белоруссии. Но ее фотография в газете, небольшая заметка о разведчице-сибирячке глубоко взволновали меня, напомнив о минувшей войне.

В 1956 году я закончил Московский университет и начал работать ответственным секретарем редакции многотиражной газеты «Советский студент» Московского института народного хозяйства имени Плеханова, где готовят специалистов для торговли и общественного питания. Поэтому, когда я узнал, что Вера Волошина училась в торговом институте, мне захотелось рассказать о ней нашим студентам на страницах многотиражки.

Вскоре мне стало известно, что документы института, в котором перед войной училась Вера, хранятся в Центральном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства. Здесь меня встретила какая-то особенная, волнующая тишина. Вдоль узкого прохода — стеллажи с тысячами аккуратно пронумерованных, пожелтевших от времени дел. Казалось, стоит раскрыть одну из этих многочисленных папок — и на тебя повеет дыханием истории.

По дороге в архив я волновался: «Сохранились ли документы Веры? Ведь с тех пор столько лет прошло!» Но теперь в этой строгой, торжественной тишине с каждой минутой крепла уверенность: здесь документы должны обязательно сохраниться! Наконец в моих руках небольшая светлая папка с крупной надписью:

Личное дело

№ 658

ВОЛОШИНА ВЕРА ДАНИЛОВНА
ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Раскрываю папку. Небольшая поблекшая от времени фотография красивой белокурой девушки с копной светлых, коротко подстриженных волос, обычный в те годы листок по учету кадров с множеством различных вопросов и кратких ответов, несколько выписок из приказов по институту и короткая автобиография, которую я привожу полностью.

«Родилась в 1919 году в г. Кемерово. В 1927 году поступила в школу. В 1935 году вступила в ВЛКСМ. В 1937 году закончила десятилетку и поехала учиться в Московский центральный ордена Ленина институт физической культуры. Сейчас по состоянию здоровья заниматься в нем не могу и подаю заявление на подготовительные курсы вашего института.

Отец неродной, но в 1936 году я им была удочерена. Работает на азотнотуковом комбинате в г. Кемерово.

Мать — медицинская сестра детской консультации.

Все. Волошина. 27/VIII-38 г.»

А вот выписка из приказа по институту:

«В ознаменование 23-й годовщины Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Военно-Морского Флота за активную оборонную работу в сочетании с отличными и хорошими успехами в учебе студентке третьего курса торгово-экономического факультета Волошиной В. Д. объявить благодарность.

22 февраля 1941 года». :

А дальше в личном деле были аккуратно подшиты письма матери Веры, Клавдии Лукьяновны, упорно, но безуспешно разыскивавшей свою дочь, погибшую где-то под Москвой в ноябре 1941 года... Нельзя было без боли читать эти письма матери, которая вот уже много лет пытается узнать, что же случилось с ее дочерью, разгадать таинственный смысл трех слов «пропала без вести...».

В тот же день я написал Клавдии Лукьяновне письмо. Ответ пришел скоро. Мать Веры горячо откликнулась на мою просьбу рассказать о дочери и выразила готовность помочь мне во всем. Она сообщила несколько адресов институтских товарищей Веры и ее боевых подруг — Клавды Милорадовой и Наташи Обуховской, а в конце письма приглашала приехать к ней в гости, ведь в письме всего не расскажешь.

Вскоре такой случай представился.

Меня встретила на вокзале Клавдия Лукьяновна, худенькая, рано поседевшая женщина с добрыми глазами, в которых навсегда застыли скорбь и недоумение.

Долгими зимними вечерами рассказывала она мне о своей Веруське, о том, как она росла, училась в школе, институте. С ласковой материнской улыбкой вспоминала ее

детские проказы, бережно перебирала довоенные фотографии, ученические тетради, письма...

И уже когда я уезжал обратно в Москву, попросила, прощаясь:

— Если можно, Георгий Николаевич, узнайте о судьбе Веры, найдите ее могилу. Ведь я столько лет ничего не знаю о ней...

И я обещал, потому что мне самому была хорошо известна вся свинцовая тяжесть этих трех коротких слов «пропал без вести» — такое же извещение получила и моя мать в первую послевоенную весну. И до сих пор я ничего не знаю о судьбе моего отца, комиссара учебного батальона 6-й дивизии 40-й армии Фролова Николая Евдокимовича, пропавшего без вести под Воронежем летом 1942 года.

Я знал, что не отступлюсь до тех пор, пока не выполню обещание, данное Клавдии Лукьяновне. И уже позднее, когда я бродил по лесам и полям Подмосковья, мне очень хотелось верить, что, быть может, вот так же, как я иду по следам девушки-сибирячки, кто-нибудь идет по дорогам, пройденным моим отцом.

...Вернувшись в Москву, я разыскал живущих здесь товарищей Веры по институту, ее боевых подруг, написал письма в другие города. И вскоре один за другим из разных уголков страны стали приходить ответы: друзья и товарищи Веры охотно делились своими воспоминаниями, присылали довоенные фотографии, вырезки из газет, сообщали новые адреса.

Вот несколько отрывков из этих писем:

«...Я училась вместе с Верой с четвертого по десятый класс,- пишет Н. Кочеткова.- Помню, когда я впервые пришла в школу, ко мне в классе подошла белокурая, голубоглазая девочка.

— Ты новенькая? — спросила она и тут же предложила: — Садись за мою парту, будем дружить. Хорошо?

В классе я быстро освоилась, и вместе с Верой мы были в числе лучших. В конце учебного года нас сфотографировали с учениками — ударниками школы. Высылаю вам эту фотокарточку...»

Точно такую же фотографию показала мне и Клавдия Лукьяновна, когда я был в Кемерове. На обратной стороне карточки было написано:

«На память лучшему ученику-ударнику Волошиной Вере».

О детстве Веры тепло вспоминает и Екатерина Ивановна Андреева.

«С Верой я вместе не училась,- пишет она,- но мы с ней жили в одном доме на Нижней Колонии. В первом классе я тяжело заболела. Вера тогда училась в третьем. Лежала я дома, кровать стояла у окна, и Вера, возвращаясь из школы, всякий раз забиралась на завалинку и стучала в окно, чтобы привлечь мое внимание. А потом долго рассказывала школьные новости, о подружках, о том, как она учится. Однажды Вера попросила открыть окно (мне уже стало лучше) и подала небольшой сверток. В нем

оказалась фарфоровая чашечка и блюдце из кукольной посуды. Какая же это была для меня радость! В те годы семье нашей жилось трудно и у меня не было покупных игрушек...»

Валентина Степановна Мардыга (до замужества — Жиганова) прислала письмо из Феодосии, где она живет и работает в санатории «Восход». Ее воспоминания о Вере Волошиной мне показались очень интересными, и я решил привести их почти целиком: «Моя дружба с Верой началась еще в дошкольные годы, когда мы с ней оказались соседями по квартире. Знакомство наше, как это бывает у детей, состоялось очень быстро. Я играла с корзиночкой на нашем общем крыльце. Вышла Вера, посмотрела и тут же ушла в дом. Вскоре вернулась с такой же корзиночкой и сказала: — А у меня такая же. Видишь? Давай вместе играть!

В куклы мы любили играть на крыльце и еще — у Веры под кроватью. Качались на качелях, подвешенных на перекладине, играли в «классики», а летом, когда цвела желтая акация, ходили к Народному дому и ели цветочки. Не знаю, как сейчас, а тогда было вкусно...

Зимой катались на санках с горы. Не только мы, дети, но и взрослые. Было весело и шумно. Часто возил нас и валял в снегу пес наш Маркиз, и тогда радости нашей не было предела. Ворчание Верининой бабушки Оли, обметавшей снег с нас веником, было не таким уж страшным.

Иногда родители водили нас в Народный дом, где в торжественные дни, посвященные празднованию Великого Октября, мы, дети, читали взрослым стихи о Ленине.

И еще: мы очень любили ходить на берег Томи весной, смотреть ледоход.

Необыкновенное зрелище: льдины, голубовато-белые, плывут по реке то сплошной массой, то громоздясь друг на друга, то внезапно распадаясь. В городе нашем, пожалуй, не было ни одного человека, кто не ходил бы смотреть ледоход.

Вместе с Верой пошли мы в школу. У нас появились подруги, друзья. Весной вместе с преподавателем ходили в поле за подснежниками. И летом собирали цветы — ландыши, огоньки, незабудки. Сидели у костра, пекли картошку, любили купаться, забравшись на остров, что посреди Томи. В школьные годы началось наше увлечение спортом.

Школьные годы замечательны тем, что научили трудиться и дружить. И в этом огромная заслуга учителей 12-й образцовой школы М. Н. Конторщикова, Н. И. Ступникова, А. В. Мироненко, пионервожатой А. Скопиной и других замечательных людей.

Вера была заметной девочкой в школе. Стройная, она держалась очень прямо. Голубоглазая, светловолосая, с длинными, тугими косами, которые она легким кивком головы забрасывала за спину. Эта привычка осталась у нее и после того, как в 9-м классе Вера коротко остриглась.

Вера росла в хорошей, дружной семье. В их маленькой квартире было удивительно чисто, никаких ненужных вещей. Чистота и порядок поддерживались всеми членами семьи: и бабушкой Олей, и Клавдией Лукьяновной, и дядей Володей (отчим Веры), и Верой.

Дядя Володя был радиолобителем. Однажды я пришла к Вере и увидела ее сидящей тихо, к чему-то прислушивающейся, с черными колесиками на ушах. Оказалось, что это — наушники, и мы могли вместе слушать радио. Очень жаль, что у меня не сохранился снимок Веры возле радиоприемника, с наушниками на голове...

Вера была обыкновенной девочкой — и озорной, и веселой, и в меру кокетливой. И все же она отличалась от нас, девочек, упорством в достижении задуманного, неиссякаемой энергией. Хотела много знать и уметь, хотела, чтобы и мы, ее подруги, тоже знали и умели. Помню, как в 5-м или 6-м классе по инициативе Веры мы стали изучать немецкий язык (разговорную речь) у нашей одноклассницы — немки Клары Килиман, отец которой был приглашен из Германии на строительство Кемеровской ГРЭС. И хотя наши занятия чаще напоминали игру, прерывались волейболом, всевозможными стойками и мостиками, нельзя сказать, что это было лишь детской забавой. Кое-что было усвоено, особенно произношение надолго запомнилось, а Вере потом очень пригодилось...

Общительная и справедливая, Вера имела много друзей и подруг. К ней тянулись и малыши, и старшеклассники. Со всеми она находила общий язык. С одними писала стихи, оформляла стенгазету, с другими играла в шумовом оркестре на гребенке. Танцевала и охотно пела в нашем школьном хоре.

Училась Вера хорошо, ровно. Я не помню случая, чтобы Вера не выполнила домашнее задание или плохо отвечала на уроке.

В нашей школе все любили спорт. Но мне кажется, что больше всех им увлекалась Вера. Ей хотелось освоить все виды спорта. Она хорошо плавала, управляла лодкой, прыгала с вышки в воду, зимой ходила на лыжах. Ей принадлежал рекорд города по прыжкам в высоту среди школьников. Очень любила спортивные игры (баскетбол, волейбол), гимнастику. Вера была бессменным участником всех спортивных соревнований — школьных, городских, областных.

Все это давалось, конечно, не без труда. И без смеха тоже не обходилось. Помню, как мы учились кататься на коньках. В детстве на «снегурочках» мы довольно бойко бегали по дорогам, а когда, повзрослев, впервые пришли на каток и надели ботинки с настоящими коньками, то вдруг, к великому удивлению, обнаружили, что кататься не умеем. Увидев, что мимо нас, обгоняя друг друга, проносятся наши сверстники, мы решили не сдаваться. С помощью финских саней, выпрошенных у кого-то Верой, добрались до забора. Придерживаясь руками за забор, а то и за лед, спотыкаясь и падая, стали постепенно одолевать премудрость скольжения...

А еще любили мы цирк, с восторгом смотрели на воздушных гимнастов и у себя в спортзале пытались подражать им. Однажды Вера объявила, что пора освоить прыжки с парашютом, и потащила нас на стадион к 25-метровой вышке...

На наших школьных вечерах самое почетное место занимали физкультурные выступления — пирамиды, вольные движения, упражнения на брусьях и кольцах. Нас приглашали часто выступать во Дворец труда, рабочие клубы. Мы, конечно, волновались и по предложению Веры ничего не ели, уходя из дома. «Чтобы животы не выпячивались, девочки, не ешьте!» — говорила Вера. А есть очень хотелось. Но чего не сделаешь, чтобы выглядеть стройной!

Было у нас и военное дело. Командиром одного из звеньев была Вера. Очень к лицу ей была зеленая гимнастерка, и держалась она в ней вполне свободно и уверенно. Мы учились стрелять из винтовки, играли в военные игры. Одной из первых в классе Вера сдала нормы на значки «Будь готов к труду и обороне», «Готов к санитарной обороне», «Ворошиловский стрелок».

В пионерском лагере Верхнетомска, где мы находились на сборах, Вера однажды предложила пойти вверх по течению вдоль берега Томи, переплыть на остров, а затем, раздевшись и сложив наши пожитки в лодку, плыть вниз по реке примерно три, а то и четыре километра. Я осталась в лодке, так как на руке у меня была рана. Поплыли: Вера, Степановы — Миля и Юра, Петя Гора и Другие, а я и еще кто-то из девочек плыли в лодке. Все было бы хорошо, если бы не Витя Ушаков, застенчивый такой мальчик. Звали мы его Негус. Он все подныривал под лодку, пока не перевернул ее. Вера поспешила, на помощь, помогла мне доплыть до берега...

И в том, что я стала врачом, какую-то роль сыграла. Вера. В начальных классах она запомнилась санитаркой — проверяла чистоту наших рук, ушей. Позднее, когда мы стали членами общества Красного Креста, Вера очень интересовалась медициной, быстро и умело накладывала повязки. Мы договаривались вместе поехать учиться в Томск, в медицинский, но в 10-м классе Вера решила поступать в физкультурный институт.

Так закончились наши школьные годы. Летом мы приезжали на каникулы в родной город. Последний раз мы с ней встретились летом 1940 года...»

Письма друзей и товарищей Веры Волошиной стали приходиться все чаще и чаще. Особенно много я получил их после того, как в местных газетах «Кузбасс» и «Комсомолец Кузбасса» были опубликованы первые материалы о юной разведчице. Каждое из этих писем раскрывало какую-либо новую, ранее неизвестную мне черту характера Веры, рассказывало о давних событиях, которые запомнились ее друзьям и близким. Вот что писал мне из Воронежа ее одноклассник, а позднее одноклассник, Василий Иванович Худолеев, ныне директор кооперативного техникума: ;

«В школе Вера очень любила русскую литературу,» много читала и даже сама сочиняла стихи. Любовь к литературе сумел привить нам молодой преподаватель Аркадий Васильевич Мироненко. Он очень интересно проводил занятия, руководил школьным литературным кружком, и» Вера нам часто читала свои стихи. Сейчас не могу сказать ничего об их достоинствах, но тогда мне они нравились. Помню, одно ее стихотворение было посвящено родному городу (оно, к сожалению, не сохранилось). Вера, мечтала, что через несколько лет наш город превратится в крупнейший индустриальный центр, станет «второй Москвой», с прекрасной набережной, театрами и дворцами... «Второй Москвой» он пока еще не стал, но за эти годы неузнаваемо изменился, превратился в крупнейший промышленный и культурный центр Сибири...» В Москве сейчас живет и работает Валентина Флегонтовна Савицкая, которая училась вместе с Верой Волошиной в кемеровской школе № 12. Правда, она была немного старше Веры, но это не мешало их дружбе. Наоборот, для Веры ее старшая подруга была примером — вслед за ней она поступила в Московский аэроклуб, училась водить самолет, прыгала с парашютом, а когда началась война, хотела вместе с Валею уйти в женский авиационный полк, который формировала Герой Советского Союза Марина Раскова. Но судьба распорядилась иначе — Вера ушла в партизанский отряд, а Валя Савицкая все годы войны была штурманом полка пикирующих бомбардировщиков. О своей подруге Вере Волошиной она вспоминает с большой теплотой.

«Вспоминая свое отрочество,- пишет она,- мне прежде всего хочется отметить, что в те довоенные годы, когда мы росли и формировались наши характеры, был какой-то особый дух патриотизма, который доминировал над всем остальным: учебой, дружбой, любовью к близким. Может быть, это свойственно сибирякам, но даже матери наши относились к детям без лишней ласки... Как будто знали наши мамы, что юность их детей не пойдет по гладкой дороге мирной и радостной жизни...

Основным отдыхом от учебы и домашних обязанностей был у нас спорт. Водили мы компанию: Мила и Вера Тебеньковы, Вера Волошина, я и мальчишки — Юра Двужильный, Петя Гора и мой брат Аркадий. Жили все рядом, учились в одной школе. Это была лучшая в те годы школа, двухэтажная. Ее строили при нас. Во Дворе мы сами оборудовали спортивную площадку. И был у нас чудесный преподаватель физкультуры, энтузиаст и любимец всей школы Коля Ступников, который в каждом из нас оставил частицу своей безграничной любви к коллективу...

Если мы сговаривались пойти куда-нибудь — на речку или на стадион, на каток или в лес,- мы ходили кучкой по домам и «отпрашивали» друг друга у наших мам. И часто выручали друг друга, поливая чей-нибудь огород, таская воду в бочки, или зимой кололи дрова и расчищали снег. Это получалось потому, что мамы почти всегда находили предлог задержать нас дома, вот мы и спасались коллективным трудом... Вера была самой младшей в нашей компании. Рослая, сильная, она держалась как-то

особенно прямо. Две тяжелые почти белые косы оттягивали ей голову, и от этого она некоторым казалась задавалой. Но нас это не беспокоило, потому что мы хорошо знали Веру — какая она простая и отзывчивая...»

Зинаида Васильевна Михайлова, ныне преподаватель Кемеровского медицинского института, училась с Верой в одном классе. Вот что она писала мне:

«В моей памяти Вера осталась вся в каком-то трепетном движении. Каждый день для нее был не просто прожитым днем — он всегда приносил что-то новое, интересное. Я всегда любила смотреть на нее, на ее легкую, стройную фигуру, когда вместе с другими она выполняла гимнастические упражнения на школьных вечерах. Кажется, уже в десятом классе Вера подарила мне открытку, где была изображена старуха, разбитая параличом. И вот на этой открытке она написала: «Как мне хочется жить! Неужели я умру? Я не хочу. Я хочу жить вечно и так, как живу сейчас. Ведь это самые лучшие дни в жизни человека...» И сейчас Вера стоит перед моими глазами такая порывистая, увлекающаяся, озорная, горячо откликавшаяся на все, что происходило вокруг...»

Хорошо знала Веру и Раиса Ивановна Миронова, работающая ныне в исполкоме Кемеровского облсовета. Вот строки из ее воспоминаний:

«...Откровенно говоря, мы, девочки, по-хорошему завидовали Вере, ее стройной, красивой фигуре, успехам в спорте, удивительному умению со всеми держаться запросто, непринужденно, ее прямоте, жизнерадостности, умению все делать быстро и хорошо. Многие из нас, и я в том числе, старались во всем подражать Вере. Так же, как и она, стали увлекаться спортом, все свободное время проводили на реке или на стадионе. Часто группами на несколько дней уходили в туристские походы вдоль Томи или же в Барзасскую тайгу. По вечерам подолгу засиживались у костра, спорили, мечтали, пели любимые песни. Особенно неразлучны были мы в десятом классе, на пороге своей неизведанной жизни. И в том, что в школе, а потом и в институте я была активной спортсменкой, во многом «повинна» Вера...»

Много лет прошло с тех пор, но Александр Харитонович, Агафонцев, одноклассник Веры, а ныне преподаватель английского языка в одной из кемеровских школ, с большой теплотой вспоминает выпускной вечер в школе.

«...Вера, как и все десятиклассники,- пишет он,- была в тот вечер радостной, взволнованной. Она все время танцевала с Юрием Двужильным. Оба высокие, светловолосые, счастливые... А я, будучи по натуре тихим, незаметным пареньком, да еще к тому просто самым маленьким в классе, стоял в стороне, стараясь держаться солидно, независимо. А на самом деле я очень стеснялся — впервые в жизни надел сшитый по случаю совершеннолетия серый костюм, белую сорочку да еще галстук... Танцевать я как следует так и не научился, очевидно, помешало этому мое увлечение шахматами. Увидав меня, Вера подошла и, крепко взяв за руку, потащила в круг.

«Смелее, Агафончик!» — улыбаясь, сказала она, и мы начали с ней кружиться в вальсе. Постепенно прошла моя застенчивость, и я принял участие в общем веселье...»

Прислали мне свои письма и подруги Веры по институту — Марина Ивановна Сони́на, Валентина Ивановна Пичкур и Нина Ивановна Цалит. Вчетвером все годы учебы в институте девушки жили в одной комнате студенческого общежития на Волоколамском шоссе, вместе учились, бывали в театрах, кино, спорили о прочитанных книгах, мечтали о будущем.

Вот что писала мне из Мурманска Нина Ивановна Цалит:

«Вера была хорошим товарищем не только с нами, девушками, но и с ребятами. У нее получалось это по-мальчишески, по-детски просто. Очевидно, это получалось оттого, что она обладала прямым и простым характером. Никому не постесняется она сказать правду о недостатках и ошибках, а также и сама все говорила о себе. Ее простота доходила до наивности, и некоторые считали, что она рисуется. Но я знала Веру в любой обстановке, и она всегда была такой».

Много интересного рассказали мне о Vere бывшие ее однокурсницы Валентина Георгиевна Конова и Софья Вениаминовна Котликова.

А 9 мая 1957 года у Большого театра я встретился с боевыми товарищами Веры Волошиной. Каждый год они собираются здесь «в шесть часов вечера после войны». Я познакомился с Натальей Трофимовной Самойлович, Александрой Федоровной Ворониной, Евгенией Николаевной Монуچارовой, Клавдией Александровной Милорадовой.

Из Риги прислала письмо Наталья Михайловна Обу-ховская, из Рыбинска — Лидия Александровна Булгина, из Львова — Иван Егорович Колесников.

Жизнь каждого из них — волнующая повесть о беззаветной преданности Родине. Я был восхищен героизмом этих простых советских людей, особенно подкупала их скромность, нежелание говорить о себе. Свое участие в обороне Москвы, в партизанской борьбе они рассматривали как обычное дело, в котором нет ничего героического. Вот как об этом пишет Нина Ивановна Цалит:

«О себе сказать нечего. В тылу у немцев была четыре раза: два раза прыгала с парашютом и два раза ходила пешком. Работа эта, конечно, тяжелая — по плечу только молодым, и героического в этом я ничего не нахожу. Думаю, что и вы, т. Фролов, если вам придется попасть в такую обстановку, как это довелось нам, также будете честно и добросовестно выполнять все, что положено солдату. Также скажете, что это обыкновенная работа, которую должен выполнять каждый советский человек».

С каждым днем у меня накапливалось все больше и больше материалов о Vere Волошиной, и перед мысленным взором все отчетливее вставал образ этой замечательной девушки — комсомолки, смелой разведчицы, верного друга и товарища. И я понял, что не имею права молчать. Все, что мне удалось узнать о Vere Волошиной

и ее боевых товарищах, нужно рассказать людям, нашей молодежи, для которой их жизнь и героическая борьба с врагами должна стать примером служения Родине.

БЕДА ВОШЛА В ДОМ

В то морозное февральское утро еще ничто не предвещало приближения весны. Дома на Индустриальной утопали в глубоких сугробах, почерневших от угольной пыли. К весне эти сугробы осядут, а черные пылинки, согретые солнцем, продырявят их до самой земли. И будут они стоять по обе стороны улицы, приземистые, ноздреватые, с каждым днем оседая все ниже и ниже, пока не исчезнут совсем.

А пока в городе хозяйничает зима. Широкая Томь надежно закована льдом, а вдоль набережной порывистый ветер перекачивает поземку, пытаясь соорудить причудливые сугробы и сугробчики.

Улица в эту раннюю пору, совершенно пустынна, лишь в самом конце ее маячит нескладная фигурка девочки-почтальона. Ее здесь и ждут и боятся одновременно. Подойдя к дому, Клавдия Лукьяновна привычно заглянула за оконный наличник, куда девочка-почтальон обычно клала ей письма от Веры. Но там, как и все эти последние дни, было пусто.

Молча открыла дверь и вошла. Свет уже можно не зажигать — за окном совсем развиднелось.

Небольшая, аккуратно убранная комната. И все же здесь чувствуется запустение. На стенах много фотографий Веры и ее друзей. Они задорно улыбаются, и среди этого замершего веселья, смеха и улыбок одиноко стоит уставшая после двухсменной работы мать.

Напротив двери на тумбочке большая карточка Веры. Глаза ее искрятся улыбкой, словно приглашают разделить какую-то большую радость.

«И чего ты радуешься, Веруська? — думает мать.- Словно не знаешь, что вот уже два месяца от тебя нет писем...»

Устало опустившись на табурет, Клавдия Лукьяновна долго сидит не раздеваясь. В комнате холодно. Муж, очевидно, опять не ночевал дома. Все время на заводе, война ведь.

Отдохнув немного, Клавдия Лукьяновна принимается растапливать железную печурку. Согретьшись, она снимает пальто, повязывает передник и начинает хлопотать по хозяйству.

Это была еще не старая худенькая женщина, из тех, кого у нас по-хорошему называют хлопотуньями и чистюлями. Темные волосы гладко причесаны и собраны на затылке в тугую узел. Серые глаза ее, очевидно, в молодости были голубыми, как и у дочери, но,

видно, время и постоянная тревога последних лет наполнили их скорбью и затаенной грустью.

В дверь тихо постучали.

— Войдите! — поспешно отозвалась Клавдия Лукьяновна, все это время жившая в тревожном ожидании.

На пороге показалась девочка-почтальон. На ней был большой полушубок и мохнатый, все время сползавший на глаза треух. Торопливо порывшись во множестве отделений своей уже опустевшей сумки, девочка достала прямоугольный конверт и несмело протянула его Клавдии Лукьяновне.

Предчувствие беды сжало сердце матери. Ведь Вера всегда присылала ей письма, сложенные солдатским треугольником. А тут еще и незнакомый почерк на конверте...

— А вы не волнуйтесь, тетя,- испуганно пролепетала девочка, заметив, как мертвенная бледность залила лицо Клавдии Лукьяновны.- Может, там хорошие вести? Вот я вчера принесла такое же письмо Семеновым, что напротив живут. Те так перепугались! А в письме была благодарность командования. За их сына, Николая. Он теперь герой, разведчик! Даже «языка» привел...

Девочка еще о чем-то говорила, говорила, боясь остановиться. И в то же время ее быстрые глазенки следили за руками Клавдии Лукьяновны. Вот она осторожно надорвала конверт и достала небольшой листок, отпечатанный на пишущей машинке... И хотя письмо начиналось теплыми, задушевными словами командира, далее шло страшное:

«...Ваша дочь, Волошина Вера Даниловна, пропала без вести при выполнении боевого задания в тылу врага».

В глазах матери потемнело, тупая боль сжала сердце, а потом сразу стало темно и тихо, словно она провалилась в бездну...

Очнулась уже в постели. Возле был врач, встревоженные соседи. Вызвали с работы мужа. Сидел он чуть поодаль, на табуретке, устало положив большие кисти рук на колени. И ему, как и матери утром, все так же радостно улыбалась с фотографии Вера...

А маленькой вестницы несчастья уже нет в доме. Она идет с опустевшей сумкой по улице и безутешно плачет. Слезы текут по щекам и тут же замерзают тоненькими ледяными дорожками.

Не плачь, глупая! Что поделаешь, если тебе выпала такая доля — приносить в дом людям не только радость, но и горе? И трудно сказать, что чаще. Ведь уже который день идет война, тяжелая и беспощадная...

Может, не одолела бы Клавдия Лукьяновна свалившееся на нее горе, если бы не люди, окружавшие ее, да работа, которая требовала так много душевных сил.

Уже несколько часов спустя после тяжелого известия ей надо было идти на дежурство

в детскую консультацию. Там ее, старшую медсестру, ждали дети. И какое им дело до того, что сейчас война, на которой каждый день погибают люди, их отцы и старшие братья... Всю горечь утраты они поймут потом, повзрослев. А сейчас, несмышленные, они улыбаются, что-то лопочут и тянут ручонки к этой женщине с добрыми и грустными глазами.

Вот эти детские ручонки и поддержали ее в трудную минуту, а доверчивые глаза малышей, казалось, заглядывали в самую глубину души, не давая ей окаменеть, ожесточиться. Она, Клавдия Лукьяновна, нужна была им, потому что жизнь вопреки всему продолжалась!

Так возле чужих детей и не остыло сердце матери. Только как-то сразу, за одну ночь, она поседела, а в глазах навсегда застыли скорбь и недоумение. Она никак не могла примириться с мыслью, что ее Веруськи уже нет среди живых. «Может, вернется еще?» — думала она и каждый день, возвращаясь с работы, с волнением всматривалась в темноту улицы: не горит ли и в ее окне свет? Чем ближе к дому, тем торопливее шаги и чаще стучит сердце. А думы, беспокойные думы бегут еще быстрее. Может, Вера нежданно-негаданно вернулась с дальней дороги, и стоит только переступить порог, как она, ее девочка, возмужавшая и повзрослевшая, бросится к ней навстречу:..

А потом они будут долго сидеть обнявшись, и Вера, как в детстве, прижмется головой к коленям матери и, запрокинув лицо вверх, будет смотреть на нее счастливыми, немного лукавыми глазами...

Вера, наверное, уже сняла с себя военную форму и сейчас перед зеркалом примеряет свое любимое платье. То, что сшили ей летом 1940 года, когда они вместе с Юрой Двужильным приехали на каникулы. А у порога стоят ее кирзовые сапоги и тут же висит изрядно поношенная шинель с зелеными петлицами. Клавдия Лукьяновна никогда не видела свою дочь в военной форме, даже на фотографии. Почему-то ей всегда казалось, что у Веры обязательно должны быть зеленые петлицы. Как у пограничников...

Но дом, как всегда, встречал Клавдию Лукьяновну темными провалами окон, натруженным скрипом калитки и привычным холодом настывшего помещения. Муж опять не ночевал дома.

И все повторялось — надо растопить печурку, приготовить ужин и... ждать. Ждать вестей с фронта, которых уже не будет, мужа, все реже и реже ночевавшего дома, времени, когда надо снова идти на работу.

Так один за другим шли дни, недели, месяцы. А жизнь готовила Клавдии Лукьяновне новые испытания. То, о чем она лишь смутно догадывалась, подтвердилось. Муж полюбил другую женщину, и та должна была стать матерью.

Когда у той женщины родился сын, она, как и все молодые матери, однажды принесла его на консультацию к медсестре. Прием вела Клавдия Лукьяновна. Женщина не

догадывалась, как тяжело было сейчас этой грустной, молчаливой медицинской сестре.

В тот же вечер Клавдия Лукьяновна уехала на другую квартиру. На все уговоры и просьбы мужа отвечала твердо:

— Иди к сыну. У ребенка должен быть отец.

Поселилась она в маленькой четырехметровой комнатухе на окраине города. Взяла с собой Верину кровать, ее вещи. Повесила на стене фотографии дочери, сложила стопкой ее книги, тетради. И стала жить. И все время надеялась, ждала. А после работы в который раз перебирала ее вещи, книги, тетради. Подолгу сидела над фотографиями, разглядывая их, вспоминая.

Вот Вере пять лет. В темном платье-матроске стоит она перед фотообъективом, доверчиво раскрыв свои глазенки навстречу жизни. А здесь Вере десять лет, она училась в четвертом классе. А дальше были фотографии, сделанные в 7, 8, 9, 10-м классах, в институте... Открытки, письма Веры, репродукции с картин Третьяковской галереи, которые она присылала из Москвы. И на каждой из них надписи, сделанные ее рукой...

Как-то зимой, проходя мимо стадиона, Клавдия Лукьяновна остановилась у ограды и долго смотрела на школьников, катавшихся на коньках. А дома из-под кровати достала Верины коньки, стерла с них пыль, старательно соскоблила пятнышно ржавчины и, завернув в газету, снова спрятала. Пусть лежат... Может, еще пригодятся.

У всех знакомых и незнакомых военных настойчиво выпытывала, что означают эти три слова «пропала без вести». А те не скупилась на рассказы о том, как часто на войне пропавшие без вести, бывает, спустя много месяцев и лет возвращались к своим...

Надежда помогает жить людям. И Клавдия Лукьяновна ждала, надеялась, верила.

По ночам часто просыпалась. До рассвета лежала с открытыми глазами и, всматриваясь в темноту, думала, вспоминала. Так день за днем и проходила перед ней вся ее жизнь, с радостями и печалью.

ДОМ НА ИНДУСТРИАЛЬНОЙ

Сейчас там, где до войны жили Волошины, раскинулись корпуса завода «Карболит». А раньше на этом месте были небольшие улочки, утопавшие летом в пышной зелени, и среди них бежавшая к Томи Индустриальная. Здесь и прошли детство и юность Веры. Возвращаясь из школы, она обычно стучала в окно. Если получала оценку «отлично», то пять раз, а если «хорошо», то четыре. Бывали и короткие сигналы, и вслед за ними на пороге появлялась Вера, грустная и молчаливая, казалось, равнодушная ко всему. Но это длилось недолго. Вскоре она, прижавшись к матери и виновато заглядывая ей в

глаза, рассказывала все, что случилось на уроке.

— Я, мама, сегодня не пойду на каток,- говорила Вера, упрямо тряхнув белокурой головкой.- Завтра обязательно исправлю. Вот увидишь!

И весь вечер сидела над книжками и тетрадями, шептала что-то, смешно хмуря лоб. Первым не выдерживал отец, мастеровивший в своем углу.

— Может, тебе помочь, Вера? — спрашивал он.

— Нет, дядя Володя, я сама!

Дядя Володя... Так она звала своего приемного отца. Родного не помнила, он погиб в гражданскую войну, вскоре после того как она родилась. С приемным отцом с детства у нее установились своеобразные отношения. Он — и отец и «дядя Володя», с которым можно запросто отправиться на рыбалку, искупаться в Томи и рассказать о своих детских проказах, о том, чего не решалась рассказать матери. Как старшему, хорошему другу, которого любишь и которому очень-очень веришь. Ведь он в гражданскую был красным командиром, командовал ротой. И Вера очень гордилась своим отцом, дядей Володей, который знал много-много, мог не задумываясь ответить на все ее «почему». Еще бы! Ведь он работал механиком на коксохимзаводе.

Вот и сейчас дядя Володя хочет помочь решить ей задачку с двумя неизвестными. Но с сегодняшнего дня Вера начала «новую жизнь» — решила во всем разбираться сама. А то получится, как у Светы Васильевой: она сегодня так и не смогла у доски объяснить задачу, которую решала дома.

— Это хорошо, Васильева, что ваши родные знают математику;- сказал ей Михаил Николаевич,- но надо и свою голову иметь на плечах. Садитесь, плохо...

Нет, у Веры своя голова на плечах, она обязательно сама решит задачу!

И вот наконец, кажется, получилось.

— Мама! Дядя Володя! Решила, сама решила! Все сошлось с ответом!

— Дай-ка, дочка, я проверю,- пряча улыбку, говорит отец. И пока он, вооружившись карандашом, проверяет ход решения, девочка с волнением следит за ним.

— Все правильно,- говорит отец.- Молодец, Вера!

Он обычно скуп на похвалу, знает ей цену. Но сегодня надо — дочка одержала свою первую победу. Маленькую, каких еще будет много. Но эта первая, от которой зависит многое...

А на следующий день раздалась торопливая дробь в окно, и сразу же на пороге появилась ликующая Вера.

— Мамочка! «Отлично»!

В школе любили эту девочку-непоседу. Старшие — за трудолюбие, внутреннюю собранность и прямоту, а малыши за то, что она не «задавалась», всегда держалась с ними как равная. А главное, за то, что не давала малышам в обиду. Правда, ей нередко попадало от мальчишек, но Вера никогда не жаловалась. Заметив у дочки синяки,

Клавдия Лукьяновна только вздыхала, догадавшись, что Вера опять сражалась с мальчишками, но не хотела об этом рассказывать. Только однажды прорвалось: вбежала с улицы раскрасневшаяся, возбужденная:

— Вот я ему сейчас надавала! Будет знать, как задираться!

— Кому это, дочка?

— Петьке Горе. Все пристаёт, за косы дергает...

Повзрослев, занялась самовоспитанием — выработывала характер, закаляла волю.

Однажды в октябре все девочки ее класса пришли в школу в легкой одежде. Это Вера придумала конкурс на закаливание...

Она хорошо каталась на коньках, лыжах. Любила спускаться с ледяных гор на куске фанеры или же просто на сумке с книгами. А однажды поспорила с мальчишками, сказав, что съедет на лыжах с крыши сарая, стоявшего на краю глубокого оврага, занесенного снегом. Те, конечно, не поверили. Тогда она, подхватив под мышку лыжи, полезла по лестнице на крышу. Забралась на самую вершину, стала на лыжи и, оттолкнувшись, стремительно понеслась вниз и тут же с головой скрылась в сугробе. Когда Веру вытащили из оврага, она, отряхнув снег с шубки и закинув косы за плечи, сказала окружившим ее мальчишкам:

— Захотела — и прыгнула! А вот вы попробуйте!

Охотников не нашлось...

Крепко досталось ей в тот вечер от Клавдии Лукьяновны. Но все же Вере показалось, что в глазах матери было что-то похожее на гордость за свою смелую дочку.

...Многое можно вспомнить за эти длинные зимние ночи. Тихо и темно в маленькой комнатухе. Вот так часто и лежит без сна Клавдия Лукьяновна до самого рассвета. Или же встанет, зажжет свет и, прислонившись к стене, молча смотрит на фотокарточку дочери. Долго-долго... А потом на востоке начинает алеть первая полоска зари — пора собираться на работу. Дел у нее прибавилось: война кончилась, и дети стали рождаться чаще...

Здесь, в Сибири, прошли детство и юность Клавдии Лукьяновны, опаленные гражданской войной. В 1919 году, в самое трудное время, родилась ее Веруська. А потом в Зауралье ворвалась новая жизнь, бурная и стремительная. Строились новые города, рудники, заводы. А их Щегловск, маленький уездный городишко, буквально на глазах превращался в один из крупнейших промышленных центров Сибири. Сюда приезжали тысячи и тысячи добровольцев: задорная комсомолия, демобилизованные красноармейцы, шахтеры, сталевары, строители, иностранные колонисты. И все это старательно перемешивалось жизнью, переплавлялось в горячем кипении наших советских будней, где каждый день — это стремительный прыжок в будущее.

Дети росли вместе с городом, его новыми шахтами, заводами, их тоже властно захватывала романтика трудового подвига. Они были свидетелями первых пятилеток,

на их глазах создавалась новая, удивительная жизнь, которая свежим ветром врывается в каждую семью, никого не оставляя равнодушным. И как тут было не убежать после уроков на строительную площадку Кемеровской ГРЭС, где работало много удивительных машин и все так интересно, необычно? Или всем классом не отправиться на строительство азотнотукового завода помогать взрослым? А сколько раз Вера с друзьями работала в новом городском парке на берегу Томи, где они своими руками сажали деревья, которые теперь стали такими большими и красивыми... Вера очень любила деревья и даже утверждала, что они, как и люди, имеют свой характер, свою судьбу. Вот эту высокую ель с редкими ветвями она называла подростком, который очень торопится скорее вырасти, и поэтому все его одежды коротковаты, словно с чужого плеча. А вот эти две елочки — модницы. У них нарядные. зеленые шубки и шишки у самых вершин, будто серьги. Чуть подальше береза, вся изогнувшаяся в поклоне. Вера называла ее ябедой и подхалимом. А вот эта елочка стоит печальная, опустив ветви. У нее, очевидно, большое горе. Возле дома, где жили Волошины, был небольшой огород, и Вера с детства приучилась во всем помогать матери-сажала грядки, поливала, полола их, убирала урожай. У нее была даже отдельная грядка для различных опытов с растениями.

В доме постоянно жили несколько щенят, котят, черепаха и даже дрозд. Бездомных котят и щенят Вера подобрала на улице, раненого дрозда отняла у мальчишек, а черепаху девочке подарили матросы с парохода. Мать не мешала ее увлечениям. Требовала только, чтобы в доме был порядок. Понимала, что в детях нужно воспитывать любовь ко всему живому. Плохой тот человек, кто не бережет деревья, животных. Сердце у такого холодное.

Со временем Вера все больше и больше помогала матери в ее домашних хлопотах. Пока мать на работе, Вера успевала убрать в комнате и переделать множество больших и малых дел. Но особенно она любила чистить картошку. Руки работают сами, а голова свободна — можно без конца думать о своих делах, мечтать или напевать любимые песни. Мать, вернувшись с работы и увидав ведро только что очищенной картошки, улыбалась:

— Опять, дочка, замечталась?

Но не корила ее за это — в ту пору картошка была, пожалуй, главной пищей семьи... По вечерам, особенно зимой, у Волошиных обычно собирались гости — школьные друзья Веры, соседи. Приходили на огонек послушать сказки, которые очень интересно рассказывала бабушка, мать Клавдии Лукьяновны. И не беда, что иногда одна сказка затягивалась на несколько вечеров — слушателям это нравилось. И взрослые и дети относились к ним серьезно, горячо переживали приключения сказочных героев. Жизнь наша так устроена, что мы все время в делах своих и помыслах идем к людям. Со своей болью и радостью, со своими надеждами и планами. Все, что делается нами,-

для людей, да и мы сами лишь малая частица огромного человеческого моря, и лишь до тех пор мы люди, пока живем для них...

У каждого из нас бывает своя дорога в жизнь. Иногда очень легкая, с детства озаренная лучистым светом улыбок. Ты еще не успел по-настоящему ступить на эту землю, а у тебя уже десятки друзей, которым ты всегда почему-то очень нужен. Ты неизменный участник всех детских проказ, без тебя не состоится ни один футбольный матч дворовой команды...

А бывает, что ты всегда оказываешься лишним. Все уже распределено, и тебе остается быть только зрителем. Можешь завидовать своим сверстникам, а можешь просто смотреть на все равнодушно. Твое дело!

Плохо, когда ты застенчив, неловок, не можешь постоять за себя. Над тобой сразу же начнут подшучивать безжалостные мальчишки, и среди них всегда найдутся мастера стукнуть по самому больному месту. Просто так, не думая, что это больно.

Пройдут годы, и ты, конечно, окрепнешь и сможешь постоять за себя, найдешь себе друзей и товарищей. Но на это уходит обычно много времени...

Вера росла тихой, застенчивой девочкой. Она могла целыми часами играть одна, забравшись под стол или куда-либо в дальний угол. Вроде бы и хорошо — не озорная, послушная у Клавдии Лукьяновны дочь, но в сердце матери тревога. Нельзя же, чтобы ребенок привыкал к одиночеству, рос без людей. Надо было побороть ее застенчивость, помочь ей подружиться со своими сверстниками. И Клавдия Лукьяновна решила отдать Веру в детский сад, или, как тогда называли, на детскую площадку.

Детский сад внешне мало что изменил в жизни ребенка. Все так же Веруська играла одна в стороне от шумных детских забав, вроде бы безучастная ко всему. Но это только казалось. Из своего уголка девочка пытливо присматривалась к своим сверстникам, издали наблюдала за их играми. Вскоре в детском шуме можно было услышать и ее звонкий, радостный смех. А вечером, вернувшись домой, Вера с восторгом рассказывала о том, как сегодня интересно было у них на детской площадке...

Шли годы. Теперь уже Вера уверенней чувствовала себя среди сверстников, могла, если надо, постоять за себя. И как-то само собой получилось, что она стала особенно внимательной к таким же малышам, какой и сама была совсем недавно. Видно, понимала, как это важно, помнила, как к ней когда-то подошел хороший человек, поддержал и помог стать своей среди шумной детворы. Может, это был воспитатель, няня или такая же девчужка, как и она теперь. Кто знает!

А потом и школа. В классе тридцать девять мальчиков и девочек. Первые уроки, первые буквы на грифельной доске, первые слова, прочитанные дома бабушке, отцу, матери...

И Коля Ступников. Так звали его все, от десятиклассника до самого неприметного «первачка». Он был любимцем школы, этот высокий светловолосый юноша-спортсмен,

преподававший урок физического воспитания.

Уроки... Как не подходит это слово ко всему, что делал в школе Николай Ступников! Неутомимый организатор самых различных соревнований, прекрасный спортсмен и удивительно общительный человек, он был всегда окружен учениками, готовыми по малейшему знаку броситься выполнять его любое поручение.

Вы видели, друзья, соревнования в беге на пятьдесят метров самых маленьких — первоклассников? Посмотрите на этого раздумывавшегося, счастливого и гордого победителя соревнований. В его руках приз — коробка цветных карандашей, которую при всех вручил ему сам Коля Ступников! И поверьте, что спустя и двадцать лет после памятных соревнований ни одного карандаша этой памятной коробки не коснется лезвие ножа. Ведь ее вручил сам Коля Ступников!

Когда началась война, Николай Ступников добровольно ушел на фронт. Так же ушли на войну и многие его ученики-спортсмены, в которых он еще в школьные годы воспитывал самое главное — мужество и верность. Всей своей жизнью, всеми своими делами и помыслами.

Для Веры Волошиной, как и для ее одноклассников, Николай Ступников был гораздо больше, чем просто учитель. Как к светлomu, яркому огню, к Николаю тянулись ученики, стараясь во всем быть похожими на него. И Вера буквально с первого класса увлеченно занялась спортом. Стройная порывистая девочка с задорным блеском голубых глаз стала ближайшей помощницей учителя физического воспитания. Уже в третьем классе ее избрали членом спортсовета и поручили работу среди самых маленьких. А для этого ей надо было самой показывать пример во всем. И Вера занималась в секции гимнастики, участвовала в самых различных соревнованиях. А зимой любила подолгу бродить на лыжах по полям, которые начинались сразу же за Нижней Колонией, или же в сосновом бору, что возвышался за Томью. Идешь неторопливо по сверкающему на солнце снежному насту наедине со своими мыслями. Можно думать вслух, можно, не боясь насмешливых улыбок друзей, запросто поговорить с белочкой, притаившейся на ветке, успокоить ее, а потом, поднявшись на пригорок, долго-долго смотреть на город, залитый красноватым светом заходящего солнца. Домой Вера возвращалась задумчивая, притихшая. И Клавдия Лукьяновна хорошо понимала состояние дочери: девочка была глубоко взволнована своей новой встречей с неповторимой красотой сибирского края. Зато на городской каток Вера всегда ходила вместе с друзьями. На катке нельзя быть одной, даже если бы хотела этого, — не получится. Там шумно и весело...

Детство... Незабываемое и удивительно короткое, как весна в Сибири.

Минули годы, и наступила пора, когда Вера стала все реже и реже бывать с родителями. И хотя она, как прежде, с большим доверием относилась к маме, рассказывала ей о себе, спрашивала, советовалась, Клавдия Лукьяновна, эта мудрая,

все понимающая мать, знала, что в жизни ее Веруськи начинается что-то новое. К ней стали чаще заходить подруги, между девочками шел какой-то свой разговор, так не похожий на все, о чем он говорили раньше. А однажды, возвращаясь вечером с работы, Клавдия Лукьяновна увидела у своего дома Юрия Двужильного, одноклассника Веры, который очень смутился.

И мать поняла, что к ее дочери незаметно пришла юность. И поэтому с волнением и затаенной материнской тревогой следила она за первыми шагами дочери в этом новом для нее мире, где были свои радости и огорчения, свои неписанные законы дружбы, чести и товарищества. Какой будет ее Веруська, сможет ли сама разобраться во всем многообразии новых мыслей и чувств, сумеет ли она быть по-настоящему счастливой? А матери так хотелось этого...

В МОСКВУ

На небольшом разъезде, где обычно скорый поезд не делает остановки, было пустынно. Только у будки стрелочника стояла молоденькая девушка в поношенной и явно с чужого плеча телогрейке. В руке, поднятой высоко над головой, она держала свернутый в трубочку желтый флажок. Когда поезд, громыхая на стрелках, пронесся мимо будки, Вере показалось, что она увидела в глазах юной стрелочницы восхищение и то хорошее чувство, которое так не хочется называть холодным, несправедливым словом «зависть». Конечно, ей так же, как Вере, хотелось бы поехать далеко-далеко, вот так же стоять у распахнутой двери тамбура вагона и глазами, полными восторга, смотреть на все, что проносится мимо тебя и остается где-то далеко позади. А ты летишь, словно в сказке, догоняя солнце, над тобою синее небо и белые-белые облака, которые паровозу зачем-то обязательно хочется заслонить от глаз клубами дыма... Теплый ветер врывается в дверь, порывисто треплет белокурые волосы Веры. Она особенно хороша в этой белой кофточке, оттеняющей загоревшие шею и руки. В голубых глазах светится откровенное, безудержное счастье юности, которое у пожилых людей обычно вызывает теплую, немного грустную улыбку.

Да, Вера по-настоящему счастлива. Совсем недавно она закончила десятый класс и теперь едет учиться в Москву. На последней спартакиаде она завоевала звание чемпионки города по прыжкам в высоту. И вот сейчас в ее чемодане вместе с аттестатом об окончании десятилетки лежит направление в Московский институт физической культуры и спорта.

На душе как-то особенно легко и радостно. Хочется смеяться, петь. А мимо проносятся леса, степные просторы, села, города. Задорно постукивают колеса на стыках рельсов, и сердце девушки наполняет радостное ощущение стремительного полета в неведомое.

Ей вспоминается недавний выпускной вечер в школе.

Хотя, как всегда, ребята весело шумели, каждый из них чувствовал какую-то неуловимую, еще не осознанную перемену в себе и в своих товарищах. Что-то новое вошло в их жизнь, сделав намного старше, взрослее. Все как-то особенно остро почувствовали, что теперь они сами в ответе за свое будущее. Но все это не омрачало их светлого праздника, а, наоборот, делало его более значительным и торжественным. Вася Худолеев и Юра Двужильный хлопотали у патефона. Старательно накручивали его, деловито меняли иголки и с видом знатоков перебирали пластинки, собранные по случаю вечера чуть ли не со всего города. К ним подошла Вера:

— Ребята, а «Каховка» далеко у вас там?

Вася шутливо поклонился, приложив левую руку к груди, быстро отыскал пластинку, и вот зал наполнили звуки песни:

Ты помнишь, товарищ, как вместе сражались,
Как нас обнимала гроза?
Тогда нам обоим сквозь дым улыбались
Ее голубые глаза...

Вере очень нравилась эта песня, мужественная и вместе с тем такая задушевная, где слились воедино походные ритмы гражданской войны и светлая мелодия любви.

— Вася, а ты куда думаешь поступать? — спросила Вера.

Сейчас, в вагоне, ей вспомнилось, как помрачнело тогда лицо юноши, и она огорченно подумала: «Как же я могла забыть, что Вася болел всю последнюю четверть и отстал от класса?»

— Ты что, не знаешь, — хмуро ответил тогда Вася, — что мне еще надо сдать физику Мих-Нику? — Так ученики между собой называли Михаила Николаевича Конторщикова, преподававшего в старших классах математику и физику.

Досадуя на свою оплошность, она сказала:

— Не огорчайся, Вася. Хочешь, я тебе помогу? У меня есть все тетради по физике, задачи, которые мы решали в классе. Договорились?

И Вера задорно, по-мальчишески, хлопнула его по плечу.

— Хорошо, согласен. А ты куда решила? Наверное, в Томск, в педагогический?

Вера очень любила русскую литературу и даже писала стихи, которые часто помещали в школьной стенгазете.

— Нет, не угадал. Я решила в Москву, в институт физкультуры.

— В Москву? — удивился Вася. — Ведь туда же никто из наших еще не пытался поступать. Там ты провалишься на первом же экзамене!

— А почему ты решила в физкультурный? — спросил подошедший Саша Агафонцев,

чемпион школы по шахматам.- Вы же с Раей Мироновой собирались в Томск. Ты же хотела стать учительницей.

— А я и буду учительницей,- возразила Вера.- Разве тренер не учитель? Возьми Колю Ступникова. Чем плохая у него профессия?

— Насчет профессии не спорю,- сказал Худолеев,- а в Москву ты зря собираешься...

— Нет, Вася, не зря. Я уже документы отправила. Через две недели еду. Вот!

— А еще через неделю вернешься обратно,- улыбнулся молчавший до сих пор Юра Двужильный.

Вера с недоумением посмотрела на него. Что это с ним? Ведь она Юрию первому сказала о том, что решила ехать в Москву, и тогда он поддержал ее. А теперь?

К спорившим подошли Володя Сотников, Рая Миронова, Зина Михайлова...

— О чем шумите вы, народные витии? — широко улыбаясь, спросил Володя и, не дожидаясь ответа, сказал: — Конечно, извечный вопрос: быть или не быть... нам в институте.

Рая Миронова сразу же горячо поддержала Веру:

— Молодец, Вера, правильно решила! Нельзя же ехать в Томск только потому, что туда едут другие. Это же несерьезно. Надо учиться там, где твое призвание. А Москвы не бойся — ты обязательно поступишь в институт!

— Нет, не поступит!

— Почему нет? Ведь она же чемпионка города.

— Ну и что? Там таких чемпионов хоть отбавляй.

— Зачем ей физкультурный? Тоже выбрала...

— А что, Саша, здесь плохого?

Перебивая друг друга, все горячо обсуждали решение Веры.

Аркадий Васильевич Мироненко, преподававший в старших классах русский язык и литературу, с интересом прислушивался к спору своих питомцев. Несколько лет он работал с ними, и теперь ему, конечно, было немного грустно расставаться. Учителю очень хотелось, чтобы эти юноши и девушки нашли свою настоящую дорогу в большую жизнь и до конца сохранили беспокойное стремление к знаниям и горячую любовь к родному краю.

— Ребята,- перебил друзей Володя Сотников.- Чего мы тут кипятимся? Давайте лучше попросим Аркадия Васильевича решить, кто из нас прав.

Все подошли к столу, за которым сидел учитель.

— Аркадий Васильевич,- начала, волнуясь, Рая Миронова,- вот мы заспорили о Волошиной. Правильно ли она делает, что собирается ехать в Москву, в институт физкультуры?

— Видите ли,- вмешался в разговор Петр Гора, любивший во всем ясность,- никто из ребят нашей школы еще ни разу не пытался поступать в московские вузы.

— А почему она решила в физкультурный? — никак не мог успокоиться Саша Агафонцев.- Ведь хотела же ехать в Томск, в педагогический.

— Вот сколько вопросов вы задали мне сразу!- улыбнулся Аркадий Васильевич.- Давайте попытаемся разобраться вместе.

Все притихли.

— Мне кажется, друзья, что спорите вы напрасно.

— Как напрасно? — вырвалось у Раи Мироновой.- Ведь они говорят,- и Рая грозно посмотрела на своих «противников»,- что Вера обязательно провалится в Москве!

— Не надо спорить, друзья,- продолжал Аркадий Васильевич.- Каждый из вас вправе принять любое решение. Только прежде надо хорошенько обдумать и твердо решить, что ты хочешь делать в жизни, кем стать. И можете быть уверены, что ваша мечта сбудется. Только надо очень захотеть этого. А что касается Волошиной, то я думаю, что она добьется своего.

Аркадий Васильевич на минуту умолк, а потом продолжал тихим, задумчивым голосом:

— Человек должен уметь выбрать свою; дорогу и найти в себе силы довести до конца начатое дело. Чего бы это ни стоило...

...Еще долго продолжался этот незабываемый вечер. Потом Вера, с друзьями стояла на балконе, с которого был виден весь город. Слева возвышалась громада коксохимического завода. На мгновение вспыхнуло багровое пламя, и в небо взметнулись клубы пара. Озаренные отблесками пламени, они поднимались вверх, принимая в темноте самые причудливые формы. Правее, словно многотрубный корабль в сиянии электрических огней, на берегу Томи вырисовывалось здание Кемеровской ГРЭС. А дальше, насколько хватал глаз, сверкали огни их родного города. На горизонте они сливались яркими звездами вечернего неба, и казалось, что этой звездной россыпи не будет ни конца ни края...

Расходиться по домам не хотелось, и выпускники еще долго бродили по притихшим улицам, вдоль набережной и вслух мечтали, какими будут они и их город через десять лет, в 1947 году...

Домой Веру провожал Юрий. Шли молча. Знали, что через несколько дней расстанутся надолго, а ведь сколько нужно было сказать друг другу!..

— Ты не сердись на меня, Вера? — заглядывая в глаза девушке, спросил Юрий.- Я тогда на вечере просто пошутил. Ведь я знал, что ты обязательно будешь учиться в Москве. А я в Ленинграде. Совсем близко, правда?

— А когда ты уезжаешь? — спросила Вера.

— Двадцать второго июля тридцать седьмого года в двадцать часов по местному времени,- улыбаясь, отрапортовал Юрий, но в его голосе слышалась грусть.

Все это Вере вспомнилось сейчас, в вагоне поезда, неумоимо бежавшего на запад, туда, где за гривами холмов догорало солнце. И может быть, от ветра, врывавшегося в

распахнутую дверь тамбура, или от ярких лучей заходящего солнца глаза Веры вдруг наполнились слезами.

Она захлопнула дверь. Стало тише. Прислонившись к холодному стеклу, еще долго стояла в тамбуре. И если бы не сердитая проводница, Вера, быть может, простояла бы так всю дорогу...

В вагоне шла обычная дорожная жизнь. К ней уже привыкли вот эти четыре красноармейца, забивавшие «козла» на чем-то чемодане. По-своему, но так же свободно чувствовал себя в вагоне и подвижный лысеющий мужчина неопределенных лет, который никак не мог усидеть на одном месте, подсаживался к пассажирам, острил и громче всех смеялся.

А вот эти молоденькие девушки, очевидно, как и Вера, впервые отправились в такое дальнее путешествие. Держались они вместе, о чем-то тихо переговаривались. Казалось, что они с головой ушли в решение какого-то необычайно сложного вопроса и все, что происходило в вагоне, для них не существовало. Но Вера заметила, как девушки украдкой посматривали на рослого молодого моряка-подводника. А тот, увлеченный игрой в шахматы с пожилым горным инженером, словно и не замечал их взглядов.

Соседями Веры оказались три демобилизованных пограничника.

Вера любила по внешнему облику людей определять их профессию, угадывать характер, настроение. Вот и сейчас ей очень хотелось узнать, о чем думает этот черноглазый сержант, что сидит у окна напротив. Конечно, о доме, о предстоящей встрече с родными, любимой девушкой. И ей почему-то захотелось представить себе, какой должна быть невеста сержанта.

Забравшись на свою полку, Вера стала рассматривать журнал «Огонек», который она купила во время стоянки в Омске. На крупных снимках — развалины Мадрида, Герники, сосредоточенные лица бойцов республиканской армии в окопах под Бильбао, Долорес Ибаррури и Хозе Диас на строительстве укреплений, Алексей Толстой, Илья Эренбург и Михаил Кольцов, выступающие на конгрессе писателей-антифашистов... На страницах журнала рассказывалось о далекой войне, что бушевала там, за Пиренеями...

Вера проснулась, когда солнце уже садилось и его лучи освещали лишь края облаков, столпившихся над горизонтом. В вагоне было сумрачно. Она прислушалась к разговору, который шел внизу, где сидели пограничники, горный инженер и «снабженец» (так Вера про себя назвала лысого вертлявого пассажира).

Облокотившись на стойку, в проходе стоял высокий старшина-сверхсрочник. Из-за его спины несмело выглядывала девушка из соседнего купе. Собственно, какое может быть купе в общем и тем более воинском вагоне? Здесь все, особенно к концу пути, чувствуют себя членами одной большой семьи. А когда приходит пора расставаться,

грустят по-настоящему, хотя и ехали-то вместе всего несколько дней.

— А я решил в МТС — Это говорил один из пограничников, крепко сбитый широкоплечий парень.- Когда я был в отпуске, то сам директор приглашал. Приезжай, говорит. Нам механик до зарезу нужен. А я-то все три года в автороте служил. И знаете, как хочется по-настоящему поработать! Кажется, в первый же день сяду за трактор.

— Нет, друг,- улыбаясь сказал сидевший с ним рядом красноармеец с непокорным ежиком коротко остриженных волос.- У меня, Ваня, на этот счет другие планы.

— Какие же?

— Перво-наперво устрою вечеринку на всю деревню. Пусть все знают, что Макар Пинчук домой вернулся. А потом возьму и женюсь на самой красивой девушке в округе. Есть у меня на примете такая...

— А потом?

— Ну а потом и о работе подумаю. Понравится — в колхозе останусь, а нет — уеду со своей молодухой куда-нибудь подальше: на Магнитку или в Комсомольск-на-Амуре.

— Это вы верно говорите, молодой человек,- вмешался в разговор «снабженец».- Надо сначала присмотреться хорошенько. В деревне я не советую вам оставаться. Скучно. Никакой культуры. Другое дело — город. Вам теперь непременно надо жить в городе.

— Это почему же? — с недоумением спросил Макар.

— Видите ли, юноша,- тоном бывалого человека начал «снабженец», — вы ведь столько лет служили в армии. А что такое армия? Это — культура! Как же вы будете жить в деревне, в своей Белоруссии, где есть места, куда люди добираются летом на лодках, а зимой по льду? С тоски пропадете!

— Много вы, дядя, о Белоруссии знаете,- сердито проговорил Макар.- Были там, наверно, еще при царе Горохе. А патом, как же это бежать из родной деревни? А кто в колхозе работать будет?

— Но ведь, юноша, вы только что сами сказали, что хотите махнуть в Комсомольск или же на Магнитку,- съехидничал «снабженец».

— Да это я так, к слову, — с досадой поморщился Макар.- Знали бы вы, как меня дома-то ждут!

— Кто же? — полюбопытствовал старшина.

— Как кто? Известно: мать, отец, братья, ну и... — Пинчук на мгновение замялся,- и невеста, конечно.

Все весело рассмеялись, а старшина авторитетно заметил:

— С этого, брат, и следовало начинать!

— А вы? — спросил «снабженец» сидевшего у окна молчаливого сержанта.-Тоже демобилизовались?

— Да, демобилизовался, — ответил сержант. — Еду к родным в Белоруссию, а потом в

Москву, сдавать экзамены.

— Значит, земляки! — обрадовался Макар.- Из какой области? Могилевской? Соседи, значит. Я — витеб- ский.

— А куда думаете поступать? — спросила девушка и снова спряталась за широкой спиной старшины.

— Буду сдавать в Московский университет, на философское отделение.

Минуту помолчали. Вера заметила, что все с интересом посмотрели на сержанта, словно увидели его впервые.

— А что же это за специальность такая? — спросил наконец Иван.- У нас в селе счетовода философом все зовут, так это за то, что любит он поговорить. Как закатит на собрании речь, так может до первых петухов проговорить, если не остановишь его.

— Видишь ли,- начал сержант, заметно волнуясь,- существуют наиболее общие законы развития природы, общества и человеческого мышления, которые изучает философия.

— Какие же это «наиболее общие»? — По голосу Макара чувствовалось, что спрашивает он не ради праздного любопытства. Да и остальные солдаты как-то пристальнее стали присматриваться к сержанту.

— Наиболее общие... Это такие законы, которые изучают самые общие...- начал было сержант.

— М-да,- протянул Иван,- самые общие, говоришь? А как дела в вашем колхозе?

— В колхозе? — сержант с недоумением посмотрел на Ивана, не понимая, к чему тот клонит.- Мать писала, что плохо. Председатель — пьяница, молодежь уезжает в город...

— Значит, и ты решил туда же? — сурово спросил Иван, в упор глядя на сержанта.- Хочешь изучать наиболее общие законы природы, общества и еще что там?

— Человеческого мышления,- услужливо подсказал «снабженец».

— Вот именно, человеческого мышления. А кто же у нас в деревне будет заниматься менее общими законами? Дядя? Или, может быть, ваш пьяница-председатель?

Вера видела, что сержант растерялся и не знает, что ответить. Ей хотелось помочь ему, вмешаться в спор, но она чувствовала, что не должна этого делать.

— А не ловчишь ли ты, приятель? — неприязненно спросил Макар.- Может быть, ищешь, где почище? Боишься руки замарать?

— Что вы, ребята! — взволнованно сказал сержант. Теперь только он догадался, чем была вызвана настороженность и неприязнь красноармейцев. — Нет, ребята, я не ищу, где легче. Еще в армии я мечтал учиться, стать студентом. У меня было тогда лишь шесть классов. Учился по вечерам, закончил десятилетку. И теперь, после демобилизации, мне так хотелось учиться дальше...

Максим Кравчук на минуту остановился, перевел дыхание и посмотрел прямо в глаза своим товарищам, словно ожидая поддержки.

Вера заметила, как посветлело лицо Ивана, но вот он снова нахмурился,

приготовившись слушать дальше.

— Я думаю,- продолжал сержант,- что, закончив институт, смогу сделать гораздо больше, поеду туда, где будет трудно. Я никогда не искал, где легче. Нет, я никогда так не думал! — Вере показалось, что сержант вот-вот расплачется.

— Почему вы ему не верите? — гневно крикнула Вера, соскочив с полки.- Разве вы не видите, что он настоящий, хороший парень!

Все весело и с каким-то облегчением рассмеялись.

— Правильно, девушка,- все еще лукаво улыбаясь, сказал старшина.- Мы верим ему. Пусть учится. Нам и философы нужны. Пусть изучает законы. Но делать это надо с чистой совестью, смотреть в книги честными глазами. Вот к чему, девушка, весь наш разговор. А сержант на нас не обидится. Так, сержант?

— Так, товарищ старшина! — Голос Максима дрогнул, и он отвернулся к окну.

На мгновение наступила неловкая тишина, но ее прервал голос старшины:

— Чего это все нахмурились? Споем, товарищи?

— Споем! — дружно, как на строевых занятиях, ответили красноармейцы. И старшина запел низким, густым басом:

Ревела буря, дождь шумел,
Во мраке молнии блистали...

В песню один за другим вливались новые голоса, и она звучала богаче, сильнее, красивее:

И непрерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали...

А когда припев песни повторился снова, Вера услышала еще один голос, молодой и звонкий. Это был голос Максима...

В тот вечер Вера долго не могла уснуть. Что-то новое, большое вошло в ее жизнь, словно не сержант Максим Кравчук, а она сама держала сегодня этот экзамен не только перед демобилизованными красноармейцами — перед своей совестью.

ТАК ДЕРЖАТЬ, ДОЧКА!

Ранним утром поезд подходил к Москве.

Проснувшись, Вера быстро собрала свои вещи, переоделась и прильнула к окну в

радостном ожидании встречи с городом. Ей обязательно хотелось увидеть, как поезд пересечет ту незримую черту, за которой кончаются пригороды и начинается Москва. Максим Кравчук, как и Вера, встал очень рано и все утро задумчиво стоял у окна, изредка посматривая на девушку, будто не решаясь сказать ей что-то очень важное. «Москва! Как много в этом звуке...» — про себя повторяет Вера слова поэта. Сколько больших светлых надежд связано теперь у нее с этим городом!

А тем временем пассажиры, каждый по-своему, готовились к встрече с Москвой. Красноармейцы старательно побрились, до блеска начистили сапоги, подшили свежие подворотнички и теперь, нанизывая по очереди все пуговицы своих гимнастеров на специальную дощечку, старательно терли их щеткой. Когда же они, туго подпоясавшись широкими ремнями и взяв свои чемоданы, сгрудились в проходе, Вера подумала: «До чего они похожи друг на друга!» Стройные, широкоплечие, они были сейчас как-то особенно дороги Вере. Как жаль, что через несколько минут они расстанутся и, может быть, она их никогда не встретит.

Позже всех стал собираться старшина-сверхсрочник. Правда, он все делал быстро, сноровисто. Лишь немного дольше задержался над раскрытым чемоданом, перекладывая в нем свертки.

Три девушки-подружки перед Москвой как-то вдруг присмирели, а «снабженец», достав с полок свои чемоданы, пробирался к выходу, забыв попрощаться.

На перроне, несмотря на ранний час, было много встречающих. Они бежали вдоль вагонов, заглядывали в окна, махали руками. И хотя Веру никто не встречал, ей было радостно оттого, что кругом так много цветов и улыбающихся лиц.

Тепло попрощавшись с попутчиками и легко подхватив свой небольшой чемодан, Вера направилась к выходу в город.

Вот и просторная Комсомольская площадь. Торопятся люди, обгоняя друг друга. А сколько вокруг машин!

Недавно Вера прочла в газете, что в Москве все легковые автомобили старых иностранных марок заменены первым советским легковым автомобилем «М-1», и она с интересом осмотрела одну «эмку». Машина ей очень понравилась.

Стараясь скрыть охватившее ее волнение, Вера вошла в вестибюль станции метро «Комсомольская». А потом выходила на каждой станции и подолгу бродила среди мраморных колонн, любуясь красотой подземных дворцов.

Наконец станция «Охотный ряд». Вера вышла на залитую утренним солнцем улицу. Слева, за зданием Исторического музея, виднелась Красная площадь. Сколько раз, слушая бой Кремлевских курантов, она мечтала побывать на Красной площади, у Мавзолея Владимира Ильича Ленина! И вот ее мечта сбылась!

У входа в Мавзолей на посту стояли два молодых красноармейца с винтовками. «Хотя бы одно мгновение постоять в почетном карауле у Мавзолея великого вождя», -

подумала Вера.

...Только к десяти часам утра она приехала в институт, на улицу Казакова. Помещался он в красивом старинном здании, которое еще в 1793 году выстроил знаменитый архитектор Казаков. На фронтоне главного корпуса надпись крупными буквами: «Добро пожаловать, будущие студенты!»

В просторной комнате, где заседала комиссия, абитуриенты с тревогой поглядывали на молоденькую девушку, сидевшую за столом. Перед ней была установлена табличка: «Секретарь приемной комиссии».

Девушке, очевидно, очень нравились ее исключительное положение и почтительность, с какой обращались к ней абитуриенты, словно в ее маленьких руках находилась судьба каждого из них. Для большей строгости она все время хмурила брови, коротко задавала вопросы, что-то записывая в толстую разграфленную тетрадь, почти не удостоивая взглядом подходивших к ней юношей и девушек.

И вот в руках Веры две бумажки — белая и синяя. Белая — экзаменационный листок. Синяя оказалась ордером в общежитие.

— У вас тоже девятая комната? — послышалось рядом. Вера оглянулась. К ней обращалась высокая девушка в спортивном костюме.

— Да, девятая.

— Здорово! Значит, жить будем вместе. Давайте знакомиться. Меня зовут Шура. Шура Горемычкина.

— Горемычкина? — улыбаясь, переспросила Вера, взглянув на пышущее здоровьем веселое лицо девушки. — Вам эта фамилия очень подходит.

Девушки рассмеялись.

— У нас, — пояснила Шура, — более половины села — Горемычкины. Говорят, от старого времени осталось это. Словом, наследие темного прошлого.

— Тогда надо менять фамилию.

— Выйти замуж? Ни за что!

Через несколько минут девушки знали друг о друге почти все. Обе увлекались спортом, любили стихи Маяковского, в Москву приехали впервые, и поэтому им надо держаться друг друга. Решили сегодня же побывать в Третьяковке.

— А завтра пойдем в МХАТ на «Анну Каренину», — предложила Шура. — Играют Тарасова и Хмелев. Хорошо?

— Хорошо, согласна. Да, постой, — вдруг вспомнила Вера. — Ведь нам послезавтра первый экзамен сдавать!

— Верно! А я-то совсем забыла. Давай, Вера, будем готовиться вместе. Хорошо?

— Давай. С завтрашнего дня начнем новую жизнь. Подъем — в шесть утра. Физзарядка. Заниматься в день по десять часов с перерывами на завтрак и обед.

— Ой, Вера, зачем так строго? Ведь мы же не в армии.

— Ну и что же, что не в армии? Можем же мы ввести для себя военное положение? Или ты хочешь вернуться домой?

— Что ты, Вера! Ни за что!

— Тогда садись и пиши: «Приказ № 1 по войскам, штурмующим крепость, имя которой «Вступительные экзамены».... А теперь пошли в кино,- предложила Вера, когда «приказ» был закончен и вывешен на видном месте.- В «Спартаке» идет новая кинокартина «Арсен». Говорят, очень интересная.

После кино долго бродили по улице Горького и даже покатались на двухэтажном троллейбусе, который недавно доставили из Лондона.

С Воробьевых гор девушки долго любовались городом.

— Наверно, здесь, где мы сейчас стоим, — сказала задумчиво Вера, — Герцен и Огарев давали свою клятву...

— Вера, расскажи мне о Сибири. Там, наверно, очень холодно?

— Что ты, Шура! У нас так хорошо! — И Вера стала рассказывать подруге о городе, где она родилась и выросла, о школе и друзьях. Ей очень хотелось, чтобы Шура хорошо представила себе Кемерово и полюбила вместе с ней Сибирь, ее неповторимую красоту.

— Как интересно, Вера, ты рассказываешь! Мне так хочется поехать работать в Сибирь! Давай после института вместе туда поедем!

— Хорошо, но для этого нам еще надо поступить в него.

Девушки весело рассмеялись.

Неторопливо опускался их первый московский вечер. В небе загорались звезды, ветер совсем затих, и было хорошо слышно, как пыхтит трудолюбивая «кукушка», подавая иногда короткие сигналы. Откуда-то доносился приглушенный шелест, напоминавший шум старого леса. Это по асфальту Калужского шоссе шелестели сотни автомобильных шин... Издалека доносились и другие, приглушенные расстоянием звуки. Они сливались в стройную, еще не знакомую симфонию жизни столицы.

Раннее утро. В комнате, где теперь живут Вера, Шура и еще четыре девушки, тихо. Молчит и репродуктор, который Вера, ложась спать, просила не выключать.

— Почему не выключать? — недоуменно спросила одна из девушек.- Ведь радио будет мешать. Оно же начинает говорить в шесть часов.

— А я и хочу, Нина, встать в шесть.

— Так рано? Вот еще выдумала!

— У нас в Кемерово в это время уже не шесть, а десять часов.

— Ну, это у вас, в Кемерово. А нам-то зачем так рано вставать?

— Как зачем? — удивилась Вера.- Ведь к экзаменам надо готовиться! Давайте, девочки, присоединяйтесь к нам с Шурой, и вместе начнем новую жизнь.

— Нет уж, меня уволь от такой жизни. По утрам я люблю поспать! — услышался ответ.

...Когда в репродукторе тихо щелкнуло и раздались первые звуки позывных, Вера вскочила с постели и, выключив радио, стала торопливо одеваться.

— Шура! Вставай! — принялась она будить подругу. Но, видя, что та никак не может проснуться, рывком сдернула с нее одеяло.

— Вставай, соня, а то водой оболью!

Угроза подействовала.

Ежась от утренней прохлады, девушки побежали к пустынному стадиону.

— Давай сегодня два раза пробежим вдоль стадиона,- предложила Вера,- завтра — три, послезавтра — четыре и так каждый день на круг больше. Согласна?

— Согласна,- без энтузиазма ответила Шура,- но только уговор — не больше десяти кругов в день.

— Ладно. Когда дойдем до десяти, посмотрим.

— Тебе, Вера, следует записаться в секцию художественной гимнастики,- посоветовала Шура, когда девушки возвращались в общежитие.- У тебя все очень красиво получается, каждое движение. Правда!

А в комнате по-прежнему было тихо. Стараясь не шуметь, подруги убрали кровати, умылись и, усевшись у окна, начали заниматься.

Первой проснулась Аня.

— Ну, как ваша «новая жизнь»?

— Знаешь, как здорово на стадионе! — воскликнула Шура.

— А знаете что, девочки, — сказала Вера, видя, что все уже проснулись,- давайте будем вместе заниматься!

На следующее утро в девятой комнате в шесть утра раздалась бодрая команда «Подъем!», и через минуту с веселым шумом девушки выскочили из комнаты и, обгоняя друг друга, побежали к стадиону...

Девушки решили: всем сдать вступительные экзамены! Все было теперь подчинено этому короткому энергичному девизу, ставшему для каждой из них неписанным законом. Хотя нет, такой закон был написан: подруги одобрили «Приказ № 1», составленный Верой и Шурой, и скрепили его своими подписями.

Теперь они всегда были вместе: на стадионе, в столовой, в библиотеке, в спортзале, у двери аудитории, где одна из них сдавала экзамен.

Девушки помогали друг другу.

За день до экзамена устраивали «научную конференцию». Так они называли занятия, на которых окончательно приводились в систему их знания. Обычно такие конференции затягивались до поздней ночи. Ведь их, семнадцатилетних, волновали не только законы Ньютона и теоремы Пифагора...

И кто знает, может быть, благодаря «новой жизни» все они успешно овладели крепостью «Вступительные экзамены» и были зачислены на первый курс. Вера послала домой восторженную телеграмму: «Ура Принята Целую Вера». Первые дни занятий в институте напоминали большой праздник, которому, казалось, не будет конца. Новые друзья, интересные лекции, спортивные соревнования, экскурсии по Москве, горячие споры в общежитии — все это до краев наполнило жизнь Веры.

В своих письмах родным и друзьям она восторженно писала о Москве, о строительстве второй очереди метро, где студентам пришлось быть на субботнике, о поездке на пароходе по каналу «Москва — Волга», о встрече на Белорусском вокзале испанских детей, о демонстрации на Красной площади 7 ноября 1937 года.

Это были незабываемые дни. Страна готовилась к первым выборам в Верховный Совет СССР, и Вера с гордостью писала, что она теперь — агитатор в доме на Садово-Спасской улице.

Избиратели полюбили жизнерадостную девушку, которая незаметно стала в доме своим человеком. Это произошло после того, как Вера показала, как в Сибири готовят пельмени. Молоденькой щеголихе Тасе, работающей машинисткой в Наркомате путей сообщения, она где-то достала выкройку красивого платья и помогла его сшить, а шестикласснику Саше из седьмой квартиры объяснила, как надо решать десятичные дроби. Словом, вскоре без Веры не обходилось ни одно большое или маленькое событие в жизни этих еще совсем недавно чужих ей людей.

К Вере все относились внимательно, интересовались ее учебой, расспрашивали о родных, приглашали на праздники в гости, рассказывали ей о своей жизни. И девушке очень хотелось быть полезной этим людям, доверявшим ей, девчонке, свои радости и печали. Она упорно воевала с управдомом, затягивавшим ремонт кухни, помогала работнице швейной фабрики «Большевичка» устроить девочку в детские ясли, хлопотала в райсобесе о пенсии старой учительнице.

К беседам с избирателями Вера готовилась подолгу. Ведь ей нужно быть готовой ответить на любые вопросы, и Вера очень боялась: вдруг окажется, что она чего-то не знает.

Особенно опасалась она «дяди Васи», как все называли Василия Никаноровича, старого рабочего с завода имени Владимира Ильича.

Обычно дядя Вася садился в стороне и внимательно слушал, изредка поглядывая на Веру из-под седых лохматых бровей. Почему-то всегда получалось так, что она, проводя беседу, все время обращалась к дяде Васе, словно ей в чем-то очень хотелось убедить этого старого рабочего.

Когда же Вера заканчивала свой рассказ, он неторопливо задавал ей вопросы. Его интересовало буквально все: события в Испании и Китае, перелет через Северный

полюс в Америку, поиски экипажа самолета Леваневского, последняя статья генерала Карбышева, опубликованная в «Известиях».

На все вопросы Вера смогла ответить, а вот статью генерала не прочла. И теперь, пытаясь скрыть смущение, она слушала, как дядя Вася высказывал свое суждение о недальновидной политике французского правительства, которое наивно надеется, что нейтралитет Бельгии помешает фашистским войскам вторгнуться во Францию через территорию этой страны.

К следующей беседе Вера готовилась особенно тщательно, стараясь заранее угадать, о чем ее может спросить дядя Вася.

— Ты что это словно к экзаменам готовишься? — спросила ее Аля Кирюхина, тоже агитатор в этом же доме.

— Да вот завтра беседа. — И Вера рассказала подруге о дяде Васе, о том, как боится она, что тот задаст ей такой вопрос, на который она не сможет ответить.

— Вот чудачка! — небрежно тряхнув головой, сказала Аля. — Есть из-за чего расстраиваться! Вот я почти никогда не готовлюсь к беседам, а проходят они у меня хорошо.

— Как же это ты? — удивилась Вера.

— Очень просто. Если мне задают вопрос, который я не знаю, то я говорю все, что может быть похоже на правду. Главное, надо говорить уверенно. Это всегда помогает. Понятно?

И Аля весело рассмеялась, взглянув на растерянное, недоумевающее лицо подруги.

— Как же так? — спросила Вера. — Значит, ты говоришь им неправду?

— Почему неправду? Ведь по каждому вопросу я что-то пусть туманно, но знаю. Вот я и говорю то, что знаю. Разве это обман?

...Сегодня беседа у Веры прошла очень хорошо. Она рассказала о порядке голосования, ответила на все вопросы и уже собиралась уходить, как случилось непредвиденное. К ней подошел Слава, худощавый застенчивый юноша, работавший чертежником в конструкторском бюро.

— Простите, Вера. Сегодня я читал в газете, о событиях в Китае. Там я встретил слово «компрадорская буржуазия». Что это такое?

Вера растерялась. Она где-то встречала это выражение, но как-то не задумывалась над его смыслом. «Сказать, что не знаю?» — мелькнула мысль. И вдруг ей вспомнились слова Али: «Главное, надо говорить уверенно... Ведь по каждому вопросу я что-то пусть туманно, но знаю. Вот я и говорю то, что знаю...» Еще не отдавая себе отчета в том, что она делает, Вера быстро ответила:

— Видите ли, компрадорская буржуазия — это... это крупная буржуазия, владеющая в Китае промышленностью.

— Понятно,- сказал Слава.

Не помня себя, Вера выбежала на улицу. «Что я наделала? Как я могла такое сказать!»
«А что здесь особенного? — говорил другой, чужой голос, — «Ведь ты говорила то, что знала. А Слава все равно ничего не понял. Подумаешь!»

В общежитии девушка отыскала политический словарь, нашла нужную страницу и прочла объяснение слов «компрадорская буржуазия».

«Я сказала Славе неправду!» — эта мысль ни на минуту не давала ей покоя. Вере было мучительно больно за свое малодушие.

Долго не могла она уснуть в эту ночь, а весь следующий день была грустная, подавленная.

— Что с тобой? — допытывалась Шура.- Ты не больна?

— Нет, я здорова. Просто так, неважное настроение. Чем ближе был вечер, тем больше крепло решение, принятое ею. Пусть думают что хотят, но она не хочет, не может лгать!

И вот она снова пришла... Как медленно они собираются! Скорее же!

Вера украдкой взглянула на дядю Васю. Сегодня он казался строже, и девушка не заметила на его лице добродушной улыбки. «Неужели он догадался?» — с тревогой подумала девушка.

Наконец все уселись и приготовились слушать. Вера подняла голову и посмотрела в глаза сидевшим напротив нее людям.

— Товарищи! — Голос девушки взволнованно дрогнул. Все насторожились. — Вчера я Славе сказала неправду...

Дядя Вася поднял голову и с интересом прямо посмотрел в глаза Вере. И этот взгляд, прямой и открытый, придал ей силы. Теперь Вера ничего не боялась.

— Компрадорская буржуазия — это соглашательская часть буржуазии колониальных и зависимых стран, посредничающая между иностранным капиталом и местным рынком и помогающая иностранным империалистам грабить страну. Вот что такое компрадорская буржуазия!

Голос девушки взволнованно дрожал, в глазах стояли слезы.

— Вы извините меня, пожалуйста...

— Что вы, Верочка, не волнуйтесь, — успокаивала девушку Анна Матвеевна, пожилая женщина.- Ведь столько этих мудреных слов, что все и не упомнишь. А вы еще такая молоденькая, еще выучите их...

Когда Вера уходила, к ней подошел дядя Вася. Из-под лохматых бровей опять смотрели его добрые глаза. Он подал Вере руку и тихо, чтобы никто не слышал, сказал:

— Молодец, дочка, так держать!

Взволнованная, шла Вера к общежитию. На душе было снова легко и радостно.

ЖИТЬ ДЛЯ ЛЮДЕЙ

Сколько радости приносят письма, которые с разных концов страны присылают Верины школьные, институтские и фронтовые друзья! Вот и сегодня пришло письмо из Тбилиси. Пишет его Александра Сергеевна Алиханова, преподаватель физкультуры в одной из средних школ столицы Грузии. А когда-то это была просто Шура, Шура Горемычкина, студентка Московского института физкультуры...

Еще и еще перечитываю строки письма, вдумываюсь в каждое слово, стараюсь представить себе все то, что было более двадцати лет назад.

...Сразу же после выборов в Верховный Совет первокурсники уехали в зимний спортивный лагерь, в десяти километрах от Серпухова. В вагоне пригородного поезда, как всегда в таких случаях, рассказывали смешные истории, пели студенческие песни. Со станции до лагеря шли на лыжах, прокладывая лыжню через поля и небольшие перелески, запорошенные первым, еще не слежавшимся снегом. Солнце светило приветливо. Вера шла впереди группы. Лицо ее разрумянилось на ветру, из-под шапочки выбивались светлые волосы, заиндеветавшие на морозе. Девушку радовало это солнечное утро, синее, без единого облачка небо над головой и эти безбрежные просторы полей: и лесов, одетые в белый, искрящийся наряд.

Наконец показался лагерь. Несколько бревенчатых домиков тесно жались друг к другу на краю небольшой поляны. Почти вплотную к ним подступали огромные мохнатые ели. На своих могучих лапах они бережно держали целые сугробы снега. А в их высоких вершинах даже в, самую тихую погоду шумел ветер, и казалось, что еловый бор тихо, задумчиво поет колыбельную песню зиме, так покойно уснувшей на его могучих; ветвях.

«Как красиво! — с восхищением подумала Вера. Все здесь напоминает тайгу».

Торжественную тишину зимнего леса нарушили звонкие голоса. Сняв лыжи и рюкзаки, студенты принялись устраиваться здесь на жилье. А когда вечером окна домиков засветились огнями, вся поляна как-то сразу преобразилась, стала приветливее.

Все, что окружало теперь Веру, удивительно напоминало ей лыжные походы, в которые она вместе с друзьями отправлялась в зимние каникулы. Здесь, как и в таежных избушках охотников, также пахло смолой и свежим сеном. За окном, залитые лунным светом, стеной стояли деревья. Их темные ветви, словно лапы гигантских чудовищ, потревоженных светом и шумом, угрожающе шевелились.

Вере очень нравились ночевки в тайге. Она привыкла к глухому шуму деревьев, научилась распознавать голоса зверей, подражать им. С увлечением девушка училась читать испещренную следами снежную карту, а на привалах затаив дыхание слушала рассказы лесников и охотников.

Любила она спускаться с крутых склонов, когда дух захватывало от быстрой езды и

ветер свистел в ушах, а навстречу, подпрыгивая на ухабах, стремительно неслись деревья, кручи, овраги. Подчиняясь ее воле, лыжи вздымали тучи снега на крутых поворотах, легко взмывали над сугробами и стремительно мчались по прямой. Вера с радостью чувствовала, что в эти короткие мгновения она может с удивительной быстротой принимать решения, не теряться перед неожиданно возникающими препятствиями и что ее воле подчиняются и эта бешеная скорость, и свистящий ветер, и все, что стремительно несется навстречу, расступается, чтобы дать ей дорогу... Один за другим шли дни лагерной жизни. Каждое утро после завтрака студенты уходили на тренировку. Разбившись на группы, под руководством преподавателей почти до самого обеда отрабатывали приемы хождения на лыжах. И только минут за тридцать до окончания занятий Александр Петрович, старший тренер, разрешал студентам покататься по «свободной программе». С шумом и смехом они карабкались на крутую гору, спуститься с которой считалось высшей доблестью. Дух захватывало от этой крутизны, и не каждый, глянув вниз, решался съехать. Для многих спуск уже в самом начале превращался в «свободное падение».

В последние дни Вера чувствовала, что ей нездоровится. Болела голова, ломило в суставах. «Неужели простудилась? — с досадой думала девушка. — Этого еще не хватало. А еще сибирячка!» И Вера решила никому не говорить о своем недомогании. Но сегодня, вернувшись с занятий, она почувствовала себя особенно плохо. Кружилась голова, и острая, пронизывающая боль отдавалась в позвоночнике.

Ее окружили встревоженные подруги.

— Что с тобой, Верочка? На тебе лица нет!

— Ничего, девочки, пройдет. Я, наверное, немного простыла.

Веру уложили в постель и старательно укрыли.

— Что вы делаете? — слабо сопротивлялась девушка. — Так вы меня совсем больной сделаете. Ведь я же завтра обязательно встану.

Но приехавший на следующее утро врач, осмотрев Веру, сказал Александру Петровичу: «Надо немедленно отправить в больницу. Положение очень серьезное. Боюсь, что могут быть неприятные последствия».

Когда Веру увозили в Москву, она, виновато улыбаясь, говорила друзьям:

— Ничего, ребята, я скоро поправлюсь и вернусь обратно.

...Маленькая палата, в которой она лежит уже второй месяц. Встать Вера не может: грипп дал осложнение на ноги, и теперь она прикована к постели.

Сколько передумано за эти долгие дни и ночи! С какой надеждой каждое утро девушка встречает главного врача, стараясь в его глазах прочесть что-либо утешительное!

Сможет ли она снова заниматься спортом, учиться в институте? Ведь идет уже второй семестр, и ее друзья приносят в больницу книги, учебники, помогают ей готовиться.

Вера чувствовала, что от нее все что-то упорно скрывают, словно не желая ее огорчить.

Она читала это в глазах подруг, которые, рассказывая последние институтские новости, старались делать вид, что не замечают болезни Веры. А Шура Горемычкина, особенно в последние дни, стала ей все чаще приносить книги, в которых рассказывалось о мужественных людях, обладавших несокрушимой волей.

«В чем же дело? — с тревогой думала Вера.- Неужели мои дела так плохи? Нужно прямо спросить обо всем у Вадима Николаевича».

Когда утром в палату вошел главврач, пожилой высокий мужчина с маленькой аккуратно подстриженной бородкой, чем-то напоминавший Чехова, Вера сказала: — Вадим Николаевич! Скажите правду, что со мной? Когда я буду ходить? Смогу я учиться в институте? Только говорите правду! Не бойтесь. Мне очень важно знать правду. Понимаете, правду!

— Хорошо, Вера, я вам скажу все.- Вадим Николаевич присел на край кровати и ласково, по-отцовски погладил ее по голове.- Вы серьезно больны, и лечиться придется еще очень долго.

— А как же институт?

— В этом году вы, к сожалению, не сможете учиться. А потом,- главврач на мгновение задумался, внимательно посмотрел в глаза девушки,- почему вы решили учиться именно в физкультурном? Ведь сколько есть других, не менее интересных профессий!

— Я понимаю... Значит, мне больше не придется в физкультурном...

— Не огорчайтесь, Вера, вы ведь так еще молоды, и у вас все впереди. Будете учиться, заниматься спортом. Все будет хорошо.

И хотя Вера заранее готовила себя к худшему, то, что сказал Вадим Николаевич, глубоко потрясло ее. Как же она будет жить дальше? Ведь немисливо расстаться навсегда с институтом, со своей мечтой стать настоящей спортсменкой. Что же делать? Тягостное раздумье прервала Шура Горемычкина. Вере почему-то не хотелось говорить подруге о том, что ей сказал Вадим Николаевич. Она взяла небольшую, изрядно потрепанную книгу, которую ей принесла Шура, и задумчиво стала листать страницы.

— «Как закалялась сталь»? Ведь я же ее, Шура, столько раз читала...

— А ты еще раз прочти. Понимаешь? Когда мне почему-то трудно бывает, я всегда перечитываю Островского.

И вот Вера осталась одна. Взяла книгу, стала перелистывать знакомые страницы... И перед ней снова как живой встал ее любимый герой Павка Корчагин, теперь как-то особенно дорогой и близкий.

В книге оказалось немало строк, старательно подчеркнутых чьей-то рукой. Вере очень нравилось читать такие книги. Перечитывая строки, подчеркнутые незнакомым человеком, девушка старалась представить его себе, понять, почему именно эти строки взволновали читателя.

Вот и сейчас на одной из страниц она прочла: «Умей: жить и тогда, когда жизнь

становится невыносимой Сделай ее полезной». А рядом карандашом было написано лишь одно слово: «Правильно!»

Этой же рукой были помечены страницы, где рассказывалось о том, как в Шепетовке белополяки казнили Валю Брузжак и ее товарищей. Вера с волнением прочла их.

«У виселицы прокурор, военный и высшие чины. Вывели из тюрьмы наконец Валю и тех двоих товарищей что к повешению. Взялись они все трое под руку. Валя в середине, сил у нее идти не было, товарищи поддерживали, а она прямо идти старается, помня слова Степанова: «Умирать надо хорошо». Без пальто она была, в вязаной кофточке...

...Когда были недалеко от виселицы, запела Валя. Не слыхал никогда я такого голоса — с такой страстью может петь только идущий на смерть. Она запела «Варшавянку»; ее товарищи подхватили. Хлестали нагайки конных; они били их с тупым бешенством. Но они как будто не чувствовали ударов. Сбив с ног, их к виселице волокли как мешки.

Бегло прочитали приговор и стали вдевать в петли. Тогда запели мы:

Вставай, проклятьем заклеянный...»

Ком подступил к горлу девушки, слезы застилали глаза, мешая читать.

«А я смогла бы так умереть, как Валя?»,- думала Вера. Она положила книгу на тумбочку у изголовья.

«Умей жить и тогда, когда жизнь становится невыносимой. Сделай ее полезной». Эти слова звучали как боевой приказ, который мог отдать лишь человек, всей своей жизнью завоевавший на это право...

Однажды в палату неожиданно вошел Василий Никанорович. На его могучих плечах смешно болтался белый халат.

— Дядя Вася! — обрадовалась Вера.- Как вы узнали, что я в больнице?

Неторопливо усевшись на табурет и глядя на девушку своими добрыми глазами, он сказал:

— Слухом, дочка, земля полнится. А потом ты же у нас агитатор, а не приходишь.. Вот и направили меня бабы в институт. Там и узнал, что с тобой, стряслось. А это тебе.- И дядя Вася положил на кровать большой узелок.- Потом посмотришь: все утро что-то наши хозяйки пекли, жарили.

Немного помолчали. Дядя Вася взял с тумбочки книгу и осторожно начал листать страницы. И только сейчас Вера разглядела его руки. Сильные, сухощавые, с глубоко въевшимися в кожу мельчайшими частицами железа. «Ведь дядя Вася более тридцати лет работает слесарем»,- вспомнила Вера.

— Правильная книжка, дочка,- сказал Василий Никанорович.- В ней очень верно написано про рабочего человека...

На мгновение их глаза встретились.

— Ну, говори, что у тебя случилось?

И Вера рассказала ему все.

— Да, положение у тебя, дочка, скажем прямо, неважное,- задумчиво проговорил дядя Вася, выслушав Веру.- И скисла ты, вижу, порядком. А это зря. Вылечиться тебе надо, на ноги встать. Это теперь главное. А что из института уйти придется — не горюй. Хорошему человеку всюду место найдется.- Василий Никанорович остановился, думая о чем-то своем. — Вот в наше время,- начал он после минутного молчания,- можно часто слышать: «Хочу учиться на инженера!», «Хочу стать доктором!». Дороги-то всем теперь открыты, учись только. И начнет учиться такой хлопец или дивчина, а сам толком-то и не знает, почему он решил стать инженером. Нравится, говорит, такая профессия. А любви-то настоящей у него к этому делу и нет. А бывает и такое. Лезет в науку хлопец или дивчина и ничего кругом себя не видит. А ведь кругом-то люди работают, строят новую жизнь. А он закрыл глаза от радости: какой, мол, хороший. Вылезет такой человек в инженеры или, скажем, в доктора. Пока он лез, в нем такое выросло «я», что оно заслонило от него весь белый свет. Посуди, дочка, будет ли с такого человека толк?

На лице Василия Никаноровича не было улыбки, и смотрел он в глаза Вере так же, как и тогда, когда она в первый раз пришла к ним проводить беседу.

— Надо не о себе думать, дочка,- продолжал дядя Вася,- а о людях, среди которых живешь. Для них надо стараться. Тогда тебе легче станет и любое дело будет спориться в руках, а сердце твое всю жизнь будет прыгать от радости. Понятно? Главное — быть человеком, жить для людей. А остальное все приложится...

ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ...

Так случилось, что Вася Худолеев и Володя Сотников не смогли уехать учиться вместе с друзьями. Они устроились работать учителями в своей же школе и готовились поступить в институт в будущем году. Было также решено, что учиться они обязательно будут вместе.

Часто приходили письма от Веры. Она рассказывала друзьям о своей студенческой жизни и приглашала приехать в Москву. «Вы обязательно сдадите здесь экзамены, — писала Вера, — только хорошенько подготовьтесь». Последнее письмо из Москвы пришло в конце декабря, а потом Вера надолго замолчала. «Наверно, новая жизнь закружила, — подумали друзья. — А потом и зимняя сессия началась — не до писем теперь».

Но шли дни за днями, а писем от Веры все не было. Однажды Худолеев прочел в «Комсомольской правде», что при Московском институте кооперативной торговли открываются подготовительные курсы.

— Давай, Володя, поедem в Москву, — предложил Худолеев другу. — Ведь это то, что нам надо. На курсах мы сможем лучше подготовиться в институт.

— Хорошо, едем, — согласился Сотников. — Давай сообщим Вере. Пусть встретит. Сборы в дорогу были недолгими. На следующее утро друзья отправились на вокзал. Из Челябинска дали Вере телеграмму. Но, приехав в Москву, они прождали ее напрасно более часа на перроне Казанского вокзала. Вера почему-то не пришла.

— Может, она не успела получить телеграмму? Поедем к ней в институт, — предложил Володя.

Наконец разыскали институт, общежитие. Вот и комната, где живет Вера. На стук вышла девушка.

— Вам кого? — спросила она, с любопытством рассматривая ребят. — Веру Волошину? Да ведь она два дня тому назад уехала домой.

— Как домой? — удивились друзья. — Ведь в институтах еще идут занятия.

— А вы разве ничего не знаете? — И девушка рассказала о болезни Веры и о том, как однокурсники провожали ее домой.

Ребят очень огорчило все, что они узнали. «Как это могло случиться? Ведь Вера была такая закаленная», — с горечью думали они. И теперь друзья почувствовали себя особенно одинокими в большом незнакомом городе. Они ведь только потому и решились поехать в Москву, что здесь была Вера. А теперь...

Словно догадавшись об их грустных мыслях, девушка сказала:

— Вы не огорчайтесь, ребята. Вера поправится и снова приедет в Москву. А вы куда? В кооперативный? Давайте я вас провожу, а то не найдете. Это где-то далеко, на Волоколамском шоссе...

А через несколько дней Валя, так звали девушку, привезла ребятам письмо от Веры. «Вы извините меня, ребята, что так получилось, — писала она. — Как жаль, что вы не застали меня в Москве. Но ничего, я написала девчатам, чтобы они взяли над вами шефство».

О своей болезни Вера писала в шутовом тоне. «Теперь меня лечит отец, — сообщала она. — Вы ни за что не догадаетесь как. Электричеством! Я, оказывается, могу быть неплохим дополнительным сопротивлением. Так что дело пошло на поправку». Вера даже нарисовала электрическую цепь и себя в виде «дополнительного сопротивления». И хотя письмо было веселым, друзья поняли, как сейчас трудно Вере. В этот же вечер они отправили ей большое письмо о своих делах, о том, как идут занятия на подготовительных курсах. «Как поправишься, — писали они, — приезжай обязательно в наш институт. Будем учиться вместе». Ребята подробно рассказали о торговко-экономическом факультете, на который они решили поступить, о профессии экономиста. «А спортом, — писали они, — можно заниматься и у нас. Здесь чудесный спортивный зал, а наша сборная — одна из лучших в Москве».

О многом передумала Вера, получив это письмо. Стать хорошим экономистом — ведь это так нужно сейчас! И учиться вместе с земляками...

Тем временем здоровье восстанавливалось, она начала ходить и вскоре уже играла в волейбол с друзьями. Но врачи категорически запретили ей продолжать учебу в институте физкультуры: произошли какие-то изменения в сердце, не дававшие ей возможности стать профессиональной спортсменкой. Тяжело было навсегда расстаться со своей мечтой. В эти трудные дни девушка часто вспоминала все, что говорил дядя Вася тогда, в больнице: «Надо не о себе думать, дочка, а о людях, среди которых живешь. Тогда любое дело будет спориться в руках... Главное — быть человеком, жить для людей...»

Но как это сделать? Как найти свое место в жизни? В середине июля Вера написала письмо в Москву. «Мальчики, решила ехать к вам, в кооперативный. Обо всем расскажу, как приеду. Так что встречайте!»

И вот снова Москва, Казанский вокзал... Веру встречали Володя, Вася и Петя Гора, который тоже поступал в институт — в Педагогический имени Ленина.

— Теперь нас здесь целое войско сибиряков, — шутила Вера, здороваясь с друзьями. По дороге в общежитие Володя и Вася, перебивая друг друга, рассказывали Вере об институте, о подготовительных курсах, на которых они учились уже второй месяц. Гора тоже рассказал о своем институте. Он было даже предложил Вере поступать не в кооперативный, а вместе с ним в педагогический. Но, встретившись с недовольными взглядами друзей, замолчал.

Здание кооперативного института, как узнала Вера из рассказов ребят, было выстроено совсем недавно. Оно очень хорошо спроектировано. Все в нем приспособлено для занятий и отдыха студентов. Общежитие вплотную примыкало к учебному корпусу, здесь же размещались столовая, спортивный зал, гараж для мотоциклов. Жили студенты в небольших уютных комнатах. Во дворе были беговые дорожки, площадки для игры в волейбол, баскетбол. Зимой там заливали каток.

— Так что, Вера, у нас здесь все есть, — с гордостью говорил Вася Худолеев, показывая девушке общежитие, аудитории, кабинеты.

В спортивном зале, куда они зашли наконец, в это время шли занятия секции гимнастов. Остановившись у входа, Вера с интересом стала наблюдать, как юноши и девушки под руководством преподавателей старательно выполняли упражнения на перекладине, кольцах, параллельных брусьях. Небольшого роста очень подвижный тренер руководил занятиями.

— Это Яков Абрамович Крючкин, заведующий кафедрой, — тихо сказал Худолеев. Вера не заметила, что Яков Абрамович уже давно наблюдает за ней. Ему не стоило большого труда в этой красивой светловолосой девушке узнать спортсменку: так внимательно и со знанием дела следила она за выступлениями гимнастов. Выражение

лица девушки менялось поминутно: она радовалась каждому удачному движению и огорчалась каждой ошибке, которую заметить мог только опытный спортсмен. Вот она, не выдержав, быстро подошла к одной из гимнасток и стала ей что-то объяснять.

— Вы с какого курса? — спросил у Веры Крючкин. Яков Абрамович хорошо знал всех студентов института, а эту девушку он видел впервые.

— Видите ли, — смутилась Вера, — я еще не студентка.

— А, вы учитесь на подготовительном? Очень хорошо! — обрадовался Крючкин. Он боялся, что девушка могла оказаться студенткой какого-либо другого института. — Вы на какой факультет поступаете? Торгово-экономический? Прекрасно! И спортом, конечно, занимаетесь?

— Да, занимаюсь. Гимнастикой, легкой атлетикой, играю в баскетбол.

— Очень хорошо. Завтра же приходите на тренировку. Ровно в десять. И не опаздывать!

— Но...

— Никаких «но»! — перебил Веру Крючкин. — Завтра же начнете тренироваться.

— Но я же еще не сдала экзамены, — возразила Вера.

— Не волнуйтесь, сдадите. Да, вы могли бы что-либо показать нам? Например, на брусках?

— Могу, но у меня нет с собой костюма.

— Пустяки! Маша, — обратился Крючкин к девушке, стоявшей рядом, — проводи... Да, как вас зовут? Проводи Веру в гардероб, пусть переоденется.

Пока Вера переодевалась, Яков Абрамович объявил всем преподавателям, что он, Крючкин, открыл новую «спортивную звезду». У него была страсть чуть ли не в каждом человеке видеть будущего спортсмена. Зная эту слабость, некоторые преподаватели улыбнулись.

— Чего смеетесь? — рассердился Крючкин. — Не верите? Сейчас сами увидите, когда Вера, переодевшись, снова вошла в спортзал, она почувствовала на себе любопытные, изучающие взгляды. Девушка нахмурилась. Так она делала всегда, стараясь скрыть смущение.

Подойдя к Якову Абрамовичу, Вера сказала:

— Я готова.

— Хорошо. Пожалуйста, вольные упражнения на брусках.

Веру, как и раньше бывало на соревнованиях, охватило волнение. Ей очень хотелось, чтобы недоверчивые, испытующие взгляды скорее потеплели и все, кто был сейчас в зале, поверили ей, признали в ней спортсменку. С удивительной четкостью и изяществом выполняла она одно за другим упражнения. Вот и последний взмах, и Вера легко спрыгнула на ковер. Яков Абрамович был в восторге.

— Молодец, Вера! Считайте, что вы сдали экзамен! — И, обращаясь к подошедшим преподавателям, добавил торжествующе: — Ну, что я говорил? Видели?

Вася Худолеев, наблюдавший всю эту сцену, сказал:

— Как у тебя, Верка, здорово получилось! Ты слышала, что сказал Крючкин? «Считайте, что вы сдали экзамен!» Вот бы мне так!

А Яков Абрамович в это время уже был в кабинете директора института, большого любителя спорта. Зная это, Крючкин не раз приходил к нему с просьбой принять в институт в первую очередь кого-либо из спортсменов. Вот и сейчас он горячился, доказывая:

— Волошину надо обязательно принять. Ведь это же замечательная спортсменка!

— Но ведь мы, Яков Абрамович, готовим в институте бухгалтеров, товароведов, экономистов, — улыбаясь, возразил директор. — Пусть она сдает экзамены, а там посмотрим.

— Как «посмотрим»? — возмутился Яков Абрамович, но, встретившись со взглядом директора, рассмеялся:

— Хорошо, я согласен. Давайте посмотрим.

В общежитии Вася с восхищением рассказал Сотникову о том, что произошло в спортзале.

— Понимаешь, Крючкин сразу же помчался к директору, и я сам видел, как он улыбался, выйдя из кабинета. Везет же тебе, Вера! Теперь можно к экзаменам не готовиться.

Но Володя не разделял восторгов друга.

— Нет, Вася, теперь Вере надо особенно хорошо сдать экзамены. А то могут подумать, что приняли ее так, за здорово живешь.

— А что в этом плохого? — не сдавался Худолеев. — Ведь нам нужны хорошие спортсмены.

— Нужны, не спорю. Но согласись, что надеяться лишь на свои спортивные заслуги было бы нечестно. Да Вера и не пойдет на это.

Когда страсти улеглись, она подошла к ребятам и просто сказала:

— Ты прав, Володя! Теперь мне нужно особенно хорошо готовиться к экзаменам. Иначе нельзя!

Вот и остался позади последний вступительный экзамен. С радостью Вера узнала, что она, Вася Худолеев и Володя Сотников зачислены на первый курс.

Поселилась в просторной светлой комнате со своими новыми подругами Ниной Цалит, Мариной Сониной и Валей Пичкур. Четыре железные кровати, четыре стула, стол, этажерка для книг и две тумбочки — вот и вся обстановка. Но уже на второй день комната преобразилась. Репродукции с картин, салфетки на тумбочках, книги, красивая домотканая скатерть и букет полевых цветов, безукоризненная чистота и порядок придали комнате уютный вид.

Девушки быстро подружились и уже несколько дней спустя удивлялись, как они могли

раньше жить друг без друга. Решили создать коммуны, и у каждой нашлось дело по душе. Нине, как будущему бухгалтеру, поручили «казну». В нее шли стипендии и все те посылки и денежные переводы, которые иногда присылали родители. Бюджет коммуны был строго рассчитан, особенно в его расходной части. Нина ввела железную экономию, и напрасно Марина Сониная, любившая по воскресеньям приготовить подругам что-либо особенное, выпрашивала несколько рублей для какой-то необыкновенной приправы. Из всех таких «конфликтов» Нина всегда выходила победительницей: на ее стороне была неумолимая логика цифр. А когда в бюджете образовывался дефицит, девушки по вечерам и в воскресные дни работали: перебирали капусту, картофель, а иногда вместе с ребятами ходили на станцию разгружать вагоны. В бюджете коммуны, кстати, предусматривалась и специальная статья на культурно-массовые расходы. Девушки вместе бывали в театрах, кино, на выставках и концертах. Позднее, правда, это правило не всегда соблюдалось: у каждой из них появились друзья среди студентов, и теперь, провожая кого-либо на свидание, подруги отдавали «рenegатке» свои лучшие вещи. А Нина, которую под горячую руку Марина не раз называла и Плюшкиным и Гобсеком, вручала подруге деньги:

— Это тебе для материальной независимости.

Естественно, у каждой из подруг были свои интересы, увлечения, по-разному воспринимали они прочитанные книги, новые кинокартины и спектакли. И часто далеко за полночь затягивались жаркие споры, иногда девушки даже обижались друг на друга. Но обиды проходили быстро, забывались, и они опять весело шумели, пели любимые песни. Особенно хорошо их пела украинка Валя Пичкур. Ее красивому, задумчивому голосу тихо вторили задумчивые голоса подруг. На вечерние «концерты» в 381-ю комнату часто приходили Володя Сотников, Вася Худолеев и еще кто-либо из однокурсников.

Вначале они только слушали, но потом голоса юношей один за другим вплетались в песню, наполняя ее новой силой, и песня звучала раздольнее.

Вера часто рассказывала подругам о своем городе, показывала фотографии, читала письма родных и друзей. И теперь не только ее подруги, но и многие однокурсники хорошо знали, какую пьесу ставит кемеровский театр, когда будет построен новый мост через Томь и сколько кокса ежедневно выдает коксохимзавод.

А в институте шла обычная студенческая жизнь. Вера старательно записывала лекции, подолгу готовилась к семинарам в лабораториях, читальном зале. Но ее не покидало чувство неудовлетворенности. Все время почему-то казалось, что она взялась не за свое дело. Вера часто задавала себе вопрос: «Правильно ли я сделала поступив в торговый институт?» Ей трудно было смириться с мыслью, что ее ждет скучная, сидячая профессия экономиста. Ведь не об этом она мечтала, заканчивая десятый класс! Теперь весь день ей придется просиживать за канцелярским столом, составлять

различные графики и под треск арифмометров пересчитывать массу всевозможных цифр. Какая скука!

Решение поехать в кооперативный институт пришла как-то неожиданно, сразу.

Страстно хотелось учиться быть рядом с друзьями, идти вперед и с радостью ощущать это движение. Тогда она особенно не задумывалась над своей будущей профессией и не представляла ее себе по-настоящему. А теперь?

«Правильно ли я сделала? — думала с тревогой. — Свое ли место заняла в институте?» Своими сомнениями Вера поделилась с земляками. Они часто собирались вместе в комнате ребят. Приезжал Гора. Вместе обсуждали свои дела, обменивались; новостями и просто вспоминали свой родной город, школу, друзей.

У Димы Жданова и Коли Моргулиса, живших в одной комнате с Худолеевым и Сотниковым, в таких случаях всегда находились срочные дела, и они уходили.

— Пусть сибиряки без нас проведут собрание своего землячества, — шутили они. — Зачем мешать им?

И вот сегодня Вера все рассказала друзьям.

— Не могу, ребята, учиться ради диплома, — горячо говорила она. — Не получится из меня экономист. А потом ведь это же сидячая профессия. Разве я об этом мечтала?

Друзья молчали. Каждый думал над тем, как помочь Вере.

— Ты это зря, Вера, — первым нарушил молчание Худолеев. — Ты, видно, совсем не понимаешь, что значив стать хорошим экономистом. «Сидячая профессия»! А ты «Капитал» Маркса читала? Сколько, если хочешь знать, поэзии; настоящей жизни скрыто за цифрами, которых ты боишься! Сколько человеческих судеб! А ты — «сидячая профессия»...

— Ты не горячись, Вася, — улыбаясь, остановил друга Володя. — У каждого из нас могут быть колебания, сомнения. Это естественно. Но поверь, Вера, все скоро пройдет. Вот увидишь. Прав Вася. Хорошо знать экономику — это очень большое, нужное дело. Дай срок, и ты это сама поймешь. Любое дело, если за него взяться с душой, приносит радость. Это недавно мне сказал очень хороший человек.

— Не слушай ты их, Вера, — вмешался вдруг молчавший до сих пор Гора. — Переходи к нам, в педагогический. Не пожалеешь.

— Да ты думаешь, что говоришь? — возмутился Володя. Вера впервые видела его таким рассерженным. — По-твоему, Вера — гастролер? «Хочу здесь, хочу там! Не подходит — иду к вам». Ошибаешься! — И, уже обращаясь к Вере, спокойно закончил: — Не торопись принимать окончательное решение. Учись, и все станет на свои места. Ты просто еще себя не понимаешь как следует, не понимаешь и всей красоты нашей профессии. Дай срок, все станет на место.

Когда друзья расходились, Володя попросил Петра остаться. Очевидно, между ними произошел откровенный разговор, после которого Петр уже никогда не приглашал

Веру переходить в педагогический...

Горячая приверженность Володи и Васи к институту, к своей будущей профессии во многом помогли Вере. Но все же настоящая уверенность в том, что она правильно сделала, избрав профессию экономиста, пришла гораздо позднее.

Еще с детства Клавдия Лукьяновна приучила Вер делать хорошо любую работу. В школе эту привычку Вера перенесла на учебу. Сколько радости доставлял ей решенная задача, хотя пришлось посидеть над ней почти весь вечер! И вот теперь в институте, изучая товароведение, экономику торговли, статистику и другие специальные предметы, девушка упорно старалась понять, проникнуть в глубь предметов, казавшихся такими неинтересными, скучными. И выходило, что торговая статистика, это удивительное нагромождение цифр, помогает глубже заглянуть в самые сложные процессы движения товаров, понять закономерности торговли. ведь зная закономерности явлений, можно активно вторгаться в жизнь, переделывать ее.

С каждым днем занятия становились интереснее, постепенно приходило чувство какого-то внутреннего равновесия. Теперь Вера с интересом перечитывала не только всю рекомендованную литературу, но и другие специальные книги и журналы.

— Знаешь, Марина, — как-то сказала она подруге, — какое хорошее, радостное чувство всегда испытываешь когда ты не просто готова к семинару, а глубоко, по-настоящему разобралась в теме! Можно спорить, отстаивать свою точку зрения, убеждать других! А ведь очень легко убеждать в том, что ты хорошо знаешь. Правда?

Но где-то в глубине души все же не растаял окончательно холодок сомнения. «А может быть, все это — лишь увлечение самим процессом учебы, а не настоящий интерес к предмету?» — думала девушка. Ей очень хотелось поговорить обо всем с Александром Николаевичем Соколовым, секретарем партбюро института. Александра Николаевича очень уважали студенты и между собой называли «папашей». Рабфаковец, сам прошедший трудную школу жизни, секретарь хорошо понимал жизнь студентов, умел дать дельный совет, всегда был готов прийти на помощь в трудную минуту.

Однажды, когда Веру зачем-то послали в партком, она, немного поколебавшись, приоткрыла дверь кабинета Соколова.

— Входите, Волошина. Что же вы там застряли у двери? — пригласил секретарь немного растерявшуюся девушку. — Расскажите, как вчера сыграли с МАИ?

Он словно не замечал ее смущения. Вера оживилась и стала рассказывать о встрече с женской баскетбольной командой авиационного института.

Александр Николаевич внимательно слушал, а когда она кончила, стал задавать ей вопросы о том, как проходила игра, причем он хорошо знал особенности игры каждой баскетболистки. Словом, шел настоящий профессиональный разговор. От недавнего смущения не осталось и следа. Незаметно разговор перешел на дела в группе, на курсе. Когда Вера собралась уходить, Александр Николаевич, пристально посмотрев в

глаза девушке, спросил:

— Нравится ли вам, Волошина, будущая профессия, наш институт?

Он словно догадался, зачем приходила она в партком. И Вера рассказала секретарю о своих сомнениях, о чувстве неуверенности в том, что она правильно выбрала профессию. Рассказала Вера и о том, как идут у нее дела сейчас.

— Да, положение у вас противоречивое. — В глазах его блеснули и сразу же погасли лукавые искорки.

Немного помолчали.

— Думаю, что чувство неудовлетворенности скоро пройдет. Да оно и сейчас уже проходит. Правда?

— Да, проходит, — согласилась Вера и рассказала о своем увлечении политической экономией и торговой статистикой.

— Вот видите, — обрадовался Александр Николаевич. — Я же вам говорю! На опыте проверено, что любое дело, если за него взяться с душой, приносит радость.

«Где же я слыхала эти слова? — думала Вера, выходя из парткома. — Да ведь это же тогда говорил Володя Сотников! Значит... Значит, и он был здесь, в парткоме? Тоже колебался? Ну, тогда, Володя, я тебе задам!»

В тот же день Соколов пригласил к себе Худолеева и Сотникова.

— Вам, товарищи, надо крепко помочь Волошиной, — говорил секретарь. — Сами понимаете, что ей сейчас трудно. Пришлось оставить институт физкультуры. В душе девушки идет ломка, и ей нужно помочь скорее стать: на ноги. Втяните ее в общественную работу, дайте ей интересное, беспокойное дело...

А ТЫ ГОТОВ?

Казалось, что совсем недавно было это: и решение снова ехать учиться в Москву, и встреча с друзьями на Казанском вокзале, и вступительные экзамены на первый курс торгово-экономического факультета.

А ведь с тех пор уже прошли целый семестр, первая экзаменационная сессия и даже две недели зимних каникул, которые девушки провели в Завидово, у родных Нины Цалит. И снова, сменяя друг друга, стремительно бегут дни за днями.

Кемеровцы, или, как их называли однокурсники, «наши сибиряки», быстро освоились с новой жизнью и с первых же дней учебы в институте с головой ушли в общественную работу.

Володю Сотникова на комсомольском собрании избрали секретарем бюро ВЛКСМ.

Располагали к себе скромность Володи, умение со всеми держаться просто, сердечно. Он много читал, особенно книги по истории и теории военного искусства, хорошо

рисовал, мастерски играл на гитаре, любил и хорошо знал музыку.

В Володе удивительно сочетались спокойствие, добродушие, обычно свойственные сильным людям, с неукротимой энергией и горячей юношеской взволнованностью. Таким он был в институте и позднее на фронте, где сражался почти до конца войны. Майор Владимир Сотников погиб зимой 1945 года в боях за Будапешт. Вася Худолеев несколько отличался от своего друга. Это был высокий стройный юноша с шапкой вьющихся темных волос, с веселым, задорным блеском глаз. Его, как и Володю, сразу же избрали в комсомольский актив. Васин горячий темперамент, беспокойное стремление сделать комсомольскую жизнь живее, интереснее увлекали друзей, и у него всегда было много добровольных помощников, которые с энтузиазмом проводили соревнования, выпускали стенгазеты и «молнии», готовили спектакли. И еще одно качество было у Васи — он как-то особенно хорошо знал жизнь своих товарищей: как они учатся, чем увлекаются, и умел дать дельный совет, вовремя помочь, поддержать, а если надо, то и одернуть.

Сложнее было отношение однокурсников к Вере. Жизнерадостная, красивая сибирячка нравилась многим ее товарищам. Но девушка как будто ничего не замечала и со всеми держалась одинаково просто, сердечно. Наиболее настойчивым своим поклонникам Вера давала понять, что им следует оставить ее в покое. И делалось это обычно с подкупающей простотой и искренностью. Но Вера иногда могла быть резкой, беспощадной. Ее голубые, светившиеся дружелюбием глаза могли быть холодно-колючими, а голос, звонкий и веселый, суровым и негодующим.

Вера неутомимо стремилась к знаниям, ей хотелось все прочитать, увидеть, понять. С завидной последовательностью знакомилась она с достопримечательностями Москвы, изучала историю искусства, историю средних веков и древнегреческую философию. Ее полка на этажерке всегда была полна самых разнообразных книг и журналов. Книги были в тумбочке, в чемодане и даже под матрасом.

— Зачем тебе все это? — недоумевали подруги, видя, что Вера с увлечением читает много книг, которые не имели никакого отношения к ее будущей профессии экономиста.

— Как зачем? — удивлялась Вера. — Ведь мне хочется все знать! Вот я прочла книгу о Циолковском. Какой это замечательный человек! Представьте, он мечтал о том, что скоро к Луне, на Марс и другие планеты полетят люди! И он не только мечтал об этом...

И Вера восторженно стала рассказывать о выдающихся открытиях ученого, о космических кораблях будущего, о полетах к далеким звездам...

Незабываемыми были годы учебы Веры Волошиной и ее друзей в кооперативном институте.

Это были годы героических дел и свершений нашего народа. У всех еще была свежа в

памяти волнующая эпопея спасения челюскинцев советскими летчиками Водопьяновым, Дорониным, Каманиным, Леваневским, Ляпидевским, Молоковым, Слепневым — первыми Героями Советского Союза. А потом — легендарный дрейф во льдах Ледовитого океана четверки папанинцев, перелет через Северный полюс в Америку двух советских самолетов, пилотируемых экипажами Чкалова, Байдукова, Беякова и Громова, Данилина, Юмашева.

А сколько радости, тревог и волнений пережили Вера Волошина и ее друзья во время полета на самолете «Родина» советских летчиц Марины Расковой, Валентины Гризодубовой и Полины Осипенко! Тогда по-настоящему и окрепло решение Веры во что бы то ни стало поступить в аэроклуб, научиться водить самолет, прыгать с парашютом. И она добилась своего. В сентябре 1940 года ее зачислили курсантом Московского аэроклуба имени Чкалова.

Тысячи дорог ждали наших юношей и девушек. По призыву Валентины Хетагуровой, жены офицера-дальневосточника, советские девушки-патриотки ехали на восток, где со сказочной быстротой вырастали заводы, фабрики, электростанции, новые города. Вскоре Вера Волошина и ее друзья-кемеровцы стали на курсе кем-то вроде главных консультантов по «восточным делам» — студенты расспрашивали их о Сибири, этом далеком и манящем крае. И многие, в том числе Марина Сони́на, Валя Пичкур и Нина Цалит, уже на первом курсе решили, что они, закончив институт, обязательно уедут работать в Сибирь. Так было решено еще на первом курсе: всегда быть вместе, вчетвером...

А за рубежом в это время все ярче и ярче разгоралось зарево военных пожаров, бушевавших в Китае, Абиссинии, Испании, Польше, Франции. Война все ближе подходила к нашим границам.

События международной жизни глубоко волновали студентов, неизменно были главной темой их споров. Вера пыталась разобраться во всем, что происходило в мире. Тревога закрадывалась в сердце. «А что, если начнется война?» — думала Вера.

Она стала изучать военное дело. Записалась в стрелковый кружок и вскоре хорошо знала винтовку, станковый пулемет, револьвер. Во время летних каникул выучилась водить мотоцикл.

— Все это, девушки, может пригодиться, — говорила Вера подругам. — Мы должны ко всему быть готовы.

Однажды после занятий вся группа отправилась смотреть новую кинокартину «Человек с ружьем». Как обычно, показывали киножурнал. Это была иностранная кинохроника. Вступление фашистских войск в Париж...

Домой шли молча. Почему-то не хотелось говорить. Каждый переживал только что увиденное на экране.

Первой молчание нарушила Вера.

— Скажи, комсомольский секретарь, — обратилась она к Худолееву, — что ты будешь делать, если начнется война?

— Как что? — удивился Вася. — Уйду на фронт!

— На фронт? — переспросила Вера. — А стрелять ты умеешь, вояка? Это тебе не собрания проводить. По этой части ты у нас мастер.

— Я в кружке занимаюсь, — немного растерявшись, проговорил Худолеев. — Мы там винтовку изучаем.

— Вот утешил! — голос Веры стал непривычно злым; насмешливым. — Значит, с одной винтовкой думаешь воевать? Какой герой!

Друзья с интересом слушали, стараясь понять, к чему клонит Вера.

— Сейчас, Вася, мало знать винтовку, — задумчиво продолжала Вера. — Сам только что видел их в кино. Надо хорошо владеть и другими видами оружия, уметь водить мотоцикл, автомашину, прыгать с парашютом. Без этого сейчас нельзя.

— Ты, конечно, права, Вера, — согласился Худолеев и как-то по-новому, пристальней взглянул на шедшую с ним девушку, словно он только сейчас разглядел в ней что-то такое, чего раньше не замечал.

— А что, если собрать комсомольцев, — предложила Нина Цалит. — И пусть Вера выступит и скажет все, о чем только что говорила. Ведь она очень права. Надо сейчас готовиться к войне, тогда поздно будет...

А через несколько дней в актовом зале института шло открытое комсомольское собрание с повесткой: «Защита Отечества — священный долг каждого гражданина СССР».

С докладом на собрании выступила Вера Волошина...

Летом на каникулы Вера уезжала домой, в родной город. Сколько радости было у Клавдии Лукьяновны, когда ее повзрослевшая, возмужавшая Веруська входила с чемоданом в руке в маленькую комнату на Индустриальной улице!

Мать радовалась каждому приезду дочери и еще задолго начинала готовиться к нему. Иногда ей казалось, что Вера за эти годы стала как-то сдержаннее, спокойнее. Это и радовало и тревожило сердце матери. «Может быть, она отвыкла от нас, стариков, и ей здесь скучно?» — с тревогой думала Клавдия Лукьяновна. Но, встретившись с ласковым взглядом дочери (словно та догадывалась о тревоге матери), Клавдия Лукьяновна успокаивалась: «Нет, она такая же, как и раньше. Серьезнее только».

Каждое утро к Вере приходили школьные друзья, и они отправлялись купаться на Томь или же на стадион, где их школьный учитель физкультуры Николай Ступников теперь работал старшим тренером. И как в давние школьные годы, разбившись на команды, играли в волейбол, выступали на городских соревнованиях по легкой атлетике.

...Как быстро летит время! Казалось, что совсем недавно, забившись в угол, ее Веруська играла подолгу в детские, одной ей понятные игры. Хорошо помнит Клавдия

Лукьяновна и тот день, когда Верочка впервые пошла в школу. За повседневными заботами как-то незаметно шли годы. На лице пролегли первые морщины, в волосах заблестели седые пряди, а ее девочка выросла и стала высокой стройной девушкой. — Мама, ты меня не жди, ложись спать, — говорила теперь Вера, уходя вечером из дому. И Клавдия Лукьяновна ни о чем ее не спрашивала. Зачем спрашивать? Разве она не видит, как радостно светятся глаза дочери, когда она перед зеркалом надевает свое новое платье? А Юрий Двужильный, как и в школьные годы, почему-то стесняется заходить в дом и все так же стоит за углом соседнего дома, терпеливо поджидая Веру. «Эх ты, мальчишка!» — с ласковой укоризной думает Клавдия Лукьяновна, заметив в окно его ладную, в военном кителе, фигуру.

Юрий учился в Ленинграде, в институте инженеров Гражданского воздушного флота. А когда началась война с белофиннами, он добровольно вступил в лыжный батальон и ушел на фронт. С каким волнением ждала Вера его коротких писем со штампом полевой почты! Иногда, очевидно написанные в перерывах между боями, письма, становились длиннее, и Юрий в них рассказывал о своем солдатском житье-бытье. Но чаще всего вспоминал родной город, друзей, школу... О том, что каждый день думает о ней, как бережно хранит фотокарточку, которую Вера подарила ему на выпускном вечере, Юрий почему-то не писал.

Когда Вера впервые увидела на груди у Юрия орден Красного Знамени, она тихо спросила, словно не веря своим глазам:

— Ты правда воевал, Юра?

И, понимая, что задает наивный вопрос, как бы оправдываясь, добавила:

— Я все время думала о тебе, но никак не могла представить, что ты на войне, что тебя могут убить...

Вечер. Приглушенная расстоянием, доносится из сада музыка. С реки тянет прохладой. В небе загораются первые звезды.

Они идут вдоль набережной реки, совсем рядом Вера чувствует плечо Юрия. Немного повернув голову, вглядывается в его лицо, стараясь угадать, о чем он думает.

— Скажи, Юра, война будет обязательно?

— Странная ты, Вера! Ведь тебе же самой не раз приходилось отвечать на такие вопросы, и ты сама хорошо все знаешь...

Но Вере непременно хочется знать, что об этом думает Юрий.

— Мне кажется, — задумчиво говорит юноша, — что война будет. Не знаю, когда точно, но будет обязательно.

— А как же пакт о ненападении? Ведь они же сами нам предложили.

— Это только на время. Фашисты не успокоятся. Вот увидишь. Там, в Финляндии, я видел их пулеметы, танки, пушки... Нет, Франции им мало. Рано или поздно, но они начнут.

— Ну и пусть! — В голосе девушки слышалось раздражение, решимость. — Пусть тронут, гады! Это им не Франция...

Немного успокоившись, уже тише Вера сказала:

— Если начнется война, я обязательно уйду на фронт...

Странно устроены люди! Зачем им сейчас думать о войне, когда так хорошо вокруг в этот прекрасный вечер... Ведь скоро они снова расстанутся, а Юрий так и не решается сказать ей о самом главном, о чем так хотелось написать с фронта. А ведь там, в Финляндии, он так много думал о Вере, и сердце юноши наполнялось радостью, счастьем. Ведь это так хорошо, когда на белом свете у тебя есть человек, самый дорогой и близкий, которому хочется рассказать сокровенное. А по ночам, надев маскировочный халат, он уходил в разведку, оставив старшине роты документы, недописанные письма и фотографию Веры. Уходя на задание, разведчики оставляют все.

И вот теперь они идут рядом, почему-то говорят о войне, а не о самом главном...

Все получилось очень просто и не так, как думал Юра, как представляла себе Вера. До конца каникул оставалось всего лишь несколько дней. Однажды, провожая Веру домой, Юрий сказал:

— Вот скоро мы уедем. На целый год. Мне трудно будет, Вера. Правда! Давай с тобой поженимся... — И, словно боясь, что чем-то обидел девушку, добавил: — Я очень много думаю о тебе, Вера. Понимаешь? Мы с тобой должны быть всегда вместе.

Как не похоже это объяснение в любви на те, о которых Вера столько читала в книгах. Она шла молча, опустив голову, а сердце радостно стучало.

— Я... я, Юра, — волнуясь, начала Вера, — я тоже много о тебе думала...

Она запнулась, словно не решаясь сказать, но потом, подняв голову, решительно продолжала:

— Я тоже не могу без тебя. Понимаешь? Но я почему-то думала, что все будет по-другому, не так сразу. Ведь через неделю мы уезжаем... Может быть, потом, когда закончим? Всего год остался. Хорошо?

...В этот вечер долго бродили они по опустевшим улицам города, мечтали, пытались представить, что будет через год, когда они закончат учебу и уедут вместе далеко-далеко...

В день отъезда Веру и Юрия провожали родные, друзья. Чтобы скрасить минуты расставания, шутили, вспоминали забавные истории.

Но вот паровоз дал прощальный гудок, и поезд стал медленно отходить от перрона. Юрий, Вера, оба улыбающиеся, счастливые, стояли на подножке вагона махали на прощание руками.

Таковыми и запомнила их Клавдия Лукьяновна на всю жизнь...

ТАК НАЧИНАЛАСЬ ВОЙНА

Сдав летом 1941 года экзамены за третий курс, Вера Волошина и Нина Цалит уехали в Загорск на производственную практику. Работали они теперь в райпотребсоюзе: Нина — в бухгалтерии, Вера — в плановом отделе.

С первого же дня их зачислили в штат, выделили от дельные участки работы, за которые они теперь полностью отвечали.

Вначале было страшновато: а что, если не получится. Ведь это же их первая в жизни самостоятельная работа за которую они даже будут получать зарплату!

Вере поручили составление квартального отчета выполнении плана товарооборота. Нужно было не просто собрать воедино сводки, различные цифры, но проанализировать их, выяснить, почему отдельные товары залежались на складах, почему некоторые магазины не выполняют плана. Во всем нужно было разобраться, сделать свои выводы и дать предложения.

Каждый день, уходя с работы, Вера, несмотря на усталость, чувствовала глубокое удовлетворение. Понимая, что ее работа нужна людям, она смогла разобраться в сложных вопросах торговли, увидеть, понять многие закономерности, о которых раньше только читала в учебниках или узнавала на лекциях и семи-нарахах.

Часто Вера задерживалась после работы. Ведь нельзя же оставлять на завтра то, что нужно сделать сегодня! А то один день набегит на другой, и пойдет такая неразбериха...

Со всеми вопросами Вера обращалась к Ивану Петровичу Самокатову, начальнику отдела. Это был высокий седой человек, с лицом, изрезанным глубокими морщинами. Еще до революции он закончил Московское коммерческое училище, был одним из участников подпольной большевистской организации в Замоскворечье, воевал на фронтах гражданской войны, а в 1922 году был направлен на работу в торговлю. Тогда, в период ожесточенной борьбы с нэпманами, это был самый ответственный участок работы.

Влюбленный в свое дело, Иван Петрович с радостью передавал свои знания, опыт вот этой молоденькой упрямой девушке, которой обязательно хочется разобраться во всем. «Эта девушка станет хорошим экономистом», — думал Иван Петрович, наблюдая за работой Веры. Однако, как и многие старые люди, скрывал свои чувства и был к ней особенно строг. Но Вера быстро поняла, что ворчливый, сердитый начальник планового отдела на самом деле очень добрый человек. Со свойственным ей тактом девушка старалась не показать, что она разгадала слабость Ивана Петровича, и поэтому работала особенно старательно. Зато было очень радостно, сдавая работу,

видеть, как из-под сердито нахмуренных бровей начальника одобрительно светились глаза.

Иван Петрович вышел из кабинета и увидел, что в опустевшей комнате, склонившись над столом, сидит эта упрямая девушка. Она что-то старательно стирала резинкой в отчете, а по нахмуренному лицу можно было догадаться: опять не сошлось!

— Разрешите, Иван Петрович, я еще немного поработаю, — попросила Вера, видя, что брови начальника недовольно сдвинулись. — У меня что-то никак не сходится одна цифра.

— Не получается, говорите? А ну, покажите...

И вот уже две головы склонились над столом. Наконец ошибку нашли, и теперь в отчете все в порядке.

— Идите отдыхать, Вера, и чтобы больше не задерживались на работе. Понятно? Ведь какое чудное лето!

А лето действительно было чудесное. Стояли теплые, солнечные дни. Только к вечеру в синем, бездонном небе появлялись два-три белых облачка. С окрестных полей, где колосилась рожь и цвела гречиха, по вечерам ветер доносил тонкий медовый запах. За городом протекала речка, а чуть дальше начинался лес. Каждое воскресенье Вера и Нина с Валею и Мариной, которые приезжали к ним вечером в субботу, отправлялись на целый день за город. Но сегодня они нарушили свое обычное правило. Вера уговорила подруг сходить вместе в музей Троице-Сергиевой лавры. Сама она уже была там несколько раз.

22 июня. Солнечное безоблачное утро. Легкий ветерок шелестит в вершинах столетних лип. Навстречу девушкам в одиночку и целыми семьями идут горожане. Ведь так хорошо летний день провести в лесу, на берегу; реки!

— Чудная ты, Вера, — с недоумением глядя на подругу, говорит Нина. — Люди за город идут отдыхать, а ты нас тащишь в монастырь.

— А тебе, Нина, давно туда надо, — пошутила Вера.

Когда проходили мимо универмага, Вера вдруг предложила:

— Давайте, девочки, зайдем в магазин. Я там такое платье видела...

Белое шелковое платье, которое примерила Вера, всем понравилось.

— Да ты как невеста в нем, — восхищенно сказала Валя. — Жаль, что до стипендии далеко...

И она вопросительно посмотрела на Нину — кассира.

— Сколько стоит это платье? — спросила Нина у молоденькой продавщицы. — Двести пятьдесят? Хорошо, мы берем его.

— Что ты, Нина, ведь это так дорого! — запротестовала Вера. — Где мы столько денег достанем?

— У нас, Вера Волошина, — с шутливой серьезностью ответила Нина, — все есть. Не

первый год в кассирах ходим.

Не слушая возражений Веры, Нина взяла аккуратно завернутую попку и торжественно вручила подруге.

— Это тебе от нас всех подарок. Ведь ты же вправду у нас невеста. А насчет денег не беспокойся. Каждый месяц в кассе у нас всегда что-либо остается, и я собираю деньги на подарки всей нашей коммуне. А ты у нас первая.

Стараясь скрыть охватившее ее волнение, Вера пошутила:

— А я, признаться, Нина, думала, что твоей бухгалтерской душе чужды высокие порывы...

— И ты поэтому меня в монастырь решила упрятать, — в тон ей, улыбаясь, ответила Нина.

И вот наконец музей Троице-Сергиевой лавры. Тихо переговариваясь, бродили девушки по залам, восхищаясь удивительными творениями русских мастеров, подолгу останавливались у замечательных работ Андрея Рублева, скульптур Антокольского, рассматривали пожелтевшие от времени книги, памятники далеких столетий.

И в этой торжественной тишине как-то нелепо прозвучало короткое тревожное слово «война». Это крикнул вбежавший в зал сотрудник музея.

Не хотелось верить. До сознания никак не доходил весь страшный смысл этого слова. Ведь только сейчас, лишь несколько мгновений назад, все было спокойно, вокруг царил мирная тишина. «Неужели началось?» — билась тревожная мысль. На мгновение в памяти всплыли кадры иностранной кинохроники: разрушенные фашистскими бомбами кварталы Мадрида, Валенсии Бильбао, самолеты с черными крестами над Нарвиком, Лондоном, Парижем, пылающие польские города и села, бесконечные потоки беженцев на дорогах Франции...

На улице у больших черных репродукторов стоял хмурые люди. Каждый из них думал и о себе, и о судьбе сотен тысяч людей, и о судьбе Родины, и все, что ещё вчера, даже сегодня утром, казалось таким важным — их жизни, как-то сразу поблёкло, отошло на задний план. Теперь всех волновал лишь один, самый важный вопрос: как там сейчас, на границе?

С первым же поездом подруги уехали в институт. Ведь шла война, и нужно было быть всем вместе!

Как неузнаваемо изменилась Москва за эти несколько часов войны! Слово ветром сдуло с лица города его жизнерадостную улыбку. Он стал строже, суровее собраннее. На стенах домов, на заборах появились первые военные приказы, плакаты, призывающие население города к спокойствию, организованности, революционной бдительности. Еще не просохла на фасадах домов черная краска, которой были нарисованы стрелы и написаны такие непривычные слова: «бомбоубежище», «газоубежище». На сквере у Большого театра артиллеристы устанавливали зенитные

пушки, пулеметы, и вообще в городе появилось очень много военных, словно за эти несколько часов половина москвичей надела военную форму. А в институте кипела работа. Учебный корпус и общежитие переоборудовались под военный госпиталь, а для студентов были отведены две соседние школы. До позднего вечера студенты перевозили имущество, свои нехитрые пожитки и устраивались на новом, месте. Но все теперь казалось таким ненадежным. Разве можно думать о лекциях, семинарах, лабораторных занятиях, если на границе идут бои! Каждому хотелось непременно уйти на фронт, на защиту Родины. Но оказалось, что нужно подчиняться строгому военному порядку, требовавшему, чтобы каждый оставался на своем месте. Как и в мирное время, работали фабрики и заводы, строились новые дома, прокладывались тоннели второй очереди метро. А Вера с Ниной снова должны были уехать в Загорск на практику. Этого требовала дисциплина... На запад один за другим уходили эшелоны с войсками и боевой техникой. В коротких сводках Совинформбюро, которые передавались дважды в день, сообщалось о тяжелых оборонительных боях. Уже прошли на восток первые эшелоны с беженцами, платформы с оборудованием эвакуированных предприятий Минска, Бобруйска, Могилева... Чувствовалось, что с каждым днем война принимает все более ожесточенный характер и она будет не такой короткой, как это раньше казалось. Мужественно и сурово звучали первые песни Отечественной войны. Они звали советских людей на борьбу с врагом. Их пели красноармейцы, уезжавшие на фронт, ополченцы, маршировавшие по улицам города, юноши и девушки, отправлявшиеся на строительство оборонительных сооружений. Вере особенно запала в душу песня, созданная поэтом Лебедевым-Кумачом, которую она услышала уже на второй день войны:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!
Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, — .
Идет война народная,
Священная война!

Как всегда бывало в трудное время, партия обратилась к советским людям с горячим призывом теснее сплотить свои ряды, встать, как один, на защиту своего Отечества. Вера решила, что она непременно станет партизанкой, будет сражаться в тылу врага. Она узнала, что в ЦК комсомола уже начался набор добровольцев, через несколько

дней ее с группой студентов отправили на строительство оборонительных сооружений прифронтовой полосе.

Раннее утро. Солнце где-то далеко за лесом, но его первые лучи уже позолотили края облаков.

На лесной опушке палаточный городок. Можно подумать, что это туристы остановились здесь на ночевку как в доброе довоенное время. Но почему тогда у этого юноши, что идет между палаток, винтовка? Здесь же, у одной из палаток, лежат лопаты, кирки, ломы. Поодаль дымит полевая кухня. А через все поле, упираясь одним концом в край леса, извиваясь, тянется длинный противотанковый ров. Земля, выброшенная по обе стороны рва еще не просохла.

Но вот из палатки вышла девушка и, взглянув на часы, что-то сказала часовому. Раздается звонкая, требовательная команда «Подъем!», и сразу же тихая лесная опушка оживает.

После завтрака юноши и девушки разбирали лопаты, кирки, ломы и уходили на работу. Хорошо, если попадался песчаный грунт. А если глина, смешанная с мелкими камнями, как это было под Дорогобужем? Словом за эти два месяца Вера в совершенстве постигла профессию землекопа и теперь хорошо знала, какая земля в Витебской, Смоленской, Орловской областях. Без слов об этом говорили ее руки, покрытые сухими мозолями

Работать было трудно. Часто приходилось рыть траншеи стоя по колено в воде. К вечеру все так уставали что порой казалось: нет уже сил, чтобы выбросить ещё одну лопату земли со дна глубокого рва. Но это только казалось. Откуда-то бралась сила, и они работали до темна. А утром снова раздавалась команда «Подъем!», и начинался новый трудовой день.

Как-то постепенно сложился твердый порядок дня, наладился лагерный быт студентов. Выработались и нормы поведения. Обычно ребята и девушки, что покрепче, работали на дне окопа, где было особенно трудно. Те, кто были послабее, отбрасывали землю, делали насыпи, брустверы, маскировали их.

Но такое разделение труда было условным. Ведь каждый уважающий себя юноша считал своим долгом работать там, где было труднее. Поэтому без особой дискуссии вскоре установилась очередь для работы внизу. Лодырей не было. Каждый старался сделать все, что мог. Ведь орудийная канонада доносилась все ближе и ближе. Когда над полем, где работали студенты, впервые показался немецкий самолет, никто не думал прятаться. Сама мысль, что надо на своей земле прятаться от кого-то, казалась нелепой, унижительной.

Самолет — очевидно, это был разведчик — покругился и, развернувшись, скрылся за лесом. Примерно через час над полем появились три немецких самолета и сбросили несколько бомб, осколки которых тяжело ранили двух студентов.

Так постепенно входила война в сознание этих никогда не воевавших молодых людей. Тяжелая работа, многокилометровые переходы на новое место, налеты вражеской авиации, горящие города и села, бесконечные потоки беженцев на пыльных, разбитых дорогах Смоленщины — все это сделало строже, суровее молодые обожженные солнцем лица студентов. И может быть, здесь в их глазах впервые сверкнула настоящая ненависть к врагу.

...Упрямо стиснув зубы, шла Вера вместе с товарищами на восток. Лицо ее осунулось. Но она оставалась бодрой, жизнерадостной, рассказывала друзьям смешные истории, часто подходила к кому-либо из уставших друзей, молча брала вещевой мешок и, взвалив на плечи, шла рядом.

— Ну как, Нина, везет тебя твой «топтобус»? — улыбаясь, спрашивала у подруги. — Эх, хорошо бы сюда трамвай, нашу дорогую «аннушку»! Правда? Вася, конечно, по старой привычке попытался бы проехать без билета, а Володя устроился бы на «колбасе»...

Однажды, это было уже недалеко от Вязьмы, Вера; предложила друзьям:

— Давайте напишем письмо бойцам, которые займут наши окопы. До каких же пор будет тянуться отступление?

В обеденный перерыв на большом дубовом пне они писали письмо красноармейцам: «Хватит, ребята, отступать. Дальше некуда. Ведь скоро уже Москва. Пусть этот окоп полного профиля и все другие сооружения которые мы оставляем вам, будут последним рубежом. Нам хочется, чтобы отсюда вы перешли в наступление и погнали фашистских гадов с нашей земли...»

Письмо подписали, вложили в коробку из-под чая оставили на бруствере только что вырытого окопа.

— Да, девочки, — спохватилась Нина Цалит, — давайте напишем наш адрес. Может быть, они нам ответят...

...Вот уже шестьдесят первая ночь спустилась над необычным палаточным городком. Давно уже спят друзья Веры, а она, склонившись у костра, что-то пишет в потрепанную записную книжку. Возможно, это коротенькое письмо домой, а может быть, просто запись о минувшем дне.

БЕРУ ЕЕ В РАЗВЕДКУ!

В первых числах сентября студентов старших курсов отозвали в институт продолжать учебу. Вот что писала Вера своим родным, вернувшись в Москву:

«Вы, наверное, очень беспокоились обо мне. Ничего страшного нет. Я ездила по специальному заданию, как и все комсомольцы Москвы. Мы строили укрепления. Теперь идешь по Москве и видишь плакат: «Что ты сделал для фронта?» И чувствуешь

удовлетворение — что-то сделала...»

Но линия фронта все ближе и ближе подходила к Москве. С болью читала Вера в газетах сообщения о том, что после упорных боев наши войска оставили Смоленск, Ржев, Вязьму... Теперь бои шли на дальних подступах к Москве.

В город все чаще и чаще приходили эшелоны с ранеными красноармейцами. Их размещали в зданиях школ, институтов, в общежитиях и клубах, переоборудованных наспех под военные госпитали. Для спасения жизни бойцов нужна была кровь, много крови. И Вера вместе с подругами стала донором.

«Вы не пугайтесь, — писала она домой, — организм ничего не потеряет, если отдаст 200 граммов крови. Эти капли, может быть, спасут человеческую жизнь, а она нам сейчас так дорога...»

Вера, как и прежде, настойчиво просилась на фронт. Она каждый день бывала в военкомате, в райкоме комсомола. Здесь ее уже хорошо знали и обещали помочь. Фронт все ближе и ближе подходил к Москве. 2 октября гитлеровцы начали генеральное наступление.

Вот в это грозное, тревожное время Вера узнала, что в ЦК комсомола работает комиссия, которая отбирает добровольцев на фронт. В тот же день с Ниной Цалит Вера поехала в ЦК комсомола. Марины и Вали не было в общежитии, они работали на одном из подмосковных военных заводов.

В просторных коридорах ЦК толпились взволнованные юноши и девушки. Они с нетерпением ждали своей очереди у двери кабинета, где работала комиссия. Каждого, кто выходил из кабинета, сразу же окружали тесным кольцом, забрасывали вопросами:

— Ну как, принят?

— О чем спрашивали?

— Кто там, в комиссии?

— Точь-в-точь как на экзаменах в институте, — пошутил кто-то.

Пожалуй, было излишним спрашивать у выходивших: приняли их или нет. Об этом красноречивее ело говорили их лица.

Вот только что из кабинета с улыбкой выше высокий темноволосый юноша в синем спортивном костюме.

— Приняли, ребята! Завтра велели с вещами приходиться на сборный пункт к кинотеатру «Колизей», — радостно сообщил он окружившим его друзьям.

Вере его лицо показалось знакомым. «Где же я видела этого парня? — думала она. — Да это же Макси Кравчук, тот самый сержант, с которым я ехала в Москву! Вот здорово!»

Максим тоже узнал Веру. Оба очень обрадовались неожиданной встрече, и каждый рассказал о себе и о том, что было в их жизни за эти годы. Максим поступил в университет, сейчас он на последнем курсе. Помнит и никогда не забудет разговор в

вагоне в августе 1937 года...

— Вы счастливый, — позавидовала Вера, — ведь завтра уже будете на сборном пункте. — И вас, Вера, обязательно примут, — успокаивал Максим девушку. — Не может быть, чтобы вас не приняли! Только держитесь там спокойнее, увереннее.

Наконец пришла очередь Веры и Нины. Первой пошла Нина. Уже у самой двери она попросила подругу:

— Ты, Вера, ругай меня покрепче. Хорошо? Как институте. Это мне всегда помогало на экзаменах...

Минут через десять, которые показались Вере целой вечностью, Нина выбежала из кабинета и бросилась на шею к подруге:

— Верка, приняли!

Немного успокоившись, Нина быстро заговорила, наставляя подругу:

— Главное, не волнуйся, отвечай на вопросы спокойно, уверенно, — напутствовала она Веру. — Ну, Вера, ни пуха ни пера!

Вера улыбнулась и тихо, по студенческой привычке, ответила:

— Иди к черту!

В просторном кабинете вокруг стола сидело несколько человек. Большинство из них было в военной форме.

— Садитесь, — пригласил Веру Шелепин, секретарь горкома комсомола, когда та, стараясь скрыть охватившее ее волнение, по-военному четко назвала свою фамилию, имя, институт, курс.

— Вы знаете, Волошина, на какое ответственное задание вас могут послать? — спросил ее молодой белокурый военный с орденом Красного Знамени на гимнастерке.

— Да, знаю, — твердо ответила Вера.

Ей задавали самые разнообразные вопросы: о том, как она училась в школе, институте, какими видами спорта увлекается, имеет ли спортивный разряд, умеет ли стрелять, как знает немецкий язык.

— Скажите, — спросил в заключение Шелепин, — почему вы решили идти на фронт? Ведь и в тылу вы можете оказать большую пользу.

— Я хочу сражаться против фашистов. Вот уже несколько лет готовилась к этому. Знала, что придется. — И девушка посмотрела на висевшую у стола большую карту, на которой синими и красными флажками была нанесена линия фронта.

Вера заметила, как потеплели глаза военных.

Когда за ней закрылась дверь, майор Спрогис, командир формируемой части, сказал:

— Молодец сибирячка! Такие не подведут. Беру ее в разведку...

Поздно вечером возвращались подруги в общежитие. Весь день они были заняты подготовкой к своей новой необычной жизни: оформляли документы, подгоняли снаряжение и даже прослушали лекцию о формах и методах диверсионной работы в

тылу врага. Отъезд был назначен на завтра, сбор у кинотеатра «Колизей» в два часа...

— А как же Валя, Марина? — волновалась Вера. Неужели уедем, не повидав их?

Но когда девушки подошли к общежитию, Нина радостно сказала:

— Смотри, в нашем окне сквозь щель маскировок пробивается свет! Значит, приехали!

— Да, приехали. Что же мы им теперь скажем? Как объясним все, что случилось? Ведь они обидятся.

— Ничего, Вера, я им все объясню. А потом пусть и они завтра идут в ЦК. Их тоже примут.

Валя и Марина действительно обиделись не на шутку, узнав о таком «предательстве».

— А еще подругами называются, — с дрожью в голосе проговорила Валя. В ее глазах были слезы. И первый раз за все эти годы в комнате наступила тягостная тишина.

— Вы, девочки, пожалуйста, не обижайтесь, — волнуясь, начала Вера. — Ведь мы не думали, что так все быстро получится. Пошли узнать, хотели потом вместе с вами, а получилось, что завтра уже надо уезжать.

— Девочки, давайте завтра же вместе поедem в ЦК, — предложила Нина. — Вас обязательно возьмут. Вот увидите!

— Но мы завтра не сможем, — ответила Марина. Нас почему-то вызвали в райком комсомола.

— В райком? Может быть, и вас берут? — спросила Вера.

— Не знаем, нам ничего не сказали. Велели быть к десяти утра.

В этот вечер девушки долго не ложились спать. Валя и Марина помогали подругам укладывать вещи. Не хотелось верить, что уже завтра Нины и Веры не будет здесь, в этой комнате. Вспомнилось все, что было связано с институтом, и как-то получалось, что память сохранила все самое светлое, радостное. А там, впереди, была зовущая и вместе с тем немного пугающая неизвестность. Ведь идет война, а девушки теперь знали о ней не только по книгам и кинофильмам.

— Когда мы встретимся после войны, — мечтательно проговорила Вера, — то снова будем жить вместе, в одной комнате.

— А Нина, как и прежде, будет у нас главным бухгалтером, — в тон ей продолжила Валя, — и Марина снова будет ругаться с ней из-за денег на петрушку и лавровый лист... А тебя, Вера, мы всей коммуной отдадим замуж, и наденешь ты на свадьбу то самое белое платье, что мы купили тебе в Загорске в первый день войны...

Утро. Давно уложены вещи в два больших рюкзака. Девушки, уставшие от бессонной ночи, не раздеваясь, прилегли немного отдохнуть, поставив будильник на девять часов...

Но их разбудил громкий стук в дверь. Гремя сапогами, в комнату вошли ребята-однокурсники.

— Ну, девушки, не поминайте лихом, — сказал Вася Худолеев, — придется нам с вами

расстаться, сердешные.

— Куда же вы собрались? — словно не догадываясь, спросила Нина.

— Как куда? Завтра уезжаем на фронт! — гордо сказал Дима Жданов, обычно застенчивый, скромный юноша. Он жил в одной комнате с Володей и Васей.

— На фронт, говорите? Вот удивили! — рассмеялась Марина. — А мы сегодня провожаем Веру и Нину. Через несколько дней и мы с Валею тоже уедем. И не шумим не бахвалимся на все общежитие, как некоторые.

Увидев, что ребята растерялись от неожиданности девушки рассмеялись.

— Это правда, Вера? — спросил Худолеев, но, взглянув на вещевые мешки, смущенно закончил: — Ну, тогда другое дело...

— А знаете, что я придумал? — заговорщически сказал он. — У меня созрела гениальная идея!

— Уже созрела? Тогда выкладывай.

— Вы когда, Вера, уезжаете? В два часа? Все ясно. В одиннадцать часов всем быть у ресторана «Спорт». Вопросы есть? Возражения? Принимается единогласно.

И вот в маленьком, уютном ресторане, где обычно студенты отмечали выдающиеся события в своей жизни или просто после стипендии заходили выпить по кружке пива, сидели будущие солдаты. Каждому хочется запомнить эти минуты навсегда, каждый отбрасывает от себя мысль, что кто-либо из друзей не вернется с войны. Кто может не вернуться? Ведь все они хотят жить, работать, учиться, все они мечтают о счастье.

— Давайте, друзья, — сказал, вставая во весь свой огромный рост, Володя Сотников, — выпьем за нашу победу над врагом, за то, чтобы все мы после войны встретились здесь же, за этим столом...

Четыре года спустя юноши и девушки в солдатских шинелях снова собрались в ресторане «Спорт». Как и тогда, были сдвинуты столы и по бокалам разлито красное вино. На том месте, где сидели 14 октября 1941 года Вера Волошина и Володя Сотников, тоже стояли приборы и в бокалах искрилось вино. Казалось, что они немного опаздывают и вот-вот войдут в распахнутую дверь...

Молча встали друзья и выпили, как было условлено четыре года назад, за нашу победу над врагом и за светлую память о тех, кто не вернулся с войны...

ЗАЧЕТКА, ЗАЛИТАЯ КРОВЬЮ

Володя Сотников, как и его друзья, с первых дней войны стремился на фронт. Однако ему, секретарю партийного комитета, удалось это сделать не сразу. Нужно было всю жизнь института переводить на военный лад, оперативно решать множество непривычных, самых неожиданных вопросов: помощь беженцам и раненым бойцам,

дежурства на крышах зданий, борьба с паникерами, эвакуация детей и ценного оборудования, организация работ на строительстве оборонительных сооружений... У секретаря партийного комитета хватало забот, он позарез нужен был здесь, в институте. Но Володя не мог оставаться в тылу — его друзья Вася Худолеев, Дима Жданов, Коля Моргулис, Вера Волошина, Нина Цалит ушли воевать, и он должен идти туда же. Было много споров и трудных минут в райкоме партии, военкомате, дважды его браковала медицинская комиссия — близорук, плохо зрение, но Володя все же добился своего, его зачислили в Военно-политическую академию имени В. И. Ленина, откуда была верная дорога на фронт. Правда, около год надо учиться, но это ничего, теперь он в армии, в академии занятия идут по ускоренной программе...

Осенью 1942 года Владимир Сотников закончил академию и получил направление на фронт. Воевал под Сталинградом, освобождал Украину, Донбасс, Молдавию, Румынию, Венгрию. В последнее время был помощником начальника политотдела 46-й армии по комсомольской работе. Майор Сотников погиб в бою под Будапештом 7 января 1945 года. Похоронили его в городе Кечкемет. На памятнике на двух языках — русском и венгерском — написано имя героя...

На фронте он не расставался со своей студенческой зачетной книжкой, в перерыве между боями доставал ее из кармана гимнастерки, перелистывал странички, где стояли отметки. Эта маленькая книжечка была для Володи той нитью, которая связывала его с далекой мирной жизнью.

И в последний его день партийный, комсомольский билеты и зачетная книжка лежали вместе, в нагрудном кармане гимнастерки. Осколок снаряда, что прошел их насквозь, пробил и сердце воина.

Прошли годы, и зачетка студента Владимира Сотникова вернулась в Московский кооперативный институт — туда, где он получил ее в далекие предвоенные годы. Пробитая осколком, залитая кровью, она хранится теперь в музее боевой славы института. Сквозь почерневшие пятна крови читаем записи о результатах последней весенней сессии: политическая экономия — «отлично», история народного хозяйства — «хорошо», основы марксизма-ленинизма — «отлично».

Да, Володя Сотников хорошо знал марксизм-ленинизм. Подтвердил это на войне, где самая высокая оценка человеческой доблести и верности долгу была поставлена в его зачетку кровью.

Мне удалось найти письма Володи, фотографии военных лет. На одном из снимков майор Сотников среди офицеров. Видимо, это его боевые товарищи. Кто они? Где живут сейчас? Хочется верить, что они прочтут эти строки, отзовутся, расскажут о том, как жил, сражался с врагами их комсомольский вожак.

Когда перечитываешь письма Володи родным, как-то особенно ясно представляешь, каким он был в жизни в студенческие годы, в военной академии, на фронте. В лишь

несколько отрывков из писем разных лет.

«Здравствуйте, дорогие папа и мама, — писал он в январе сорок первого года. — Шлю вам свой студенческий привет. Сегодня сдал последний экзамен — основы марксизма-ленинизма. «Отлично». Следующая сессия теперь будет в апреле, а затем и каникулы... В свободное время занимаюсь спортом, тренируюсь в секции штангистов. 29 января мы, спортсмены, будем выступать в Колонном зале на съезде потребительской кооперации Московской области. Видите, какая честь?»

В другом письме, в марте этого же года, он писал:

«Позавчера проходил районный комсомольский актив во дворце общества «Крылья Советов», где подводились итоги лыжного кросса. Наша комсомольская организация заняла первое место в районе».

А вот и первое письмо военной поры:

«Только три дня, как вернулся из-под Смоленска, где два с половиной месяца работал начальником района на особом строительстве в прифронтовой полосе. Несколько раз записывался добровольцем на фронт, но пока отказывают по разным причинам.

Говорят, должен закончить институт, но как тут сидеть за партой, когда все сражаются с врагом с оружием в руках?»

В одном из писем с фронта Володя писал своим родным:

«Я всегда вспоминаю нашу встречу в Москве и прощание на Красной площади. Может быть, это последняя наша встреча, но об этом я не думаю, ибо моя жизнь принадлежит народу и я в любой момент готов отдать ее за Родину...»

Примерно через год, в октябре 1943 года, он писал:

«Здравствуйте, мои дорогие! Можете поздравить своего сына с 24-летием, со званием капитана и награждением орденом Отечественной войны II степени... Бои идут жаркие, и много еще потребуется сил для окончательного разгрома врага, но в этом году, как никогда, близок час победы. Как мне хочется встретиться с вами, дорогие! Это будет самая счастливая минута в моей жизни. Ну а если придется не вернуться, то за своего сына вы не будете краснеть...»

А вот и последнее письмо Володи:

«Здравствуйте, дорогие папа и мама!

Шлю вам свой горячий боевой привет и наилучшие пожелания.

У меня все без изменений. Конечно, от вас я очень далеко, а путь до Берлина все больше и больше сокращается. Теперь уже близок день, когда наши полки пройдут по улицам Берлина победным маршем...

...Я работаю там же, дела идут хорошо. Сообщаю, что награжден третьим, орденом Отечественной войны. Если будет возможность, пришлю фотографию...

Папа, меня беспокоит молчание брата: от него я давно не получал писем. Ты пишешь, что ему трудно.

Конечно, жизнь солдата нелегка, но иначе солдат не будет солдатом, если он не пройдет эту суровую школу войны. Было бы хорошо, если бы он попал на мое направление, когда поедет на фронт...

У вас, наверно, уже снег. А здесь еще грязь и солнце нет-нет да и пригреет.

Европейский климат, но на Сибирь я его не променял бы!

Зная, что письма идут к вам долго, заранее поздравляю вас с Новым 1945 годом и желаю успеха в вашей работе по разгрому врага, чтобы этот год был годом Победы нашей встречи!»

Владимир Сотников не дожил до победы четыре месяца.

НА СТАНЦИИ ЖАВОРОНКИ

Вера Волошина, Нина Цалит и еще двадцать добровольцев прибыли на станцию Жаворонки вечером 14 октября. Это была одна из первых групп.

Их разместили в большом деревянном доме, где до войны находился детский сад одного из московских заводов. Здесь все напоминало о довоенном времени, о безмятежной жизни детворы. Выкрашенные белой краской детские кровати — и здесь же сколоченные наспех из неотесанных досок двухъярусные нары. Груды пестрых детских игрушек — и рядом ящики с гранатами, подсумки, противогазы, автоматные диски и коробки с лентами для станкового пулемета. Все смешалось и жило рядом одной жизнью: и далекий мир счастливого детства, и суровые будни солдат.

Занятия начались на следующий день с восьми утра. До позднего вечера, с небольшими перерывами на обед и ужин, комсомольцы изучали оружие, учились хорошо стрелять, минировать мосты и переправы, пользоваться компасом и картой, бесшумно двигаться в темноте, — словом, всему, чего требовала нелегкая служба разведчика.

Времени для подготовки к выполнению боевого задания было в обрез. Приходилось спешить: враг подошел совсем близко. Хорошо, что командир части майор Спрогис отбирал прежде всего спортсменов, значкистов «ГТО», «Ворошиловский стрелок».

Оружие они знали, и это значительно облегчало дело.

Занимаясь с разведчиками, Артур Карлович Спрогис передавал им свой боевой опыт, воспитывал в них находчивость, инициативу, умение быстро принять решение, найти выход из любого, казалось бы уже совсем безвыходного положения.

— Тяжело в ученье — легко в бою, — часто повторял майор слова Суворова. — А у нас, разведчиков, и в бою не бывает легко. Так что, товарищи, готовьтесь к трудным делам. Вечерами по установившейся традиции юноши и девушки собирались у костра во дворе базы. Здесь они ближе познакомились друг с другом и затаив дыхание слушали рассказы

разведчиков, уже побывавших «там».

Почти каждый вечер к костру подсаживался Никита Дорофеевич Дронов, комиссар части. За глаза разведчики называли его «батя». Юноши и девушки любили слушать его рассказы о годах революционного подполья, о встречах с В. И. Лениным, Я. М. Свердловым, М. В. Фрунзе, В. И. Чапаевым, о боях Красной Армии против Деникина, Колчака, Врангеля, о событиях недавних лет у озера Хасан, на Халхин-Голе, в Финляндии. Трепетное пламя костра освещало молодые взволнованные лица разведчиков, которым, быть может, уже завтра придется идти на свое первое в жизни боевое задание. И для некоторых оно, возможно, будет последним, как случится с восемью ребятами из группы Кости Пахомова, повешенными гитлеровцами в Волоколамске...

Тихо потрескивает угасающий костер. Уже перестало биться на ветру трепетное пламя, и только раскаленные угли еще светятся в темноте. Нетерпеливая ночь все ближе и ближе подбирается к огню.

...Тревожным тихим сном спит лагерь разведчиков. Лишь командир и комиссар еще не ложились. Склонившись над картой, освещенной неярким светом керосиновой лампы, они снова и снова уточняли маршруты, боевые задания группам, которым завтра предстояло уйти через линию фронта.

Нелегкое это дело провожать в самое пекло войны совсем еще юных, необстрелянных бойцов, а потом с тревогой ждать их возвращения на базу. Смогут ли они выполнить боевое задание? Удастся ли им благополучно перейти линию фронта и попасть к своим?

И Вере Волошиной не спится в эту ночь. Завтра и она уйдет на боевое задание. С Ниной Цалит придется расстаться: их зачислили в разные группы. Нину — в группу Герчика, а у Веры командиром будет Николай Смирнов, совсем еще молодой лейтенант. Очевидно, в часть попал сразу же после окончания училища...

Вера только что закончила письмо в институт, подругам. Ведь завтра она уже не сможет написать им...

«Милые Маринка и Валюта,- писала Вера.- Завтра у нас начинается новая жизнь. Вы долго не будете получать наших писем. Не сердитесь. Как только будет можно найти время, будем стараться писать. С Ниной мы будем не вместе, ну да так лучше. Когда встретимся, будет больше интересного... Вы, наверное, все же беспокоитесь о нас. Сильно не надо. Мы очень крепко вооружены. Если вы сейчас вооружены лопатой, то мы с Нинкой наганом, гранатой и еще кое-какими вещами. Нам выдали все обмундирование. Так что из нас получились brave ребята.

Где вы? Что делаете? Живите дружной. Ты, Валь, поменьше ворчи на Марину, и наоборот.

Нинка здесь такая же обжора, и все забывает. Забывает даже пароль.
Тебе, Маринка, есть мне кое-что сказать из личного. Понимаешь? Маме я написала письмо. Если вам будет не трудно, напишите что-нибудь, ей очень будет приятно. Я ей написала, что ей может кто-нибудь написать из моих подруг. Узнайте, где Таня, Лера, Маша, напишите, а Нинка не подумает даже узнать.
Крепко целую обеих. Вера. 20.X 1941 г.»

Письмо это мне прислала из Куйбышева Марина Ивановна Фадеева (Сонина). Многие годы она бережно хранила эту единственную весточку подруги с фронта...
Недавно Клавдия Лукьяновна Волошина передала мне еще несколько писем Веры, которые она получила в 1941 году.
Вот строки из этих писем:

«Мои дорогие!

Вы, наверное, давно от меня не получали писем, и мама ужасно волнуется, да? Мамуш, институт мне кончить не удалось, но я его кончу после войны. Я сейчас на фронте, мамочка. Только не волнуйтесь, ничего страшного нет, и потом, смерть бывает только один раз.

Мама, если дядю Володю (отчима Веры.- Г. Ф.) возьмут, Вы, пожалуйста, держите себя в руках.

Я видела Валентину Кравченко, она летает на санитарной машине, велела мне написать Марии Федоровне, но у меня все нет времени. В следующем письме напишу, пусть она будет спокойна.

Крепко целую.

Вера

«19.XI 1941 г.

«Я все еще отдыхаю. Дня через два пойду. Писем меня долго не будет, вы не беспокойтесь. Я сейчас очень поправилась, и есть надежды, что еще килограмма на четыре прибавлю.

У нас наступила настоящая зима. О валенках не беспокойтесь, я их получу, мне будет тепло здесь. Денег не высылайте.

Мамочка, вы меньше обо мне думайте, заботьтесь о дяде Володе, себе, бабушке. Как у вас с продуктами? Как вы живете? Пишите мне чаще. Не беспокойтесь.

Крепко целую всех.

Вера».

«Мои милые!

У вас, наверное, наступили морозы. У нас тоже холода но, я сейчас отдыхаю. Вам

послала две телеграммы. Вы их получили? Скоро от меня опять не будет писем, вы не беспокойтесь. Приду, сразу же напишу.

Дядя Володя, да и вы, Мамуш, наверное, работаете день и ночь. Сейчас иначе нельзя, но вы все же берегите себя. В часы отдыха отдыхайте как следует.

Как бабушка? Наверное, опять оплакивает меня? Я ее крепко-крепко целую. Да и вы, Мамуш, частенько слезы пускаете, я уже знаю. Учитесь обе у дяди Володи.

Я здорова, чувствую себя замечательно. Одно плохо — наступают холода. В сапогах будет не очень-то тепло.

Мамочка, деньги мне не высылайте. Когда у меня их не будет, я вам pošлю телеграмму. Я получила, что- вы мне посылали, мне их хватит надолго. Покупать нечего.

Вы мне пишите чаще, я буду приезжать и получать от вас целую кучу писем, знаете, как приятно.

Адрес на конверте.

Пишите.

Крепко целую.

Вера».

«Мои милые!

Я жива-здорова, пожалуйста, будьте спокойны. Денег не высылайте.

Я вернулась с первого задания из тыла противника, теперь неделю отдыхаю. Сегодня посылаю вам телеграмму.

Мамочка, если можно где-нибудь достать валенки, рукавички (те у меня порвались), если не трудно, pošлите, а то мне будет очень холодно в наших необъятных лесах.

Если от кого получите письмо — отвечайте, я всем дала ваш адрес.

В Москве все спокойно, она крепко охраняется, я сегодня туда поеду.

Мамочка, пожалуйста, поменьше думайте обо мне, со мной ничего не случится, я же родилась в рубашке, буду жить сто лет.

Как дядя Володя?

Пишите мне быстрее, чтобы я пришла следующий раз и нашла ваше письмо.

Целую крепко.

Вера».

Вот, пожалуй, и все, что написала Вера Волошина с войны...

РАЗВЕДЧИК

В группе, в составе которой 21 октября Вера уходила на боевое задание, было девять девушек, студенток московских вузов, и четверо юношей из Ярославля.

...Натруженно урча, вот уже который час пробирается ЗИС-5 по размытой осенними дождями фронтовой дороге. Не раз разведчикам приходилось вылезать и кузова автомашины и вытаскивать ее из грязи. Наконец к вечеру прибыли на место. Линия фронта проходил восточнее Калинина, занятого немецкими войсками, по заболоченной равнине, поросшей кустарником. А дальше на западе, темнела громада леса. Командование части, на участке которой разведчикам предстояло перейти линию фронта, радушно встретило комсомольцев. Им отвели землянку, где можно было высушить промокшую одежду, накормили горячим обедом. Для прохода через боевые порядки фашистских войск была выделена группа разведчиков полка. С наступлением темноты они должны были провести комсомольцев по глухим лесным тропам в тыл врага. А для работы дальше, за линией фронта, был выделен проводник — местный житель.

И вот наступила ночь. Часто вспоминают бывшие разведчицы Жанна Манучарова, Саша Крапенкова охватившее их странное, непривычное чувство, когда они оказались на территории, занятой неприятелем. Ведь это наша, советская земля, а приходится скрываться, чутко прислушиваться к ночным шорохам, ровному шуму дождя, замирая при каждом подозрительном звуке...

Шли всю ночь. На рассвете сделали привал в густом молодом ельнике. Костра не разводили и, чтобы немного согреться, сбились в тесную группу, накрывшись от дождя плащ-палатками. Так и просидели остаток ночи, тихо разговаривая. Вспоминали довоенное время, рассказывали о себе: где кто учился или работал.

Наташа Обуховская, хрупкая темноволосая девушка, училась на втором курсе Московского технологического института легкой промышленности, Володя Прохоров работал на заводе, Иван Колесников — в пожарной охране города Ярославля, Жанна Манучарова и Саша Крапенкова пришли в отряд со второго курса Института истории, философии и литературы.

Вера еще на базе подружилась с Наташей Обуховской, и теперь, в тылу врага, они всегда старались быть вместе. На привале, тесно прижавшись друг к другу, они тихо разговаривали, вспоминая свою студенческую жизнь.

Уже совсем рассвело, но дождь, шедший всю ночь, не прекратился. Над лесом, почти задевая за вершины деревьев, плыли тяжелые облака.

Когда собрались завтракать, оказалось, что проводника нет. Поиски ничего не дали. Он исчез бесследно.

— Струсил, гад! — зло выругался Володя Прохоров.

— Да, товарищи, дела у нас неважные, — с тревогой в голосе проговорил Николай Смирнов, командир группы. — Надо что-то придумать.

— Давайте, ребята, скорее уходить отсюда, — сказала Наташа Обуховская. — Ведь проводник мог быть не только трусом, но и предателем.

— Правильно, — поддержала Вера подругу, — надо идти дальше. Поедим на ходу.

— А я думаю, товарищи, — начал было Смирнов, — что нам следует вернуться назад. Ведь нет проводника, и потом...

— Как назад? — перебила его Вера. — Ты думаешь, что говоришь? Немцы к Москве рвутся, а ты предлагаешь нам совершать прогулки туда и обратно. Нашел дураков!

— Но ведь у нас нет проводника, мы не знаем местности, — упрямо стоял на своем Смирнов, с тревогой оглядываясь по сторонам.

— Но у нас есть карта, компас. Найдем дорогу!

— Правильно, Жанна!

— А что это за командир, если он боится заблудиться?

— Ребята, надо назначить нового командира. Николай не может вести группу.

— Правильно!

И здесь же на коротком собрании комсомольцы решили отстранить Смирнова от командования группой. Командиром назначили Володю Прохорова, а Веру Волошину его заместителем.

И снова отряд двинулся на запад. К вечеру вышли на шоссе Старица — Калинин, по которому почти непрерывно двигались немецкие обозы. Послали разведку выяснить незаметные подходы к дороге, которую решено было минировать.

И вот оно, первое боевое крещение! К дороге уходят Иван Колесников, Наташа Обуховская и Вера Волошина. Остальные залегли на опушке леса, чтобы в случае необходимости прикрыть огнем отход своих товарищей.

Томительно долго тянулось время. Наконец минеры вернулись.

— Порядок, — доложил командиру Колесников. Минировали мост. Несколько мин поставили на обочинах дороги. Начнут метаться после первых же взрывов и обязательно на них наткнутся. Вот будет потеха!

— Молодцы ребята! А теперь надо отходить.

Но Володе Прохорову не менее других хотелось своими глазами увидеть результаты первой диверсии. Поэтому он не стал особенно возражать, когда все единодушно предложили остаться.

Ждать долго не пришлось. Скоро в вечернем сумрак со стороны Старицы показалась колонна автомашин. Он шли с зажженными фарами, не опасаясь нападения самолетов. И вот первая машина въехала на мост. Вдруг блеснуло яркое пламя, осветившее все вокруг, а через несколько секунд донесся грохот взрыва. За ним последовал другой, третий. Скоро на дороге пылали автомашины, рвались цистерны с горючим, боеприпасы. Освещенные заревом пожара, с радостными лицами уходили комсомольцы в лесную чащу. А на дороге долго еще раздавались взрывы, беспорядочная стрельба и

крики.

Первый успех окрылил комсомольцев. Они убедились, какую большую помощь Красной Армии может оказать их маленький отряд.

— Вот видишь, Николай, — беззлобно подтрунивали они над Смирновым. — А ты нам предлагал вернуться назад.

— А я что... Разве я теперь против?

...Так один за другим шли хмурые осенние дни, полные опасности и тревог. Но каждый день приносил радость от сознания того, что отряд наносит чувствительные удары по врагу. Уже немало немецких машин и повозок с боеприпасами, горючим, продовольствием подорвалось на их минах и не один фашистский захватчик нашел свой бесславный конец на калининской земле.

...Смелые действия разведчиков не на шутку всполошили немецкое командование. В поисках неуловимого отряда по дорогам и лесам рыскали каратели. Но комсомольцы всегда уходили от преследователей. И в этом им большую помощь оказывали местные жители.

Однажды днем разведчики зашли в небольшую деревушку, затерявшуюся в глухом лесу. Кругом было тихо, спокойно. Жители деревни радушно встретили комсомольцев, приглашали их к себе в гости. Вскоре в правлении колхоза, где остановились разведчики, собрались женщины, старики, дети. На столе появилось сало, хлеб, молоко.

— Кушайте, детки! — приговаривала старая женщина, уголком платка вытирая слезы.

— Может быть, и мои соколики вот так же, как и вы, где-нибудь ходят...

Вдруг в комнату вбежал мальчишка лет двенадцати.

— Немцы! Немцы едут с Макаровки! — крикнул он.

Лес был рядом, и уже через несколько минут разведчики были в безопасности. А в деревне слышался рёв моторов, крики, стрельба. Несколько пуль просвистело высоко над головами.

— Отделались легким испугом, — переводя дыхание сказала Наташа.

— А могло быть гораздо хуже, если бы не мальчишка.

— Ах жаль, такой обед испортили, гады! — огорченно вздохнул Колесников.

— Не горюй, Ваня, — сказала Вера, — для тебя специально захватила кусок сала и полбуханки хлеба.

— Правда? Когда же ты это успела?

— А пока ты по огороду метался, искал, где б перелезть через забор, — под дружный хохот разведчиков ответила Вера.

Теперь решили без крайней необходимости всему отряду в деревни не входить, посылать туда только разведчиков.

На рассвете группа подошла к небольшой, в несколько дворов, деревушке.

— Кто пойдет в разведку? — спросил Прохоров. В таких случаях он обычно посылал добровольцев.

— Я, — первой отозвалась Вера. Вместе с Верой пошел Иван Колесников. Они спрятали оружие под одеждой и, выйдя из леса, направились к крайней избе. На стук вышел высокий, крепкий старик. Он внимательно посмотрел на пришельцев.

— Мы, дедушка, — начала Вера, — работали под Калинином, окопы рыли. Теперь пробираемся к себе домой. Немцев у вас нет?

— Вчера были, но к вечеру уехали. Какой-то отряд все ищут. Говорят, партизаны объявились.

Еще раз взглянув на Веру и Ивана, старик молча повернулся и ушел в дом. Те с недоумением переглянулись и на всякий случай несколько отошли от крыльца. Вскоре старик вернулся, неся большой каравай хлеба и завернутый в газету ладный кусок сала.

— Это вам на дорогу, — сказал старик и, уже когда разведчики, поблагодарив, повернулись было уходить, добавил: — А оружие надо лучше прятать. Тоже мне еще, вояки!

Хозяин, очевидно, был старым служакой, прошедшим не одну войну, и от его наметанного глаза не укрылось, что у пришельцев как-то подозрительно топорщилась одежда.

Можно было бы привести еще много примеров активной помощи, которую оказывали разведчикам местные жители. Так, при содействии калининских партизан, с которыми разведчики встретились, возвращаясь обратно, они благополучно 6 ноября перешли линию фронта в зоне одного из сибирских полков, занимавших здесь оборону.

Прохоров коротко доложил командиру полка о выполнении задания, сообщил разведывательные данные и попросил помочь вернуться на свою базу.

— А может быть, у нас останетесь воевать? — предложил присутствовавший при разговоре начальник штаба. — Нам очень нужны хорошие разведчики. С майором Спрогисом я смогу договориться.

— Нет, товарищ майор, мы должны вернуться в свою часть.

— Жаль. Как говорится, насильно мил не будешь, Идите обедать и отдыхайте. Завтра утром отправим вас в Москву.

И вот они снова среди боевых друзей на базе. Две недели, проведенные в тылу врага, были большой и суровой школой, первым серьезным испытанием мужества. И комсомольцы выдержали его.

База разведотряда, которая теперь находилась в Кунцеве, жила своей обычной жизнью. Группы приходили и после короткого отдыха снова уходили на задания. Но бывало, что кто-либо из бойцов, а иногда целые группы бесследно исчезали за линией фронта, сменяли новые добровольцы. О погибших товарищах вспоминали редко, но не

потому, что о них забыли. Слишком сильна была у молодежи вера в жизнь, и рядом с ней не могли ужиться мысли о смерти. Пропавших без вести разведчиков ждали, верили, что они наконец вернуться. Иногда так и случалось.

В ноябре в часть прибыло новое пополнение. Среди новичков были Леля Васильева, работница типографии «Искра революции», студентка Катя Пожарская, молодая учительница Клавдия Милорадова, ученица класса одной из школ Тимирязевского района Зоя Космодемьянская.

Новички старательно овладевали профессией разведчика, а по вечерам у костра слушали рассказы товарищей, уже побывавших в тылу врага. То, о чем сказывала Вера Волошина, обычно вызывало веселый смех. Под хохот друзей она показывала, как Иван Колесников застрял на заборе, удирая от немцев, или старик отчитал их за то, что они неумело спрятали под одеждой оружие... Слушая Веру, можно было подумать что работа в тылу врага — увлекательное, интересное путешествие, полное необычных приключений.

Клаву Милорадову и Зою Космодемьянскую зачислили в одну группу с Верой.

Порывистая, жизнерадостная Милорадова быстро освоилась с обстановкой, знакомилась с новыми товарищами и уже на второй день чувствовала себя на базе не хуже, чем в школе, где она недавно работала.

Сложнее все было у Зои Космодемьянской: в группе она оказалась моложе всех и долго не могла привыкнуть к своим новым товарищам. Держалась Зоя всегда в стороне, наедине со своими думами. Все это, конечно, беспокоило разведчиков — ведь скоро идти на новое задание, а судьба отряда зависит прежде всего от боевой дружбы, взаимной выручки. И каждому хотелось быть уверенным в своих товарищах. А тут эта новенькая...

Кое-кто из разведчиков предлагал сходить к Спрогису и попросить замену, но Вера возражала:

— Не горячитесь, ребята, Зое надо осмотреться, привыкнуть. Ведь не все так легко сходятся с людьми, как Клава. И потом Зоя прямо из школы. Чувствует себя моложе всех. Нам надо самим ее расшевелить, втянуть в жизнь группы.

Как-то после ужина Вера подошла к Зое. Вначале разговор не клеился, но постепенно девушки разговорились. Зоя рассказала о себе, о том, как она добилась, чтобы ее взяли в армию, о своем желании скорее уйти на боевое задание в тыл врага.

— Смогу я, Вера? Как ты думаешь? — спрашивала Зоя. — Мне так хочется стать настоящей разведчицей.

— Конечно сможешь. Только надо быть веселее, даже там, за линией фронта. Вскоре девушки подружились, особенно после того, как Зоя узнала, что Вера сибирячка.

— Ведь и я жила несколько лет на Енисее, — радостно сообщила Зоя. — Отец и мать

работали там в сельской школе.

Теперь девушки были неразлучны — рядом на занятиях, вместе сидели в столовой, и в казарме их кровати стояли рядом. После отбоя они еще долго шептались о чем-то в темноте.

— Хватит вам, сибирячки, — ворчал недовольно кто-нибудь из девчат. — Спать мешаете. Ведь завтра встать рано...

Так и привилось, пристало к ним это слово — «сибирячки». Звали их так все: подруги, ребята из группы и даже их командир.

— Где наши сибирячки? — обычно спрашивал он. — Передайте, что им сегодня заступать в наряд.

И, как всегда бывает, Зоя, сблизившись с одной своих новых подруг, как-то сразу раскрылась вся. Исчезли ее замкнутость, застенчивость, она теперь всегда была с друзьями, нередко можно было услышать ее звонкий задорный смех. Товарищи скоро почувствовали и оценили свойственные Зое прямоту, искренность, настойчивость, терпеливость. Она могла часами возиться с револьвером автоматом, пулеметом, собирая и разбирая их, пока не научилась быстро и безошибочно устранять любые неполадки.

А однажды, зайдя в комнату к ребятам, она увидела как Павел Проворов быстро собирал и разбирал револьвер с закрытыми глазами.

— Это очень важно для нас, разведчиков, — пояснил он Зое. — Ведь действовать придется там в основном ночью. Если что случится, спичку не зажжешь...

И Зоя тоже решила научиться разбирать и собирать револьвер, как Павел. После ужина она расстелила на кровати плащ-палатку, сняла сапоги и, поджав ноги по-турецки, приступила к делу. Вначале она разобрала револьвер не закрывая глаз. А потом, быстро собрав и проверив его, попыталась проделать все это с закрытыми глазами. Девчата, собравшись вокруг, ревниво следили не подсматривает ли она.

Долгое время у девушки ничего не получалось. Один винтик она даже уронила на пол и потом долго искала его, ползая под кроватью. Подруги помогали ей.

Нашли наконец злополучный винтик. Думали, что угомонится Зоя, а она залезла на кровать и снова взялась за свое. В конце концов она научилась разбирать и собирать револьвер с закрытыми глазами и, радостная, ликующая, показывала свое умение подругам.

Так один за другим шли дни боевой подготовки разведчиков.

Накануне ухода на новое задание майор Спрогис разрешил Вере Волошиной на два дня съездить в Москву.

Ей очень хотелось побывать в институте, узнать, где сейчас Валя и Марина. До города она доехала на попутной машине. Однокурсницы радостно встретили Веру. Серая солдатская шинель с голубыми петлицами, шапка со звездой, ремень, полевая сумка,

сапоги придавали девушке воинственный вид, и это вызывало откровенную зависть подруг. В институте Вера узнала, что Валя и Марина тоже ушли в армию, в авиационную часть, стоявшую где-то под Рязанью. В опустевшей комнате общежития на столе Вера нашла коротенькую записку: «Вера и Нина! Вот и мы тоже уходим в армию. Как жаль, что не придется быть вместе! Пишите нам обязательно. Встретимся, как было условлено. Крепко целуем. Валя, Марина». А ниже стоял пятизначный номер полевой почты... Прежде чем вернуться в часть, Вера решила побывать на Красной площади, где 7 ноября состоялся необычный военный парад. Пройдя торжественным маршем мимо Мавзолея В. И. Ленина, войска сразу уходили на фронт, который был совсем близко.

Как посуровела и какой непривычно строгой стала Москва! У Веры, пока она шла к центру, несколько раз проверял документы военный патруль.

Навстречу с лопатами, кирками шли на строительство укреплений женщины, подростки, старики. На набережной у Кремлевской стены занимались бойцы народного ополчения. Словно со страниц книг и экранов кинотеатров сошли эти усатые рабочие в пальто, в кожаных куртках, с подсумками и винтовками. Они шли по набережной твердой, уверенной поступью, и песня, которую они пели, усиливала ощущение революционных лет:

Смело мы в бой пойдем
За власть Советов
И как один умрем
В борьбе за это...

А на стенах домов — плакаты: «Родина-мать зовет!», «Что ты сделал для фронта?», «Все на защиту Москвы!».

Холодный ветер метет поземку по брусчатке Красной площади. У входа в Мавзолей Ленина стоят часовые. На крышах домов, окружающих площадь, зенитные пулеметы, направленные в хмурое небо. Гулко раздаются шаги ополченцев. Холодная сталь штыков колыхается над их рядами. Весь город готов к решающей схватке.

«ПРОПАЛА БЕЗ ВЕСТИ»

Подходил к концу короткий отдых на базе. Впереди было новое, еще более ответственное задание.

После провала первого наступления немецко-фашистских войск под Москвой гитлеровское командование готовило второе.

Третья и четвертая танковые группы Гоота и Хюнера должны были нанести удар на Москву с северо-запада с одновременным обходом города на Дмитров Загорск. На юге действовала вторая танковая группа Гудериана. В ее задачу входило, овладев Тулой, нанести удар по Москве с юга, а часть сил направить через Коломну на соединение с войсками третьей и четвертой танковых групп к востоку от столицы. В центре, на Можайском, Звенигородском, Серпуховском направлениях, на кратчайших путях к Москве действовала четвертая армия фельдмаршала фон Клюге. С воздуха действия немецко-фашистских войск поддерживало большое количество боевых самолетов.

Положение под Москвой в середине ноября было очень серьезным. На некоторых участках фронта немецко-фашистские войска от Москвы отделяло всего лишь тридцать — сорок километров. Требовалось максимальное напряжение всех сил, чтобы остановить врага, а затем нанести ему сокрушительный удар.

В это трудное время 21 ноября в тыл немецко-фашистских войск, действовавших в районе Наро-Фоминска, уходили две группы разведчиков — Бориса Крайнова и Павла Проворова.

Проворов был назначен командиром вместо заболевшего Володи Прохорова. В группу Павла входили Голубев, Емельянов, Кирюхин, Клубков, Морозов, Волошина, Милорадова, Обуховская, Космодемьянская. В группе Бориса Крайнова были Булгина, Брукер, Воронина, Самойлович, Смирнов, Кузьмичев, Леонтьев, Лебедева, М-диокрицкий, Щербаков.

Обе группы на время перехода линии фронта были объединены под командованием Бориса Крайнова. Перейдя фронт, они должны были разойтись и дальше действовать самостоятельно.

Разведчики получили валенки, телогрейки, теплое белье, свитера, шерстяные подшлемники. Зоя решила идти на задание в сапогах и в своем домашнем пальто.

— Так будет лучше ходить в разведку, — объяснила она подругам.

Рано утром подошли две автомашины за разведчиками. Сдав старшине личные вещи, документы, фотографии и письма, надев снаряжение, они выстроились во дворе базы. Майор Спрогис и комиссар Дронов обошли строй, тщательно проверяя оружие, снаряжение. Для каждого разведчика у них нашлись теплые напутственные слова.

— Как себя чувствуете, Волошина? — спросил Артур Карлович, когда они поравнялись с Верой, — здоровье в порядке?

— Так точно, товарищ майор, в порядке! — звонким голосом ответила Вера, а сама подумала: «Не забыл, помнит, что я рассказывала тогда, в комиссии». Ей было приятно, что командир заботится, думает о своих подчиненных. А ведь у него их полторы тысячи.

— Учтите, Волошина, что вы комсорг группы, — глядя в глаза ей, сказал комиссар. — С

вами идут еще не обстрелянные бойцы. Будьте внимательны к ним, помогите в трудную минуту.

Накануне, готовя группы к боевому заданию, майор Спрогис спросил у комиссара:

— Как вы думаете, не послать ли нам командиром группы Волошину? Она очень хорошо показала себя первом походе, товарищи ее уважают.

— А не рано, Артур Карлович? Ведь в группе много новичков. Проворов — кадровый командир. Пусть Волошина идет комсоргом группы, лучше узнает людей. А следующий раз назначим ее командиром группы.

...Осмотр закончен. Раздалась команда: «По машинам!»

Было холодное ветреное утро. Разведчики улеглись на сено, которое не забыл постелить в кузовах заботливый старшина. Почти до самой Кубинки пели песни. Запевала Клава Милорадова. У нее был красивый сильный голос.

В Кубинке простояли недолго. Машины свернул влево, на дорогу, ведущую к Наро-Фоминску. У деревни Обухове остановились. Дальше ехать было нельзя. По реке Наре и Нарским прудам проходила линия фронта. Здесь оборону занимали части дивизии, недавно прибывшей с Дальнего Востока.

Сибиряки радушно встретили комсомольцев-разведчиков, уступили им единственный уцелевший дом в деревне, накормили горячим обедом, а с наступлением темноты четыре разведчика, выделенные командованием, повел их через линию фронта.

И вот снова на земле, занятой врагом. Но сейчас идти гораздо труднее, чем в октябре.

Тогда немцы наступал и линия фронта во многих местах была разорвана. А теперь, встретив упорное сопротивление прибывших из Сибири свежих войск и московских дивизий народного ополчения, немцы приостановили движение и перешли к обороне. Появились ряды колючей проволоки, минные поля, доты, дзоты, дороги усиленно патрулировались танками, бронемашинами. Деревни были битком набиты немцами, и каждая из них представляла маленькую крепость. Ведь немцы уже успели испытать на себе силу партизанских ударов. Все это значительно осложняло задачу разведчиков и требовало величайшей осторожности.

За первую ночь отряд прошел около двадцати километров. На дневку остановились в заросшем кустарником глубоком овраге. Аля Воронина и Зоя Космодемьянская разделили на равные части три буханки хлеба и сверху положили по кусочку смержшегося масла. Очень хотелось пить, снег не утолял жажды. Тогда решили разложить маленький костер из сухих сучьев. В котелках топили снег и пили теплую, пахнущую хвоей воду.

С наступлением темноты снова двинулись в путь. До рассвета нужно было перейти шоссе на Верею, минировать его и, разделившись на группы, действовать дальше самостоятельно.

Дул холодный, обжигающий ветер. Особенно страдала от мороза Зоя, в сапогах и

пальто. Вера отдала ей свой свитер, Аля Воронина — шерстяные носки.

Близился рассвет, когда отряд вышел на большую поляну. Вдали виднелась громада темного леса, где была намечена дневка.

Крайнов приказал Вере Волошиной, Наташе Самойлович и Алексею Голубеву сменить головное охранение.

— Будете идти впереди отряда на расстоянии видимости, — сказал он. — На опушке леса дождетесь нас. Выполняйте!

Головное охранение ушло. За ним через несколько минут двинулся отряд. Кругом царила глубокая предрассветная тишина. Даже смолкли привычные раскат артиллерийской канонады.

До леса осталось не более ста метров, когда слева раздалась пулеметная очередь. Над головой пронесся рой трассирующих пуль. Разведчики залегли и под огнем неприятеля стали отползать назад, к лесу.

Когда вышли из-под обстрела, недосчитались семи человек: головного охранения и Али Ворониной с трем молодыми бойцами.

«Что же случилось с товарищами? — с тревогой думал каждый. — Неужели они погибли?»

Поиски ничего не дали. Дальше оставаться здесь было опасно. Ведь немцы могли вызвать подкрепление и окружить лес. И отряд, потерявший почти треть своего состава, направился к деревне Петрищево, где, по данным разведки, находился штаб одной из немецких частей. Решено было теперь объединить обе группы на все время выполнения задания в тылу врага.

Головное охранение уже было в лесу, когда позади немцы открыли пулеметный огонь. Вскоре стрельба утихла, и Вера с товарищами решили разыскать отряд. Лишь к вечеру им удалось найти Алю Воронину и бывших с ней ребят. Но и они ничего не знали об отряде.

— Что будем делать, ребята? — спросила Наташа Самойлович, когда стало очевидно, что продолжать поиски отряда бесполезно.

— Надо действовать самостоятельно, — сказала Вера. — Нас здесь семь человек, есть оружие, взрывчатка, боеприпасы. Не тащить же все это обратно...

— Но у нас нет карты, компаса, — возразил Голубев. — Как же мы будем ориентироваться на местности? Так каждую минуту можно на немцев напороться.

— Компас есть у меня и у Веры, — сказала Наташа. — Карты у нас нет, это верно. Придется обходиться без нее. Поэтому нам надо быть особенно осторожными.

— Правильно, Наташа, — поддержала Вера подругу. — Будем действовать самостоятельно.

Когда стемнело, вышли на опушку леса. Недалеко пролежала дорога, по которой часто шли автомашины, мотоциклы. Чуть правее угадывалась деревня, где, очевидно, было

полно немцев.

— А что, если нам, ребята, — предложила Вера, — минировать дорогу к деревне с двух сторон и в полночь, когда фрицы улягутся, устроить им «сабантуй»? Подойдем к деревне поближе и дружно откроем огонь.

Предложение Веры всем понравилось. И вот в полночь, заложив мины, разведчики подползли к деревне. В окна крайних домов полетели гранаты, и вслед за оглушительными взрывами, потрясшими ночную тишину, раздались автоматные очереди, забили частые выстрелы из винтовок и наганов.

Отходя к лесу, разведчики термитными шарами подожгли стога сена, стоявшие на краю деревни. Это усилило поднимающуюся панику. Немцы выскакивали из домов, беспорядочно стреляли в темноту. Несколько машин за деревней подорвались на минах.

— Ну, теперь они долго не придут в себя, — удовлетворенно сказала Вера, когда группа была уже далек от деревни.

Радость светилась на лицах разведчиков. Еще бы! Ведь они устроили фрицам такой хороший «праздник»!

Дневали в лесу. Здесь же случайно столкнулись с группой красноармейцев, вышедших из окружения и под Вязьмы. Голодные, оборванные, бойцы вот уже несколько недель бродили по лесам, всюду натываясь на вражеские заслоны. До них доходили слухи о том, что Красная Армия разбита и немцы уже захватили Москву. И вдруг эти изможденные, потерявшие надежду выйти к своим люди встретили в лесу разведчиков, которые лишь несколько дней назад были в Москве.

Разведчики накормили красноармейцев, отдав им во свои запасы пищи. Ведь нельзя же было равнодушно смотреть на истощенные, обросшие бородами лица.

— Нельзя оставлять их, ребята, — сказала Вера. — Будем вместе выходить к своим. Сейчас это главное.

На этом и порешили. Собрав окруженцев, Вера предупредила:

— Мы решили, товарищи, идти на восток, через линию фронта. Если хотите идти с нами, то должны соблюдать в движении порядок, вести себя очень осторожно. От этого зависит все. Понятно?

— Понятно, — обрадовались бойцы. Теперь они были уверены, что смогут вернуться к своим, перейти фронт.

— Но тот, кто нарушит порядок движения, — сурово взглянув в лица бойцов, сказала Наташа, — будет расстрелян на месте. Мы не можем рисковать судьбой отряда.

И она выразительно положила руку на кобуру револьвера.

После этого короткого и необычного разговора сводный отряд взял направление на восток. Впереди, сверяя направление с компасом, шла Вера, за ней, метрах в пяти, — танкист-окруженец, дальше — Наташа Самойлович, Аля Воронина и другие бойцы.

Замыкал группу Алексей Голубев.

Далеко за полночь отряд перешел дорогу между деревней Якшино и совхозом Головково. При свете луны отчетливо виднелись следы проходивших здесь недавно автомашин, танков. На всякий случай разведчики заложили в колею несколько мин. Сразу же за дорогой начиналась поляна, поросшая редким ельником, постепенно переходившим в лес.

Вдруг из-за поворота дороги неожиданно раздалась автоматная очередь, за ней другая, третья. Под огнем неприятеля группа отошла за дорогу. На поляне остались Вера Волошина и танкист-окруженец... Наташа видела, как Вера, взмахнув рукой, молча упала в снег. И еще запомнилось, как при свете луны блеснуло на ее руке стеклышко компаса, с которым Вера никогда не расставалась.

Вскоре стрельба утихла. Слышно было, как взревели моторы, и их рокот стал удаляться в сторону совхоза, пока не затих совсем.

Наташа с двумя бойцами ушла в разведку. На поляне они нашли убитого танкиста. Веру найти не удалось. Только темнели на снегу пятна ее крови. Гибель товарищей глубоко всех потрясла.

В эту ночь группа еще дважды натыкалась на засады. И только на следующую ночь у деревни Большие Семенычи удалось перейти линию фронта.

Вернувшись на базу, разведчики рассказали о гибели Веры Волошиной. Здесь же они узнали, что у деревни Петрищево попала в плен к фашистам Зоя Космодемьянская. Через несколько дней, когда перешедшие в наступление части Красной Армии освободили Петрищево, весь мир облетела весть о героической гибели Зои.

А в феврале 1942 года Клавдия Лукьяновна Волошина получила с фронта письмо с тревожно сжавшими сердце строками:

«...Волошина Вера Даниловна пропала без вести при выполнении боевого задания в тылу врага.

Майор Спрогис».

ТАМ, ГДЕ ПОГИБЛА ВЕРА

С тех пор прошло немало лет. Все дальше и дальше уходили суровые военные годы. Но память о тех, кто отдал свою жизнь, защищая Родину, все так же бережно хранится в сердце народа. С годами она не тускнеет, а становится отчетливее, ярче, и перед нами открываются все новые и новые страницы героической летописи Великой Отечественной войны. Ведь только спустя много лет после войны мы узнали имена защитников Брестской крепости, о которых взволнованно рассказал писатель Сергей Смирнов. На весь мир прозвучали гордые слова татарского поэта Мусы Джалиля,

написанные в фашистской тюрьме Моабит:

Песня меня научила свободе,
Песня борцом умирать мне велит.
Жизнь моя песней звенела в народе,
Смерть моя песней борьбы прозвучит.

А с каким волнением мы узнаем новые факты о героях-краснодонцах, о комсомольцах-подпольщиках белорусского города Могилева, о юношах и девушках Людиновского подполья и о многих других ранее неизвестных героях!

О жизни Веры Волошиной, ее горячей любви к Родине и мужественной борьбе с немецко-фашистскими захватчиками также должны узнать люди.

Раньше я никогда не думал о том, что мне придется воссоздавать события далеких лет, писать книгу о человеке, которого я ни разу не встречал. Но как-то само собой получилось, что я взялся за перо. Нельзя было не рассказать о жизни замечательной девушки-патриотки. И пусть читатель будет не слишком суров в оценке художественных достоинств книги. Мне хотелось предельно точно воссоздать образ Веры Волошиной таким, каким он сохранился в памяти тех, кто был с ней рядом. Но в рассказе о Вере не хватало главного. Никто из бывших партизан не знал, как она погибла. Ведь тогда разведчики не нашли тела девушки на месте короткого боя у лесной дороги.

Нужно было подробнее узнать обстоятельства гибели Веры и, если удастся, отыскать ее могилу.

В Москве живет и работает бывшая разведчица Александра Федоровна Воронина, которая вместе с Натальей Трофимовной Самойлович была с Верой до последней минуты. По моей просьбе Аля Воронина на карту нанесла маршрут отряда и обозначила место, где погибла Вера. Это было на дороге между деревней Якшино и колхозом Головково, Наро-Фоминского района, Московской области.

И вот в один из воскресных дней я отправился в путь.

У 74-го километра шоссе Москва — Минск влево уходила проселочная дорога.

Извиваясь, она бежала через холмы и перелески, где более пятнадцати лет назад шли ожесточенные бои. Вдали за лесом поблескивали на солнце Нарские пруды, по которым тогда проходила линия фронта.

Вдоль дороги шумит рожь. Ее тихий шелест сливается с рокотом невидимого за пригорком трактора. И не верится, что на этих мирных землях не так уж давно бушевало пламя войны, что здесь отдали свою жизнь за Родину тысячи советских воинов. Но об этом почти на каждом километре пути напоминают братские могилы, скорбные фигуры людей, отдающих почести павшим.

Стараясь побороть охватившее меня волнение, иду через лес. Ведь возможно, это здесь в ту суровую осень 1941 года проходила группа разведчиков. Пытаюсь представить их, идущих цепочкой друг за другом, усталых, с упрямо сжатыми губами.

А сейчас в лесу бушует лето щебетом птиц, тысячами солнечных бликов и морем зеленой листвы. И трудно представить себе оголенные ветви деревьев, глубокий снег под ногами, услышать, как тревожно шумят огромные ели, роняя со своих лап хлопья снега...

Наконец вдали показалось Якшино. Дома разбрелись по пригорку в тени могучих лип. Из колодца доставала воду пожилая женщина. Вот она выпрямилась и, прислонив к глазам руку козырьком, с любопытством рассматривает незнакомого путника.

— Скажите, пожалуйста, — спросил я, — у вас в сорок втором году, после освобождения, не хоронили девушку-партизанку?

Видя, что мой вопрос задан слишком поспешно и женщине трудно сразу же вспомнить то суровое время, коротко рассказываю ей о Вере.

— Нет, у нас девушку не хоронили, — задумчиво ответила женщина. — А вот в Головково они тогда повесили партизанку. Никто не знает, откуда она, как зовут. Может быть, это та самая, которую вы разыскиваете. В совхозе спросите Александру Новикову, ее там все тетей Сашей зовут. Она все вам расскажет.

— А далеко ли до совхоза?

— Версты три будет.

Прощавшись, я отправился в Головково. Дорога шла через густой лес, плотной стеной подступавший с двух сторон. «Неужели это Вера? Но ведь Наташа и Аля видели, как она упала, скошенная автоматной очередью. А может, она была только ранена?»

Множество других предположений и догадок всю дорогу не давали мне покоя.

Наконец лес кончился, показались дома, хозяйственные постройки совхоза. У первого встречного я спросил, где живет тетя Саша.

В небольшой чисто убранной комнате меня встретила хозяйка, худенькая подвижная старушка. Сдерживая волнение, прошу тетю Сашу рассказать о девушке, которую немцы повесили в совхозе.

Вот что она рассказала.

Когда в октябре 1941 года фашисты заняли совхоз, жители ушли в лес. Здесь они построили шалаши, землянки. Приближалась зима, и с каждым днем становилось все холоднее. Но страшнее холода был голод. В поисках неубранной свеклы, картофеля женщины и дети бродили по полям, раскапывали снег, надеясь что-либо найти в замерзшей земле. Измученные голодом и холодом, они даже пытались проникнуть в совхоз, где у каждой семьи в надежном месте были припрятаны продукты, теплая одежда. Но это было очень опасно: немцы выслеживали и расстреливали всех, кто появлялся в совхозе.

Однажды — это было в конце ноября — на рассвете женщины и ребятишки по кустарнику пробирались к совхозу. И вдруг на придорожной иве они увидели повешенную девушку. Белокурые коротко подстриженные волосы развевал холодный ветер. Тело, покрытое ссадинами и кровоподтеками, было едва прикрыто изодраным бельем. Плечо прострелено, и на спине, где, очевидно, вышла пуля, запеклась кровь. Молча постояли они под ивой и вернулись обратно в лес.

Кто же была эта девушка? Она очень походила на Ксению Морозову, молодую работницу совхоза, комсомолку. Ее в первый же день схватили немцы, и больше о ней никто ничего не знал.

«Значит, это Ксения!» — решили женщины и, вернувшись в лес, рассказали обо всем ее матери. Сколько горьких слез выплакала старая женщина! Но позднее оказалось, что Ксения жива, ей удалось бежать из концлагеря под Можайском, и через несколько дней она разыскала в лесу свою мать.

В середине декабря немцы отступили. Вернувшись в совхоз, жители сняли девушку с дерева и похоронили здесь же, под ивой. Позднее ее останки были перенесены в братскую могилу в селе Крюково.

— Так до сих пор, — закончила свой рассказ тетя Саша, — никто не знает, кто эта девушка, как ее зовут. Когда вспоминаем о ней, говорим: «наша партизанка». Так и зовут ее все у нас...

Меня глубоко взволновал рассказ старой женщины. Неужели это Вера? Как жаль, что, отправляясь в путь, я не взял с собой ее фотографии!

— Скажите, пожалуйста, а где сейчас Ксения Морозова? Она жива?

— А что с ней может случиться? Конечно жива. Работает на свиноферме.

— А как бы ее увидеть?

— Это можно. Ведь мы живем почти рядом. Я пошлю за ней внучку.

Когда на пороге показалась высокая светловолосая женщина с голубыми глазами, я невольно вздрогнул. Она была похожа на Веру Волошину. Это сходство особенно бросилось в глаза, когда Ксения показала свою довоенную фотографию.

...Спустя неделю, в следующее воскресенье, я снова поехал в Головково. Теперь со мной было несколько фотографий Веры.

В совхозе меня уже ждали. Каждому хотелось узнать имя девушки, которую повесили немцы. Умышленно показываю ту фотографию, на которой Вера снята среди группы подруг-спортсменок, и прошу сказать, есть ли среди этих девушек та, что была повешена в Головково.

Трудно передать волнение, с которым я ждал ответа.

— Вот эта! Ее у нас повесили! — И все указали на Веру...

Нина Зотова, Полина Романцова, Наталья Гаврилова, Анастасия Кудрягпова, Иван Хватский, Александра Новикова, Михаил Демидов и многие другие узнали в Вере

Волошиной ту самую девушку, которую они между собой называли «наша партизанка»...

— Я об этом догадался еще раньше, — говорит Михаил Демидов, — когда прочитал в «Комсомольской правде» заметку «Она сражалась рядом с Зоей» и увидел фотографию. Меня лишь удивило: в газете написано что Вера погибла у Якшино. Ведь я же сам с комсомольцами после освобождения хоронил девушку и хорошо помню ее лицо. Это была она.

Спустя несколько дней в совхозе побывала Наталья Трофимовна Самойлович. Она беседовала с местными жителями, обошла памятные ей места боев.

— Безусловно, это была Вера, — подтвердила она. — Очевидно, раненную, ее захватили в плен и после допроса повесили.

С Натальей Трофимовной мы подошли к иве, этому немому свидетелю смерти смелой разведчицы. Если бы могли заговорить придорожные камни, вот эти молчаливые деревья, тесно окружившие место казни, они бы поведали о мужестве и героизме девушки-сибирячки и передали бы людям ее последние слова, полные ненависти и презрения к врагам и горячей любви к матери-Родине, за которую она отдала свою молодую жизнь!

Но молчат камни, и о чем-то своем, непонятном шепчут вершины деревьев.

Не хотелось верить, что никогда не удастся узнать о последних минутах жизни Веры. Может быть, еще найдутся живые свидетели ее жизни? Может быть, среди документов, захваченных у врага, удастся найти донесение, рапорт, протокол допроса, фотографии, которые рассказали бы о последних часах жизни Веры?

Как же погибла Вера?

Об этом часто спрашивают в своих письмах читатели газет, где впервые были опубликованы материалы о Вере Волошиной. Можно было лишь предположить, что Веру, раненную в бою, немцы захватили в плен, подвергли мучительным пыткам и повесили.

Можно было предположить... Ведь никто в совхозе не оставался, когда пришли немцы. Жители скрывались в лесу, и никто не видел, как казнили Веру. Попытки разыскать какие-либо документы об этом в захваченных архивах частей 4-й немецкой армии фельдмаршала фон Клюге, действовавших в районе Наро-Фоминска, пока не дали результатов.

...Была поздняя осень 1958 года. Работая над повестью о Вере Волошиной, я решил еще раз побывать в Головково, чтобы лучше представить себе осень 1941 года, когда по этим местам шел небольшой отряд разведчиков.

В Головково я узнал, что недалеко, в поселке Скугорово, живет Александра Федоровна Звонцова. Оказывается, она оставалась дома, когда пришли немцы, и; знает, как погибла Вера. Вот что рассказала Александра Федоровна:

— Видите ли, тогда, осенью сорок первого года, я ждала ребенка. Не могла же я уйти в лес в таком положении, тем более что я не вставала с постели. Ведь сколько пришлось пережить в эти страшные дни!

Мне было все равно, где умирать — дома или в лесу, и я решила никуда не уходить. Осталась дома и моя мама, которая ухаживала за мной. Она недавно умерла, а тогда ей было лет шестьдесят.

К нам в дом немцы не заходили. Уж очень боялись они тифа или еще какой-либо заразной болезни. Мама всегда была дома, а если и отлучалась, то ненадолго. Однажды в конце ноября мама куда-то ушла и долго не возвращалась. Я уже начала беспокоиться: не случилось ли с ней что? А немцам ничего не стоило убить человека, хоть малого, хоть старого.

Александра Федоровна задумалась, по лицу ее пробежала тень. Нелегко забыть те далекие, страшные дни. Вздохнув, она продолжала рассказ:

— Часа через два вернулась мать. «Ты где это ходишь? — набросилась я на нее, но, увидев ее заплаканные глаза, с тревогой спросила: — Что случилось, мама?» — «О, дочка, что я видела сейчас! На моих глазах немцы только что повесили молоденькую девушку. Привезли ее, бедную, на машине к виселице, а там и петля болтается на ветру. Кругом немцы собрались, много их было. И наших пленных, что работали за мостом, пригнали.

Девушка лежала в машине. Сначала не видно было ее, но когда опустили боковые стенки, я так и ахнула. Лежит она, бедняжка, в одном исподнем белье, да и то оно порвано, и вся в крови. Два немца, толстые такие, с черными крестами на рукавах, залезли на машину, хотели помочь ей подняться. Но девушка оттолкнула немцев и, цепляясь одной рукой за кабину, поднялась. Вторая рука у нее была, видно, перебита — висела как плеть. А потом она начала говорить. Сначала она говорила что-то, видать, по-немецки, а потом стала по-нашему.

Я, говорит, не боюсь смерти. За меня отомстят мои товарищи. Наши все равно победят. Вот увидите!

И девушка запела. И знаешь, какую песню? Ту самую, что каждый раз поют на собраниях и по радио играют утром и поздно вечером.

— «Интернационал»?

— Да, эту самую песню. А немцы стоят молча и слушают. Офицер, что командовал, что-то крикнул солдатам. Они набросили девушке петлю на шею и соскочили с машины. Офицер подбежал к шоферу и дал команду трогай с места. А тот сидит, побелел весь, видать, не привык еще людей вешать. Офицер выхватил револьвер и кричит что-то шоферу по-своему. Видно, ругался очень. Тот словно проснулся, и машина тронулась с места.

Девушка еще успела крикнуть, да так громко, что у меня кровь застыла в жилах:

«Прощайте, товарищи! Когда я открыла глаза, то увидела, что она уже висит.

Вот и все, что рассказала мне мама.

Александра Федоровна замолчала. По ее щекам текли слезы.

— Позднее, когда поправилась, — сказала она, — я ходила к дереву. Видела девушку я и тогда, когда ее хоронили. Это та самая, что у вас на фотографии...

Так смертью героя погибла Вера Волошина. О её светлой жизни и героической борьбе с врагами Родин будут еще написаны книги, созданы песни. И всегда рядом будет идти эта девушка, чья короткая, но удивительно прекрасная жизнь стала примером для миллионов юношей и девушек нашей страны.

ГЕРОИ НЕ УМИРАЮТ

Вот и подходит к концу рассказ о жизни и героической гибели разведчицы комсомолки Веры Волошиной о ее боевых друзьях.

Вы уже убедились, что сейчас еще рано ставить точку — с 1957 года, когда начался этот поиск, произошло немало событий, о которых нельзя не рассказать.

...Помню, как впервые приехала в Москву Клавдия Лукьяновна Волошина. Встречать ее пришли на Казанский вокзал боевые подруги Веры — Наталия Трофимовна Самойлович, Евгения Николаевна Манучарова, Клавдия Александровна Милорадова, Александра Федоровна Воронина.

Нас тогда очень тревожило, как воспримет тяжелые вести эта уже немолодая женщина и надо ли спустя шестнадцать лет рассказывать Клавдии Лукьяновне о том, как гитлеровцы казнили ее дочь, бередить старые и, может быть, уже зарубцевавшиеся раны? И мы решили, что не будем об этом рассказывать матери и постараемся отговорить ее от поездки в совхоз Головково, на место казни.

Надо сказать, что первые дни мы твердо выполняли свое решение, весь досуг Клавдии Лукьяновны старались заполнить знакомством с достопримечательностями Москвы. И получалось все это у нас неплохо, я даже стал надеяться, что Клавдия Лукьяновна уедет домой, так и не побывав в Головково.

Но вскоре она разгадала наши намерения.

— Вы что-то, Георгий Николаевич, скрываете от меня, — сказала она однажды, в который раз выслушав наши доводы. — Я не боюсь дальней дороги и хочу побывать там, где погибла Вера. Расскажите мне, пожалуйста, все, что вам известно о Вере. Только говорите правду! Я все перенесу...

И на следующее утро мы поехали в Головково.

Весть о том, что в совхоз приехала мать партизанки, быстро разнеслась повсюду. К иве, на которой была повешена Вера, стали собираться люди. Женщины окружили Клавдию

Лукьяновну, выражали ей сочувствие, рассказывали о пережитом в годы войны. ...Недалеко от совхоза — деревня Крюково. Здесь в братской могиле похоронена Вера. Старая мать припала к могильному холмику.

— Вера... Верусенька... доченька, — тихо шептали ее губы.

А через несколько дней здесь побывали комсомольцы Ростокинской камвольнотделочной фабрики, на которой и сейчас работает Наталья Трофимовна Самойлович. Они любовно убрали могилу, посадили вокруг дерева.

На скромный обелиск возложили венок, на алой ленте были вышиты слова: «Нашей подруге — комсомолке Вере Волошиной от комсомольцев и молодежи фабрики».

Наталья Трофимовна рассказала о Вере Волошиной, Зое Космодемьянской, о боевых делах московских комсомольцев, сражавшихся здесь осенью 1941 года. Минутой молчания почтили память тех, кто отдал свою жизнь за Родину...

А спустя несколько месяцев мне сообщили, что по решению Кемеровского горсовета школе № 12, в которой; училась Вера Волошина, присвоено ее имя. Именем Веры Волошиной названа и одна из новых улиц города.

За последние годы я дважды побывал в Кемерове и; мог бы много рассказывать о том, как бережно и любовно хранят память о Вере Волошиной ее земляки. Почти каждый день в небольшой комнате на улице Черняховского, где сейчас живет Клавдия Лукьяновна, бывают гости: пионеры, комсомольцы, молодые рабочие, студенты, воины Советской Армии. Часто приходят школьные товарищи Веры, проживающие в городе: Раиса Ивановна Миронова, Александр Харитонович Агафонцев, Надежда; Петровна Кочеткова, Муза Васильевна Королева, Клавдия Петровна Бочкарева.

Имя Веры Волошиной стало близко и дорого не только ее землякам-кемеровцам.

Клавдия Лукьяновна получает много писем из самых различных уголков страны. Вот лишь несколько отрывков из этих писем.

«Дорогая Клавдия Лукьяновна! — пишет Галя Подберезина из города Мариинска. — Я очень хочу быть похожей на Вашу дочь Веру. Но как мне это сделать? Я очень прошу подробнее рассказать мне о Вере, приму все меры и тоже буду такая...»

Зина Чикункова, ученица 9-го класса одной из школ города Таштагол, писала:

«Даю Вам, Клавдия Лукьяновна, честное слово, что я закончу техникум, а потом институт и тем самым буду хоть чуточку похожа на нашу Веру».

Галя Самусева из Барнаула в своем письме обещала Клавдии Лукьяновне:

«Я буду стремиться во всем походить на Вашу дочь Веру. Большое спасибо за то, что Вы воспитали такую дочь!»

А вот строки из письма Анастасии Ивановны Мещеряковой из Прокопьевска:

«...Когда я прочла о Вашей дочери Вере, я очень разволновалась и не могла удержаться, чтобы не поплакать. Дорогая Клавдия Лукьяновна! Я горжусь Вами, матерью, которая воспитала такую прекрасную дочь. В сердце моем осталась гордость

за Вас, Клавдия Лукьяновна, за Вашу дочь — отчаянную разведчицу Веруську. Сердце мое подсказало эти слова, которые я пишу Вам...»

В Москве, в Химках, есть восьмилетняя школа-интернат № 52. Обычная, каких здесь много. В школе часто стали бывать гости, которых ребята всегда ждут с большим нетерпением. Еще бы, ведь это же партизаны, не раз побывавшие в тылу врага! Дружба учеников школы-интерната № 52 с бывшими партизанами отряда Артура Карловича Спрогиса началась давно. Здесь накануне 45-й годовщины Великого Октября побывала Клавдия Александровна Милорадова. С волнением, затаив дыхание слушали школьники рассказ бывшей партизанки о том, как сражались в тылу врага комсомольцы и как погибли боевые подруги Зоя Космодемьянская и Вера Волошина. О Вере ребята услышали впервые, и их особенно заинтересовала судьба этой мужественной разведчицы.

Здесь же, на пионерском сборе, и решили ребята начать поиски материалов о Вере, чтобы потом создать свой школьный музей.

Первое письмо отправили в Кемерово — Клавдии Лукьяновне Волошиной. «Дорогая Клавдия Лукьяновна, — писали пионеры, — нам очень хочется как можно больше узнать о жизни и боевых делах Вашей Веры. Расскажите нам о ней! А когда приедете в Москву, мы встретим Вас с огромной радостью...»

Клавдия Лукьяновна побывала в школе-интернате, встретила с ребятами, многое рассказала она своим юным друзьям о Вере. Подарила им фотографии, сообщила адреса школьных, институтских товарищей, ее боевых подруг. И вскоре в школу стали приходить письма из Ульяновска, Куйбышева, Львова, Риги, Тбилиси, Рыбинска и других городов, где сейчас живут и работают Верины друзья. Они прислали свои воспоминания о Вере, фотографии и документы.

Постепенно у ребят собралось много интересных материалов. Побывали они и в совхозе Головково, где погибла Вера, и на ее могиле в деревне Крюково. Все материалы, собранные пионерами, и послужили основой для их музея, который был открыт в торжественной обстановке.

В этот день в гости к ребятам приехали боевые подруги Веры Волошиной — Клавдия Александровна Милорадова, Наталия Михайловна Обуховская и Наталия Трофимовна Самойлович. Они присутствовали на торжественной линейке, посвященной открытию музея. Здесь все было сделано руками ребят.

Большую, благородную работу начали и успешно продолжают пионеры школы-интерната № 52. И, отмечая это, Ленинградский район Москвы присвоил пионерской дружине школы имя Веры Волошиной.

Не отстают от своих московских сверстников и кемеровские ребята. Вскоре после того как удалось найти могилу Веры, они отправились в большой поход по местам боев отряда, в котором сражалась их землячка. В Москву приехали 14 лучших учеников

кемеровских школ во главе с директором городского Дома пионеров Г. П. Хабаровой. А на следующий день рано утром мы вместе отправились в путь. Пригородная электричка, дорога в Наро-Фоминск. А потом автобус до деревни Пашково и три километра до Крюкова... Шли по залитой солнцем дороге. По обе стороны уже убранные поля ржи, а дальше, окаймляя горизонт, еще не тронутые золотом осени подмосковные леса, в которых в холодные ноябрьские дни 1941 года действовал отряд Веры Волошиной.

Вижу, как посуровели лица ребят, как-то само собой утихли смех и шутки. Уже видно Крюково, небольшое, разбросанное по обе стороны оврага село с узеньким ручейком посредине, разбитая еще в войну церковь. И совсем рядом, на развилке дорог, небольшая братская могила, скромный обелиск, металлическая ограда. И много, очень много зелени.

Могила любовно убрана — здесь часто бывают пионеры крюковской школы, и кемеровские ребята лишь подстригли кустарник, чтобы он не заслонял обелиск. Молчаливо стояли они у могилы Веры Волошиной, погибшей за тысячи километров от родного города. Земляки принесли с собой свою любовь и благодарность, свое восхищение ее подвигом и горячее стремление быть такими, как Вера... Об этом перед строем кемеровских и крюковских пионеров и школьников сказали Женя Высоцкая, Галя Яковлева. Об этом взволнованно говорила и Люся Павлова, ученица четвертого класса крюковской школы. Вот ее слова, которые я привожу полностью:

— Дорогие ребята из далекого края! От всех пионеров и школьников нашей школы приветствую вас на нашей земле подмосковной. Эта земля полита кровью защитников нашей Родины, кровью защитников нашей столицы — Москвы. За эту землю, за наше счастливое детство отдала жизнь славная героиня нашего народа, ваша землячка Вера Волошина. Сегодня у могилы Веры мы клянемся быть верными нашей Родине, как Вера.

Пусть всегда будет солнце,
Пусть всегда будет небо,
Пусть всегда будут мамы,
Пусть всегда будет мир!

Вот уже больше десяти лет прошло с тех пор, как удалось раскрыть тайну безымянной братской могилы в деревне Крюково, узнать и рассказать людям о судьбе разведчицы Веры Волошиной, которую многие годы считали пропавшей без вести.

Теперь о ней знают повсюду. Десятки школ, пионерских дружин и отрядов носят имя славной патриотки, я знаю две улицы имени Веры Волошиной — в ее родном городе Кемерове и под Москвой, на станции Перловская, рядом с институтом, в котором она

когда-то училась.

О подвиге Веры Волошиной рассказали на своих страницах газеты «Правда», «Красная звезда», «Комсомольская правда», писали о ней журналы «Октябрь», «Знамя», «Молодая гвардия», «Пионер», «Вожатый». Несколько передач о Вере Волошиной подготовили Всесоюзное радио и Центральное телевидение. Во время одной из передач телевизионного альманаха «Подвиг» Герой Советского Союза генерал-полковник Н. М. Хлебников, по поручению Президиума Верховного Совета СССР, передал Клавдии Лукьяновне Волошиной орден Отечественной войны I степени, которым была посмертно награждена ее дочь Вера...

Память о мужественной комсомолке-разведчице Вере Волошиной бережно хранят советские люди и наши друзья за рубежом. Об этом свидетельствуют десятки писем, которые получает Клавдия Лукьяновна каждый день. В последнее время ей особенно часто пишут из Болгарии. Болгарская газета «Поглед» напечатала большой очерк о Вере Волошиной, и теперь у Клавдии Лукьяновны появилось много близких друзей в Софии, Варне, Пловдиве, Бургасе и других городах и селах братской Болгарии. Приходят письма из Польши, ГДР, Венгрии, Чехословакии, а недавно прислала письмо девушка из далекой Иордании, каким-то образом узнавшая о подвиге Веры Волошиной...

Письма... Их очень много приходит отовсюду по знакомому адресу: город Кемерово, улица Черняховского, 5, квартира 3, Волошиной Клавдии Лукьяновне. Каждое из этих писем — лишь малая частица той большой любви и уважения, которыми окружено, особенно среди молодежи, имя Веры Волошиной.

Я знаю, что Клавдия Лукьяновна всегда отвечает на письма, хотя их приходит много. И как не ответить, если в этих письмах любовь и уважение, как отказать в просьбе прислать фотокарточку Веры, рассказать о ее детстве и юности, как не откликнуться на взволнованный вопрос о том, что надо сделать для того, чтобы воспитать в себе черты характера, которыми отличалась Вера? Ведь наша юность, вступая в жизнь, берет для себя примером героев. Здесь же, у братской могилы, студенты построили музей боевой славы имени Веры Волошиной.

Пожалуй, особенно крепкая дружба связывает Клавдию Лукьяновну с молодежью Московского кооперативного института, в котором до войны училась Вера. Сколько уже прошло, сменилось поколений студентов, но в институте все помнят о Вере Волошиной. Ее навечно зачислили в лучшую группу экономического факультета, студенты добились, чтобы Вторую Вокзальную улицу, на которой стоит институт, назвали улицей Веры Волошиной.

Я хорошо помню, как десять лет назад студенты начинали поиск, по крупицам собирали материалы о Вере. Они разыскали ее друзей и боевых товарищей, побывали в Кемерово, встретились и подружились с Клавдией Лукьяновной. И вот теперь у них

создан хороший музей, в котором собрано много интересных документов, фотографий, писем, личных вещей и других материалов, рассказывающих о жизни и боевых делах разведчицы Веры Волошиной. Народный художник Белоруссии Александр Васильевич Грубе по просьбе студентов создал скульптурный портрет Веры Волошиной, который с большим успехом экспонировался на Всесоюзной художественной выставке, посвященной 25-летию разгрома немцев под Москвой. Сейчас эта скульптура хранится в студенческом музее.

Теперь уже трудно сказать, кому из студентов первому пришла в голову мысль своими руками поставить на могиле Веры Волошиной красивый памятник. Идею подхватил комитет комсомола, совместно разработали; план и приступили к делу. Прежде всего нужны были деньги. На целине, в подмосковных колхозах и на стройках студенты заработали несколько тысяч рублей. Нужны были строительные материалы, и студенты, проявив удивительную настойчивость и терпение, добыли все необходимое — кирпич, цемент, мрамор. А затем 15 лучших студентов, досрочно сдав экзамены весенней сессии, захватив с собой две палатки и все необходимое для походной жизни, поехали в Крюково. На целый месяц будущие экономисты, товароведы, бухгалтера превратились в строителей и художников. Своими руками они построили памятник, облицевали его мрамором, благоустроили всю территорию вокруг братской могилы, посадили цветы. Но это не все. Пока работали строители, группа студентов-следопытов выполняла еще одно поручение комитета комсомола — они должны были узнать имена всех воинов, похороненных вместе с Верой Волошиной в братской могиле. Они узнали фамилии восемнадцати солдат, сержантов и офицеров, погибших при обороне Москвы. Когда был готов памятник, студенты написали на нем имена павших героев. Свой поиск они продолжают. Недавно им удалось узнать еще о девяти воинах, похороненных в деревне Крюково. Их фамилии будут также написаны на памятнике.

2 июля 1967 года был торжественно открыт памятник в деревне Крюково. В этот день сюда приехали родные и близкие погибших воинов, их друзья и боевые товарищи. Среди них Клавдия Лукьяновна Волошина, Наталия Трофимовна Самойлович, боевая подруга Веры, бывший командир части Артур Карлович Спрогис. Здесь же была и делегация кемеровской молодежи во главе с работником горкома комсомола Ольгой Ляльковой.

Думаю, что не надо подробно писать о том, как проходил этот митинг у братской могилы — об этом рассказывала «Правда» и другие центральные газеты. Мне хочется лишь подчеркнуть большое, принципиальное значение всего, что сделали студенты Московского кооперативного института. Они не только увековечили память Веры Волошиной, но также узнали о судьбе 27 воинов, похороненных вместе с ней в братской могиле. 26 лет они были безымянны, никто не знал о них в Крюкове и окрестных деревнях. Теперь о них знает каждый. Двадцать семь павших героев

получили подлинное бессмертие, о них теперь будут помнить всегда.

Мне кажется, что студенты правильно поняли значение своего поиска. Они пришли к убеждению, что точно так, как было сделано в Крюкове, можно сделать всюду, где с войны остались безымянные братские могилы. Надо, просто необходимо сделать все для того, чтобы братские могилы раскрыли свои тайны, и, кто знает, сколько новых, ранее неведомых страниц будет вписано в славную летопись героической борьбы нашего народа.

Каждый год, поближе к весне, Клавдия Лукьяновна Волошина начинает собираться в дорогу. А она не близкая — от Кемерово до Москвы более четырех тысяч километров. И вот наконец наступает день отъезда. Хотя Клавдия Лукьяновна человек пожилой и порой ей нездоровится, она не может отложить поездку. Ей надо обязательно поехать к Вере, побывать у ее могилы...

В Крюкове ей всегда рады. Она здесь свой, близкий человек. Останавливается Клавдия Лукьяновна во всегда гостеприимном доме Екатерины Даниловны Прибылово которая заведует сельским клубом и вот уже много лет ухаживает за братской могилой. Обычно живет у неё Клавдия Лукьяновна до осени. Каждое утро приходит к могиле. Там, чуть в стороне, под березой стоит скамейка. Видно, специально поставили ее для матери Веры...

Пожалуй, никогда Клавдия Лукьяновна не бывает долго одна у могилы. Подходят к ней местные жители, вспоминают войну, рассказывают о жизни в совхозе, о своих делах и заботах. Тут же всегда и дети — местные и целые группы пионеров из ближайших и дальних лагерей. Чуть ли не в первый день они узнают, что приехала мама Веры Волошиной, и стремятся обязательно с ней встретиться. Видимо, поэтому все маршруты их ближних и дальних походов всегда проходят через деревню Крюково. Я много раз видел Клавдию Лукьяновну в Крюкове. Взволнованная и вместе с тем какая-то необычная, по матерински величавая и простая, сидит она в окружении притихшей детворы, рассказывает им о Вере, о том, как она росла и училась, отвечает порой на самые неожиданные вопросы, которые могут задать лишь дети. Иногда с ними спорит о чем-либо, но чаще всего мечтает о том какой будет жизнь на земле лет через десять-пятнадцать когда эти мальчики и девочки станут взрослыми, таким какой была ее Веруська...

Много волнующих, незабываемых встреч бывает у Клавдии Лукьяновны здесь, в Крюкове, и в Москве, где живут многие боевые подруги Веры. У них она всегда желанный и дорогой гость. А однажды Клавдия Лукьяновна встретила с Любовью Тимофеевной Космодемьянской. Ведь их дочери, Вера и Зоя, были в одной группе и погибли в один и тот же день.

Я был на этой встрече в 201-й средней школе имени Зои и Шуры Космодемьянских, и хотя с тех пор прошло уже немало дней, об этой встрече нельзя вспоминать без

волнения.

Обе матери потеряли на войне самое дорогое — своих детей. Им уже много сейчас лет, все чаще и чаще одолевают болезни. Порой бывает трудно, ой как трудно оставаться наедине со своими мыслями, вспоминать прошлое, еще и еще раз переживать боль безвозвратных потерь.

Горе и годы состарили матерей, но не сломили их духа. Я с восхищением смотрел на этих несокрушимых женщин и все пытался понять: в чем же их сила? Что помогло им пережить горе, выстоять, выдержать удары судьбы?

Я смотрю в притихший зал, в широко раскрытые глаза собравшихся здесь школьников, и мне становится все понятным. Да вот они, все мы не дали окаменеть, ожесточиться материнскому сердцу. Ведь они живут с нами, ради нас, от души радуются нашим успехам, им очень хочется передать нам, как эстафету, все то доброе, чем богата их жизнь, свою материнскую любовь, свое щедрое сердце. Все, что они делают, их добрые слова и советы очень нужны нам, молодым, они заставляют, учат нас быть достойнее и лучше. В каждом из нас эти пожилые женщины видят своих детей, и мы понимаем, чувствуем это...

Зоя и Вера были в одном отряде, они погибли в один и тот же день смертью героев, о них будут помнить и никогда не забудут люди...

Несколько лет назад поэт Владимир Федоров опубликовал в журнале «Октябрь» «Балладу о Зое и Вере», которой мне и хочется закончить повесть.

Их в разных местах схватили.

Несхожие имена...

Две матери их растили —

Отчизна у них одна.

Плеснули в девичьи лица

Морозная синь и ширь.

А рядом Москва дымится,

А там — вся в лесах — Сибирь.

За Зоей снега месили

Подкованные сапоги.

На иве, на грустной иве

Повесили Веру враги.

Где сыщешь ты человека,

Чтоб шапку пред Зоей не снял?

Про Веру же четверть века

Никто ничего не знал.

Молчала седая ива,
Растаял кровавый снег,
Две звездочки горделивые
Пусть светят рядом вовек!

Две ласточки невеселые,
Казненные в хмурый день.
Могилы в соседних селах,
А сколько таких деревень!

Друг, ты родился в сорок первом.
В их юные лица взглядишь.
Вера — по-русски вера,
Зоя — по-гречески жизнь.